

Зарубежная

фантастика

Хаим Оливер
ЭНЕРГАН-22

Хаим Оливер ЭНЕРГАН-22

Научно-фантастический
роман

Издательство «Мир» Москва

Зарубежная

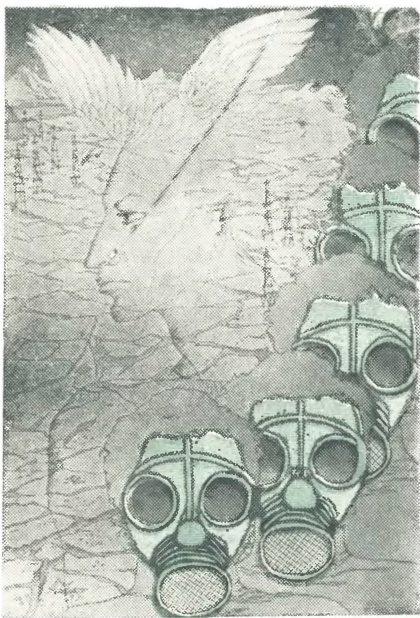

фантастика

Хаим Оливер

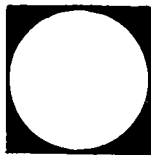
ЕНЕРГАН 22

**Роман
за едно фантастично приключение**

ИЗДАТЕЛСТВО ОТЕЧЕСТВО СОФИЯ 1981

Зарубежная

фантастика

Хаим Оливер

ЭНЕРГАН-22

Роман
об одном фантастическом
приключении

Перевод с болгарского М. Михелевич
Предисловие Дм. Биленкина

МОСКВА «МИР» 1984

И (Болг)
054

Оливер Х.

054 Энерган-22: Науч.-фантаст. роман; Пер. с болг./Предисл. Дм. Биленкина.— М.: Мир, 1984.— 360 с. — (Зарубежная фантастика)

Роман известного болгарского писателя, лауреата Дмитровской премии Хайма Оливера, знакомящий читателя с одним фантастическим изобретением, с которым тесно связаны судьбы многочисленных персонажей.

Для любителей научной фантастики.

0 $\frac{4701000000-362}{041(01)-84}$ 178—84, ч. 1

ББК 84.4 Бл
И (Болг)

*Редакция научно-популярной и
научно-фантастической литературы*

Хаим Оливер
ЭНЕРГАН-22

Старший научный редактор И. Я. Хидекель. Младший научный редактор. М. В. Суровова. Художник К. А. Сашинская. Художественный редактор В. Б. Прищепа. Технический редактор Л. П. Бирюкова. Корректор Т. П. Пашковская.

ИБ № 3769

Сдано в набор 13.12.83. Подписано к печати 9.04.84. Формат 70×100^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Объем 5,63 бум. л. Усл. печ. л. 14,63. Усл. кр.-отт. 29,72. Уч.-изд. л. 16,04. Изд. № 12/3098. Тираж 100 000 экз, Зак. 811, Цена 1 р. 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР».

129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

© Хаим Оливер, 1981

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984

Безумие демонов

Демоны существуют.

Это не призраки воображения, которыми наполнилось религиозное сознание всех времен. Не те ветхозаветные исчадия зла, которые столько веков омрачали сон разума видениями загробных мук. В подлинных демонах ничего потустороннего нет. Они столь же реальны, как ненависть или жестокость, но их природа намного сложнее природы чувств. Наглядна деятельность этих демонов, но не сами они. Нигде и ни в ком они не воплощаются до конца; их потаенная сущность столь незрима, неосязаема, что читатель вправе задать недоуменный вопрос: полно, о каких таких демонах идет речь, не шутка ли это?

Увы, все настолько серьезно, что от нашей способности различать демонов жизни, противостоять им сегодня зависит судьба человечества. Что незримо для глаз, то открыто для мысли. Вглядимся же в современность попристальней, попытаемся проникнуть в ее самые зловещие тени и посмотреть, что там обозначится.

Не требуется большого ума, чтобы понять: термоядерная война уничтожит цивилизацию; ни победителей, ни побежденных в ней не будет. Тем не менее за океаном в последние годы стали обычными рассуждения о допустимости атомных войн, о так называемой ограниченной атомной войне. И рассуждают об этом не пациенты психиатрических больниц, а правительственные чиновники весьма высокого ранга.

Народная мудрость гласит: даже незаряженное

ружье — стреляет. Что же тогда сказать о тысячах ракет, которые снаряжены, нацелены, в любую минуту готовы к запуску? И в этом случае не надо большого ума, чтобы сообразить: планета и без злого умысла может полыхнуть огнем — из-за человеческой или технической ошибки. Но вместо разоружения — невиданная гонка вооружения, а значит, невиданное обострение риска. Можно не спрашивать, где разум, но должно спросить: где здравый смысл?

Допустим, однако, что миру повезет и никакой маньяк не нажмет роковую кнопку. Допустим, ни человек, ни компьютер ни разу не ошибется. Но разве не факт, что над нашей планетой сгущаются тучи экологического кризиса? Катастрофу еще можно предотвратить, однако для этого нужны немалые средства. А их пожирает гонка вооружений. Сил, времени может не хватить — и тогда народы и страны начнут задыхаться примерно так, как об этом пишет Х. Оливер в своем романе «Энерган-22». Уже сегодня орудия войны способны расстрелять будущее без единого выстрела!

Когда подытоживаешь сказанное, не спрашиваешь, какой демон лишил адвокатов милитаризма рассудка и здравого смысла. Где инстинкт самосохранения?! Книга Оливера вводит нас в эту тайну. Точнее, вплотную подводит к ней.

Центральный персонаж романа «Энерган-22» — супермиллиардер, властелин нефтяной империи, некоронованный король вымышленной страны Веспучии Эдуардо Мак-Харрис. Его образ не лишен демонических черт. Настолько, что не составляет труда проследить его родство с фигурами злодеев романтической литературы прошлого, которым подчас была присуща какая-то запредельная одержимость творимым злом. Вообще в «Энергане-22» отчетлива романтическая струя: тут и сатанинское злодейство, и мотивы благородной мести, и романтический ореол вокруг некоторых

героев, и многое другое. Что ж, научная фантастика традиционно связана с романтизмом (вспомним хотя бы образ капитана Немо); она и сегодня при необходимости пользуется арсеналом его художественных средств. Как известно, не только фантастика поступает подобным образом.

Вместе с тем Мак-Харрис далеко не «романтический злодей» прошлого. Это хищный делец; его ум холоден, как компьютер, предельно рационалистичен и — парадокс! — в этом своем рационализме подчас иррационален. Именно с этим связан прежде всего свойственный образу налет демонизма. Несомненная удача писателя в том, что он подметил эту парадоксальную связь и представил ее нашему вниманию.

В самом деле, деятельность Мак-Харриса и ему подобных породила всеудушающий смог. Но тот же смог крайне опасен для самого Мак-Харриса. В романе он становится причиной гибели его единственного, горячо любимого сына. В этом можно усмотреть чисто романтический мотив наказания, наивную веру в то, что злодейство само карает себя. Однако в «Энергане-22» это скорее символ, художественное обобщение не всегда очевидных реалий современности. Ведь отравление природы подрывает основу всякой жизнедеятельности, возбуждает народный гнев, ослабляет экономику, а тем самым и устои империи Мак-Харриса.

Невежество, его демоническую, по определению Маркса, силу нельзя сбрасывать со счета. Президент США Рейган, во всяком случае на первых порах, был убежден, что взлетевшие ракеты в случае чего можно вернуть обратно. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Глава сверхтехнологизированной державы, главнокомандующий ее вооруженными силами, не разбирается в элементарных вещах, от которых, между прочим, зависит существование и самих Соединенных Штатов Америки!

Так обозначился первый из наших демонов — демон невежества.

Но Мак-Харрис по-своему весьма неглуп, кто-кто, а он знает, что дважды два — четыре. Однако, как только дело касается оценки глобальных проблем, у мак-харрисов поразительным образом сплошь и рядом получается даже не пять, а стеариновая свечка!

Автор, не разъясняя, лишь знакомит нас с этим фактом; его право поставить точку там, где он считает нужным. Мы же не связаны хитросплетениями сюжета и можем продолжить анализ.

Человеческого в Мак-Харрисе — только любовь к сыну, все прочее выжжено дотла. Нельзя даже сказать, что он поглощен страстью наживы (страсть все-таки человеческое чувство!), скорее он похож на робота, преследующего цель наживы, всецело запрограммированного на ее достижение. Закономерен вопрос: а может ли он быть иным?

Человеку, живущему в обществе, где высшей социальной ценностью почитается богатство, легко может показаться, что деньги — превыше всего. Имея их, рассуждает он, можно приобрести все на свете и быть счастливым. Вступивший на этот путь (а на него толкает сам дух капиталистического общества) не подозревает, какие потери он понесет. Купить можно многое, но за деньги не приобретешь настоящую любовь и дружбу. Простую привязанность, тепло человеческого участия и сочувствия — даже этого купить нельзя! Заметим кстати, что и сама возможность приобретения благ за деньги в обществе, где эта возможность мнится безграничной, ныне сокращается на манер шагреновой кожи. Ни за какие деньги уже нельзя приобрести самое элементарное — безопасность. И дело не только в гангстерах, зарящихся на чужое богатство. Судьба любого миллиардера теперь неотделима от судеб мира. Конечно, можно отсидеться в комфортабельном бун-

кере, но что прикажете делать на отравленной и опустошенной земле, где миллиарды не что иное, как никчемная бумажка?! Пока еще можно избежать пагубного городского смога, но стоит грянуть экологической катастрофе, как и миллиардер не сыщет здорового, чистого уголка природы! Нельзя более жить по принципу «после нас хоть потоп!». Потоп может накрыть в любую минуту...

Казалось бы, это должно быть ясно даже самым твердолобым. Однако в человеке, которого обуял «демон наживы» или «демон властолюбия», происходят зловещие перемены. Избранный им путь возвышения требует хитрости и корыстного расчета, беззащитности и бессердечия, энергии и сокрушительности, коварства и ледяного эгоизма. Иначе не победишь конкурента и соперника, не ограбишь ближнего, не сколотишь «империю». А действуя так, человек выжигает в себе все человеческое и превращает все окружающее в ту же испепеленную пустыню. Духовная нищета среди богатств, одиночество и опустошенность — конечный предел алчности.

Таков Мак-Харрис. Все немногое человеческое, что в нем осталось, сосредоточено на сыне, но даже в этой любви — очень точный психологический штрих! — есть что-то патологическое. Создатель могучей финансовой империи настолько опустошил себя, что стоит исчезнуть последней душевной привязанности, как он сам становится живым трупом.

В правдоподобии такого Мак-Харриса нас убеждает не только мировая литература, создавшая обширную галерею портретов «обездоленных богачей», но в известной мере и биографии подлинных миллиардеров. Впрочем, художественный образ порою точнее жизнеописаний, ибо в нем, как в рентгенограмме, высвечивается то сущностное, глубинное в человеке, что вуалируется будничной действительностью. Все люди

разные, варианты судеб различны, да и не во всяком плутократе распад личности дошел до конца, так что реальные мак-харрисы, особенно на публике, выглядят куда добропорядочней, безобидней и человечней (выгляди они злодеями, им, между прочим, куда труднее было бы действовать). Но хищничество от этого не перестает быть их сущностью. Здесь образ Мак-Харриса весьма реалистичен и точен.

Предвижу резонный вопрос читателя: «демон наживы» превращает человека в аморальное и антисоциальное существо. Но не лишает же ума? Понимания, что для него самого, по большому счету, пагубно? Не лишает. Но извращает ум, как и все остальное. Одержимость заставляет видеть лишь одну цель, препятствия к ней и способы их преодоления. Уже по этой причине узко нацеленный, сугубо прагматический ум мак-харрисов с трудом воспринимает глобальные проблемы в их подлинном значении и объеме. Природа, люди, решительно все видится лишь средством к достижению цели, воспринимается сквозь эту призму и оценивается по статьям дебита-кредита. Делец, изменивший этой шкале ценностей, перестает быть таковым.

Но эта извращенная ограниченность интеллекта еще не беда; хваткий, привыкший учитывать реалии ум может перестроиться, принять выводы науки и сообразоваться с доводами здравого смысла. Тот же Мак-Харрис отнюдь не глупец, что-что, а перестраиваться он умеет. Хуже другое. Став прислужником демонов, он уже не властен над ними. Он хозяин капитала, и он же его пленник и раб. Или играй по правилам, или выходи из игры — третьего не дано. Да, загрязнение среды обитания опасно, пагубно для него самого, сообразить это нехитро, благо удар нанесен в самое сердце — отравленный воздух губит сына. Но сохранение природы требует немалых затрат, а это сокращает

прибыль, делает его нефтяную империю менее конкурентоспособной, чем, допустим, «Рур Атом», что куда опаснее. Ведь сокрушат и раздавят!

И тут демон наконец обозначился в полный рост. Страсть к наживе, даже самая разрушительная, все-таки страсть. Качество, которое при желании (у адвокатов мак-харрисов оно в избытке) можно объявить пусть демоническим, но изначальным, неистребимым в людях (разумеется, если только забыть, что на протяжении десятков тысячелетий, до становления классового общества, это «изначальное качество» почему-то не проявляло себя!). Нет, пагубная одержимость объясняет далеко не все! Подлинное обличье искомых демонов наглядней всего проступает сейчас в действиях военно-промышленного комплекса США. Остановимся на этом подробнее.

Общеизвестно, что выполнение военных заказов обеспечивает наивысшую норму прибыли. Естественно, свободный капитал охотно устремляется в эту сферу. А система военного бизнеса, как и любого другого, стремится, во-первых, к самосохранению, во-вторых, — к развитию, укреплению и росту. Происходит так называемый процесс самовозбуждения: благоприятные условия стимулируют рост системы, а система, укрепившись, в свою очередь начинает активно воздействовать на все окружающее, стремясь создать еще более благоприятные условия для своего усиления. В сущности, она уподобляется раковой опухоли с присущим последней безудержным и пагубным для организма размножением клеток.

Пагубным, заметим, не только для организма в целом, но и для самих взбесившихся клеток. Одним из первых обратил внимание на зловещую роль военно-промышленного комплекса американский президент Дуайт Эйзенхауэр. Он авторитетно предупредил об опасности. Безуспешно! «Раковая опухоль» продолжа-

ла расти, и теперь, похоже, метастазы поразили командные центры США. Какой же демон околдовал умы, посредством какой магии смертоносную опухоль удалось представить добром для Америки?! Ведь и заправили военно-промышленного комплекса все-таки люди, а не раковые клетки, они чувствуют, думают!

Внешне все это выглядит ирреальным безумием. В действительности же — никакой мистики, все очень посясторонне. Вполне допускаю, что среди генералов Пентагона и заправил военного бизнеса есть люди, отдающие себе отчет в том, чем может закончиться их бизнес. Не все же одержимы «демоном невежества». Охотно верю, что наедине с собой они испытывают страх, их пугает будущее, которое они уготовили для самих себя и своих детей. Тем не менее они продолжают исправно служить тому, что их пугает в часы бессонницы, ибо попробуй они повлиять на систему, дающую им положение, деньги, власть, и система тотчас обернется против них. Сработает механизм саморегуляции, они будут выброшены за борт невзирая на чины и ранги. Машина, созданная для извлечения прибыли, может работать только так, как она работает. Стоит породить демонов, как они подчиняют тех, кто мнит себя их повелителем. Жизненная практика подтверждает это всецело. Даже натовским генералам, которые включились в борьбу за мир, пришлось расстаться с армией. Примечательно, что Эйзенхауэр рискнул указать на зловещую роль военно-промышленного комплекса лишь перед уходом из Белого дома.

Система защищает себя. Отторгает все лекарства разума, в себе самой парализует инстинкт самосохранения. Безумие, питающее само себя. И демоны этого безумия гнездятся не только в душах, но более всего и прежде всего в самом строе общественных отношений, который возвышает мак-харрисов. И если губитель-

ный смог, как это описано в романе, накроет не вымышленную Веспуччию, а вполне реальные города и страны, то своим появлением он более всего будет обязан тем же демонам и их безумию.

От граждан всех веспуччий, сколько их ни есть, тщательно скрывают вот эту причину терзающих человечество зол. В ход идут любые доводы, лишь бы опровергнуть давний вывод Маркса о сущности капитализма. Вам кажется, что обезумел сам род человеческий? О да, смотрите на происходящее, иного объяснения нет. Научно-технический прогресс пагубен, от него все зло? О да, ведь прежде мы дышали чистым воздухом... Во всем виновата изначальная сущность человека? О да, без сомнения, ведь никаких демонов нет, это все сказки...

Но как бы ни был успешен обман или самообман, люди все более чувствуют давление какой-то надличностной и уже безумной силы. Иных это подвигает на осмысленную борьбу, иных ввергает в слепой гнев и отчаяние. Эта беспросветная ненависть питает тот экстремизм, который ныне стал характерной приметой социального климата вполне реальных веспуччий. Увы, все закономерно и тут: безумие множит безумие. Этот момент очень верно и ярко схвачен в романе Х. Оливера, эпизоды с динамитеросами наиболее впечатляющие, как и образ Рыжей Хельги, «мадонны» террористов и одновременно (что весьма типично для политической жизни Запада) штатной провокаторши. Здесь книга помогает нам различить еще одного демона наших дней — «демона экстремизма», деятели которого порой также выглядят пароксизмом безумия.

Научная фантастика, как никакой другой вид литературы, обращена к дню завтрашнему. Мера этой обращенности, ее характер, в каждом произведении, разумеется, различна. Неизменно одно: современность

(а она в научной фантастике присутствует неизбежно) никогда не замкнута сама на себя, всегда протяженна. Не только в смысле продления и возможного в будущем видоизменения наблюдаемых тенденций сегодняшнего дня. Гипотетическое, а то и условное будущее оказывается в фантастике той призмой, которая позволяет как бы с дальних временных позиций взглянуть в настоящее. Такова особенность и романа Х. Оливера. Перед нами роман-предостережение. Смотрите, что может случиться с людьми и Землей, если не обуздать демонов капитализма! С другой стороны, произведение позволяет лучше взглянуть и в современность, глубже проникнуть в те ее проявления, которые подчас заставляют подозревать какое-то иррациональное, охватившее умы безумие. Как правило, научная фантастика — это «вид с высоты». Временной и пространственной. Так лучше обрисовываются контуры глобальных проблем человечества, расширяется поле художественного видения, обозначаются дальние, еще неясные стремнины, перепады... Так литература обретает своего рода «космическое зрение», крайне необходимое в наш век бурных, масштабных и небывалых перемен (в этом, кстати сказать, едва ли не главный секрет популярности жанра).

Но где приобретения, там и потери. Чем шире охват, тем труднее выразить и передать тонкие движения характера. Даже мощный талант не всегда может преодолеть это художественное противоречие. Неразрешимость такого противоречия дает о себе знать и в романе Х. Оливера. Однако это не снижает социальной ценности книги, которая определяется тем, зорче ли нас делает то или иное прочитанное произведение, настраивает ли оно душу на борьбу со злом или оставляет равнодушным.

Полагаю, роман Х. Оливера отвечает этим критериям.

У каждого времени свои демоны, но их поведение всегда одинаково: чуя гибель, они впадают в неистовство. И любая книга, которая хоть как-то высвечивает их потаенную сущность, — наше оружие в борьбе с ними.

Дм. Биленкин

Часть первая

Жрец

1. Покушение и ультиматум

Шею захлестнула петля, меня душили.

Я задыхался, стонал, жизнь уходила...

Пытался открыть глаза, но веки налились свинцом, легкие, казалось, вот-вот разорвутся, сердце бешено колотилось, и я сознавал, что это лишь сон, тот кошмарный сон, с которым я просыпался каждое утро с тех пор, как мы уменьшили дозы кислорода в нашей спальне.

Тщетно вырывался я из рук палача, тщетно открывал рот, чтобы глотнуть напоследок воздуха, я уже понимал, что скоро проснусь и вступлю в хмурый день с тяжелой головой, болью в затылке и горечью во рту...

И в эту минуту прогрехотал взрыв. Дом зашатался, меня чуть не выбросило из кровати. Я кинулся к плотно закрытому окну, выглянул на улицу.

Впереди, за Рио-Анчо, там, где упирался в землю конец «самого большого моста в мире», горели нефтеочистительные заводы. «Все-таки взорвали», — подумал я, глядя, как алые языки пламени, несмотря на непроницаемость смога, отбрасывают зловещие отблески на зеленовато-лиловую поверхность отравленной реки, словно обагрывая ее кровью. Завыли сирены, но смог — мы называем его стайфли (от английского «душить», «задышаться») — впитал в себя их тревожные звуки, как вата впитывает воду. По мосту загромыхали пожарные машины, закружили над огнем вертолеты. Разрывающиеся, как фугаски, здания снова закачались от взрывов, пламя над главным корпусом

взметнулось с новой силой, слизало алчными языками удирающие вертолеты.

«Снять бы эту картину на пленку, — мелькнуло у меня в голове. — Помчаться к мосту, проследить за событиями вблизи. Расспросить свидетелей, взять интервью у рабочих, у раненых, у вертолетчиков, а потом написать репортаж с продолжением, номеров на пять. Такой случай не каждый день подворачивается. И тогда меня снова возьмут в редакцию, и я смогу впускать в квартиру столько кислорода, сколько пожелают мои легкие...»

— Значит, сумели! — шепнула Клара.

Она стояла возле меня в пижаме и дышала с трудом, лицо у нее, несмотря на зарево пожара, было бледным до желтизны. Я знал, что и у нее голова раскалывается от боли, перед глазами все плывет, а во рту горечь. Неужели ей тоже снятся по ночам виселицы? Я иногда слышу, как она стонет во сне.

— Да, — отозвался я, — сумели. Сегодня какое число?

— Второе августа, — не без досады произнесла она. — У детей каникулы... если помнишь...

Было второе августа, семь часов утра, где-то, далеко-далеко за горами, уже давно взошло солнце и заливает своими лучами зеленые леса, сверкающие озера...

Впрочем, оно взошло и здесь, над Америго-сити, но в Америго-сити всегда царит зеленовато-серый полумрак, и если бы не алое зарево пожара, в городе сейчас было бы так же сумрачно, как обычно.

Я повернул голову к небоскреbam Центра, туда, где взметнулась к небу пятисотметровая стрела городского Индикатора. Его мощные оранжевые лампы с трудом пронизывали толщу стайфли, оповещающая шесть миллионов человеческих существ, населяющих бетонные ячейки, почему-то именуемые «квартирами», что сегодня

насыщенность воздуха смогом достигла 87 процентов.

Не сводя глаз с пылающих заводских корпусов, я включил радио, и из приемника хлынул тугой словесный поток:

«...Несколько минут назад у нас в студии раздался телефонный звонок и мужской голос сообщил о том, что взрыв нефтеочистительных заводов компании «Альбатрос» организован отрядами динамитеросов в ответ на арест Рыжей Хельги, первой помощницы Эль Капитана. Тот же голос предупредил, что если сегодня же, до наступления полуночи, Рыжая Хельга не будет выпущена на свободу и ей не будет предоставлен самолет, который доставит ее в указанное ею место, то динамитеросы нанесут по крепости деспота новые сокрушительные удары...»

Диктор помолчал и после небольшой паузы еще более деловым тоном сообщил:

«Как передают с места происшествия, принимаются все необходимые меры для тушения пожара и ограничения зоны его действия. Полиция бросила крупные силы для поиска и ареста террористов. В прилегающих кварталах производятся облавы и обыски. Допросы ведутся самим Командором. Он предупредил, что каждый, кто будет схвачен с оружием или взрывчаткой в руках, подлежит расстрелу на месте...»

Я повернул рычажок, и голос умолк.

— Пора уносить ноги, — сказал я, — пока они не нагрянули и сюда. У меня нет ни малейшего желания встретиться с нашим любезнейшим Командором. Поднимай детей! Когда поезд?

— В десять. Еще рано.

— Тем лучше. Успеем собраться в дорогу.

Но дети уже встали. Плотнo прикрыв дверь, чтобы не лишиться последних глотков кислорода, они испуганно смотрели в окно, за которым бушевало пламя

и разрывались гранаты-огнетушители. Не каждый день увидишь такое яркое зрелище.

Я оттащил их от окна.

— Скорей одевайтесь, едем!

— На Снежную гору, да? — спросил старший. Ему исполнилось двенадцать, а казался он восьмилетним, худенький, бледный... Впрочем, все его сверстники выглядели не лучше.

— На Снежную гору! — подтвердил я. — Высота три тысячи метров! Целых три километра! Почти выше самого солнца.

— И мы сможем дышать вволю? — продолжал мальчик, широко раскрыв глаза. Этот диалог мы с ним вели ежедневно, вот уже несколько месяцев подряд: отдых на Снежной горе — событие в нашей жизни немалое.

— Будете дышать, сколько захочется. С утра до вечера и с вечера до утра, непрерывно, без масок и кислородомера.

— А снег? Там будет снег? — спросил младший. Ему пять лет, но развивается он, пожалуй, лучше брата: вероятно, организм легче приспосабливается к стайфли. Как знать, возможно, у нас уже формируется некий стайфли-мутант, способный дышать не воздухом, а отравляющими газами. Растут же на Бикини после атомных испытаний странные, уродливые цветы, которым не страшна смертоносная радиация!

— И снег будет, — сказал я. — Больше метра глубиной. И белый-белый! Как сахарная вата...

Что такое сахарная вата, они знали. Я однажды не пожалел серебряный доллар и купил им десять граммов этого редкостного лакомства.

— Будете лепить снежную бабу, играть в снежки, кататься на санках... Целых пятнадцать дней!

— Ура-а-а! — закричали дети и запрыгали.

Однако очень скоро оба выбились из сил и затих-

ли — бледные, запыхавшиеся. У меня защемило сердце: бедняжки не могли себе позволить даже чуточку порезвиться. Они родились и выросли в Америго-сити, дышат только смогом и не ведают, что такое горная речка, чистый дождик или белый снег. Может быть, именно поэтому я особенно горячо люблю их...

А за окнами по-прежнему взлетали в воздух цистерны с бензином, стекла дрожали от гула подлетающих один за другим вертолетов, с воем проносились полицейские машины.

Клара готовила в кухне завтрак: хлеб, на этот раз настоящий, из ржи и овса, но намазанный синтетическим маслом — скудный паек маргарина был давно нами съеден. И еще: синтетический кофе, правда лучших сортов, Клара принесла его с завода. Для детей — чай из лекарственных трав, тех, что мы с Кларой собрали в позапрошлом году, когда провели три благословенных месяца под Скалистым массивом. Травы потеряли свежесть, но какое это имеет значение, зато они были настоящие, не синтетические!

С улицы долетали винтовочные выстрелы. Крики. Стоны... Началась большая облава на людей — любимое занятие Командора.

— Скорее, мальчики! — поторопил я. — Опоздаем на поезд.

Чемоданы были уже уложены. Я зарядил детские маски свежими кислородными патронами, заставил их надеть, на грудь каждому повесил медальончик с номером — иначе в толчее не различишь собственных сыновей.

— Готовы? — крикнул я, словно бегунам на старте.

— Готовы! — прозвучал ответ.

Я подошел к двери и поднял руку — так начиналась наша ежедневная и, увы, очень серьезная игра.

— Три... два... один... Ноль!

Я приоткрыл дверь. Клара и мальчики выскользну-

ли на улицу, а я поспешил захлопнуть за ними дверь и вернулся на кухню. Проверил, хорошо ли закрыты окна (зря проверял — они у нас всегда плотно закрыты), потом потуже завернул кран питьевой воды: каждая капля стоит цент. Кран воды для мытья тоже завернул до отказа. Впрочем, водомеры показывали мизерные цифры: мы давно уже не мылись водой, а протирались разными пахучими дезинфекционными жидкостями, горячо рекламируемыми по телевизору мадам Эрмозой. Выключил также электричество. И под конец проверил кран кислородопровода. Счетчик показывал самый низкий расход кислорода за многие месяцы: всего на 23 доллара. В добрые старые времена, когда я еще имел работу, стрелка доходила до 120 долларов. Тогда мы буквально «объедались» кислородом. Но когда у тебя в кармане всего-навсего 17 долларов...

Закончив все манипуляции, я смочил носовой платок содовым раствором и выскочил на улицу.

Тотчас в лицо, точно кулаком, ударил стайфли — тяжелый, горький, терпко пахнущий смог, густая смесь двуокиси серы, свинцовых аэрозолей, сероводорода, фенола, окиси углерода, альдегидов, хлористых углеводородов и бог весть еще каких газов, испарений, химических и всяческих мерзостей, известных в Америке даже мальчишкам. Прижав к носу мокрый платок, я двинулся вслед за Кларой и детьми и на ходу вынул из почтового ящика конверт. Обычный голубой конверт с обычной маркой, адрес напечатан на обычной пишущей машинке.

Этот конверт и послужил началом невероятнейшей истории, которая не только перевернула всю мою жизнь, но явилась причиной многих невиданных взлетов и падений моего несчастного отечества...

Я не сразу распечатал письмо, а рассеянно сунул в карман, поглощенный мыслью о том, как бы поско-

рее уйти подальше от этого небезопасного места. Возле нас во мгле, точно привидения, сновали люди, где-то за углом проносились тяжелые полицейские машины, языки пламени озаряли Рио-Анчо, тупо палили винтовки.

Я потянул детей к ближайшей станции метро, где в туннелях из-за сильных сквозняков воздух был чуть чище и откуда я рассчитывал быстро добраться до Центрального вокзала.

Но, очевидно, не я один рассчитывал на метро, ибо когда мы подошли к станции, лестница оказалась забитой сверху донизу, до последней ступеньки. Мы направились к следующей станции. Однако чемоданы были тяжелые, стайфли все больше насыщались клубами дыма от пожаров, и я еле передвигал ноги, а боль в затылке пронизывала меня всего насквозь, отдаваясь даже в позвоночнике.

Зато дети, освеженные кислородными масками, вприпрыжку бежали со мной рядом. Там и тут другие дети бегом направлялись к метро — возможно, они тоже ехали на Снежную гору, понять было невозможно. Лица у всех были скрыты под масками с уродливыми резиновыми хоботами и большими застекленными отверстиями для глаз, что делало их похожими на марсиан.

Клара тоже быстро шагала вперед: в подобных случаях женщины выносливее мужчин. Впрочем, ее, должно быть, подбадривала мысль о том, что через час она будет на своем рабочем месте в довольно чистых и снабженных кислородом помещениях «Вита-Синтетики», самой крупной фирмы по производству синтетического белка.

Нас обгоняли запыхавшиеся велосипедисты, мотоциклы, автомобили. Но больше всего было пешеходов, не отнимавших от лица платков, пропитанных раствором соды, одеколоном или теми препаратами, которые

без устали рекламируются средствами массовой информации. Время от времени мимо с душераздирающим воем проносились санитарные машины, подбиравшие трупы скончавшихся от стайфликоза людей: они лежали на тротуарах или у подъездов, застыв в самых разных позах, но у всех рот раскрыт в надежде вдохнуть последний глоток воздуха.

Сбоку, вдоль домов стояли бесконечные ряды автомобилей, покрытых толстой тускло-ржавой коростой, которой стайфли щедро покрывал каждый квадратный сантиметр в Америго-сити. Многие автомобили уже давно не покидали своей вынужденной стоянки, среди них и мой фордик. Только апперы и близкие к ним слои населения могли позволить себе роскошь покупать сверхдорогой бензин. А теперь, после новой акции динамитеросов, он, скорее всего, еще больше подскочит в цене.

Впереди, метрах в ста от нас, замерпали тусклые огни метро. Но я был уже на пределе сил. Стайфли душил меня, легкие раздувались, и в подсознании всплывало отвратительное видение: виселица, палач... Еще несколько шагов, и я упаду, потеряю сознание, и если не скончаюсь тут же и не окаменею, как те несчастные перед подъездами, то меня отвезут в ближайший стайфликозный центр, где дадут несколько милосердных капель кислорода и сунут в рот таблетку форсалина. А может, и ничего не дадут, как поступают с тысячами других, погибающих от закупорки легких...

— Тебе плохо? — откуда-то издалека донесся до меня шепот Клары. — Надо было надеть маску...

Маску? Прекрасно! Однако для маски нужны кислородные патроны, а для кислородных патронов нужны серебряные доллары...

Вслух я ничего не сказал, не было сил, ноги подкосились, и я рухнул ничком. Но сознания не потерял, по крайней мере мне показалось, что не потерял, потому

что я чувствовал, как Клара поднимает меня и с помощью детей тащит к соседней кислородной будке. С трудом втолкнув меня внутрь, она захлопнула дверь и плотно прижала к моим губам респиратор. Потом вынула из сумочки серебряную монету и сунула в прорезь автомата — процедура, которую она много раз проделывала и со мной, и с детьми, и с самой собой и которую ежедневно проделывают тысячи людей в Америке-сити. Мгновение — и жизнь вновь хлынула в мои легкие, благословенный, сладостный, желанный кислород, вкус которого я почти забыл...

Сколько это продолжалось, секунды или часы, не помню, хотя отлично знаю, сколько времени работает кислородный автомат за один серебряный доллар: три минуты. Механизм щелкнул, и шуршание живительного потока прекратилось. Я выпрямился, боль в затылке поутихла, ноги уже не подкашивались.

— Пошли, — беззвучно произнес я. — Мы опаздываем...

2. Письмо, с которого все началось

На вокзале было повеселее, чем на улице. Даже через маски было видно, что дети радостно возбуждены. Они нетерпеливо топали по перрону, перекликались между собой, бросали вещи в вагон и с визгом и смехом штурмовали свободные купе. К счастью, стайфли еще не удалось полностью уничтожить детство... Это настроение передавалось и провожающим, и без того счастливым от того, что они могут, наконец, отправить детей на каникулы в горы. А я дивился тому, как родители умудрялись узнавать за хоботками, высовывавшимися из окон, своих наследников, засыпая их на прощанье традиционными и бесполезными наставлениями — не налегать на холодную воду, она на Снежной горе очень холодная, не выбегать без теп-

лых сапог на лед, не сразу начинать глубоко дышать, когда подымутся на вершину, и прочее и тому подобное... Некоторые мамы даже целовали резиновые мордашки.

Но когда поезд тронулся с места и исчез за поворотом, на перроне наступила тягостная тишина. Было десять часов утра.

— Я побежала, — сказала Клара. — Мне на работу к одиннадцати. Ты что сегодня собираешься делать?

Что я мог ей ответить? Что поспоняюсь по улицам, загляну в судебные залы и полицейские участки, вдруг да нападуд на какуу-нибуду скандальную новосту, которуу бу взяли в «Утреннюю зарю», что даст мне возможность уплатить за воду и кислород, пока нас не отключили от сети? Или, если никакой работенки не подвернется, попробуу заскочить к матери в Рио-Альто, городок у подножия гор, еще не полностью задушенный стайфли? С Кларой мы не увидимся двое суток — ей предстояли две смены, а затем ежегодные медицинские обследования, которым подвергались все служащие «Вита-Синтетики».

— Я еще не решил, чем заняться, — ответил я. — Может быть, вернусь к нефтеочистительным заводам. Вдруг подвернется подходящий материалец.

— А Командор?

— Сейчас, когда дети уехали, это не страшно.

— И все-таки будь поосторожнее! — она чмокнула меня в щеку и побежала к автобусу.

Я почувствовал себя бесконечно одиноким, несмотря на окружающую толпу, на сотни пассажиров, которые выходили из вагонов и направлялись в город. Разлука с Кларой давно уже не вызывала во мне тоски. Стайфли позаботился о том, чтобы задушить не только легкие, но и чувства и страсти человеческих существ, населявших Америго-сити... Каждый вечер, отупев от работы, обессиленные смогом, мы возвраща-

лись домой, молча набивали животы синтетической пищей, принимали обычную дозу «синтетического» телевидения и синтетического световорного и мгновенно погружались в бездны кошмарных сновидений, не помышляя ни о какой любви. Лишь изредка, когда природа и молодость брали верх, мы чуть шире приоткрывали кран кислородопровода и предавались лихорадочным безумствам, после которых с трудом приходили в себя... Но это случалось так редко! И обходилось так дорого!

А сейчас мною завладевал один из тех приступов ипохондрии, которые неизменно терзали меня после каждого посещения кислородной будки — чисто психофизическая реакция. Я начинал люто ненавидеть Америго-сити с его смогом, небоскребами и нефтеочистительными заводами, с его танкерами и машинами, предприятиями по производству синтетической пищи, синтетической одежды, синтетических запахов, синтетических радостей и чуть ли не синтетических людей... Я ненавидел все и вся! Одолеvalo желание вернуться домой, до конца отвернуть кислородный кран и дышать, дышать, пока легкие не раздуются, как воздушные шары...

Какой смысл продолжать эту идиотскую жизнь, когда вкалываешь по десять часов в день, долгие часы тратишь на дорогу, а потом герметически запираешься за дверями квартиры и даже во сне пытаешься дышать поэкономнее?.. А где-то там, в горах, еще существуют чистый воздух, зеленая трава, где-то, не знаю точно где, струятся прозрачные ручьи, а в них плещутся красные рыбки и сверкают белые речные камешки... Но туда имеют доступ только апперы — высший класс общества. Отдых на Снежной горе, куда мы ненадолго отправили наших мальчиков, стоит уйму денег, и люди моего круга могут позволить себе эту роскошь лишь раз во много лет, несмотря на все

усилия Борцов за чистоту планеты, которые с наивным, поистине донкихотским энтузиазмом пытаются спасти то, что спасти невозможно.

Ведь скоро мы и туда не сможем отправлять детей. Стайфли неудержимо, подобно тысячеглавому дракону-отравителю, ползет все выше и выше по склонам гор, и его зловонное дыхание безжалостно душит все, что встречается на пути.

— Газеты-ы-ы! — кричали пареньки без масок. — Новая акция динамитеросов! «Альбатрос» взлетел на воздух! — Юные газетчики напропалую рекламировали свой товар. — Ультиматум Эль Капитана Князю! Террористы в руках Командора! Рыжая Хельга в казематах «Конкисты»!

Я схватил газету. Она была вся заполнена информацией, полуинформацией, лжеинформацией и абсолютными вымыслами по поводу взрыва. Это означало, что мне там делать уже нечего. Террористов, разумеется, не поймали вопреки хвастливым заявлениям Командора о том, что среди сотен задержанных и убитых «при попытке к бегству» находятся соратники Эль Капитана. Что касается ультиматума динамитеросов, то, если верить газете, Командор категорически отказался освободить Хельгу, которую он назвал «орудием в руках красных и любовницей Эль Капитана». Командор утверждал, что напал на важный след, который вскоре приведет его в логово динамитеросов, «этой экстремистской секты опасных безумцев, нарушающих мирную, счастливую жизнь Веспучии и препятствующих осуществлению Программы Князя по борьбе против стайфли».

Почти всю полосу заполняла фотография Рыжей Хельги: красивое лицо с крупными чертами, пышные, спадающие на плечи волосы, надменная улыбка, в белых сверкающих зубах сигарета, взгляд выражает силу и уверенность в себе.

Я скомкал газету. Осточертели мне эти программы по борьбе против стайфли! Все до одной — вранье и обман. Князь обманывал своих подданных, уверяя, будто ведет борьбу против стайфли, а сам обитал во дворцах на Снежной горе. Динамитеросы обманывали себя, надеясь с помощью бомб свергнуть тиранию Князя и Командора и предотвратить гибель Веспуччии. А Федерация борцов за чистоту планеты тешила себя мыслью, будто с помощью своих брошюрок, которых никто не читает, сможет образумить обитателей Земли, бодро шагающих навстречу катастрофе... Тем временем число нефтеочистительных и химических заводов росло в геометрической прогрессии — ведь без них обойтись невозможно, они производят одежду, машины. И продукты питания. И энергию. В порту Америго-сити швартовалось все больше танкеров. Нефтяные промыслы уже наступали на город, вторгались в самый центр, под сень Индикатора. Трубы неустанно выбрасывали в воздух ядовитый дым. Заколдованный круг...

Нет, никто уже не в силах остановить стайфли — ни Князь, ни апперы, ни динамитеросы, ни кучка энтузиастов, борющихся за сохранение природной среды.

Впрочем, как знать? Может быть, это под силу Эль Капитану, если только он решится заложить взрывчатку в сердце нашей планеты и отправить ее ко всем чертям. Раз и навсегда!

С этими мрачными мыслями я зашагал к «Сентрал Брэйн» — Центральному Мозгу,местилищу необъятной информации. Там работал Панчо, он иногда подбрасывал мне ту или иную новость. Оранжевая стрелка Индикатора показывала цифру «89»... Значит, пожар увеличил насыщенность смогом на два процента. Это отбило у меня всякую охоту что-либо предпринимать. Самое время убраться из города хоть на несколько дней. Но куда? В Рио-Альто, к матери? В машине

не осталось и капли бензина. А моих 17 долларов даже на автобус мало.

Я зашел в закусочную возле завода по производству синтетического мяса. Там кислородная будка, а мне было необходимо снова прополоскать легкие. Это удовольствие стоит три доллара. Я заказал стакан минеральной воды «Эль Волкан» и уставился в телевизор, где как раз передавали события с места взрыва: пожар, который все еще бушевал, меры по спасению пострадавших, вертолеты, разбрасывающие над пламенем белый порошок, полицейские, охотящиеся на городских улицах за призраками...

Показали также Командора: он стоял у входа в административное здание «Альбатроса» — 110-этажного небоскреба Мак-Харриса — возле пульта электронной связи и руководил облавой. Время от времени оборачивался к задержанным, которых приводили к нему, выслушивал короткие доклады подчиненных и кивком указывал вправо или влево, что напомнило мне один старый-престарый фильм времен второй мировой войны: в злобещий концлагерь пригоняют очередную партию арестованных. Они проходят мимо массивного, облаченного в черный мундир эсэсовца, который скользит по ним холодным, равнодушным взглядом и легким наклоном головы определяет «налево, направо». Налево — в бараки, направо — в газовые камеры. Селекция со смертельным исходом.

Командор и впрямь смахивал на того эсэсовца. Такой же массивный, такой же мрачный, только мундир не черный, а серый. Тяжелая, квадратная голова, выступающий вперед лоб, глаз прикрыт черным вихром. Он выглядел спокойным и бесстрашным. Да, бесстрашным. Даже тут, неподалеку от нефтеочистительных заводов, когда динамитеросы, конечно, притаились на крышах соседних зданий и могут метнуть в него свои бомбы, он стоял без каски и, судя по всему, без защит-

ного жилета. Его отвага внушала уважение даже злейшим врагам. Не случайно в свое время отец Князя, а теперь и сам Князь вот уже полтора десятилетия доверяют ему верховное руководство Службой безопасности, и, надо думать, Князь продержит его на этом посту еще столько же, если за это время Командор не станет премьер-министром. Или если его не прикончат.

Репортаж с места событий сменила десятиминутная передача мадам Эрмозы: какими синтетическими ароматами пользоваться в разные часы дня, чтобы пересилить зловоние стайфли... Я допил воду и лишь тогда вынул из кармана конверт. Обычный голубой конверт, надписанный на машинке. Вскрыл его. Внутри лежал тонкий листок машинописного текста. Подобные письма приходили часто — это были ответы на мои объявления о продаже старинных книг и рукописей. В ту блаженную пору, когда я еще был знаменитым корреспондентом «Утренней зари», у меня была одна из богатейших коллекций такого рода древностей. Теперь же приходилось их распродавать. Ради кислорода и воды... Однако на сей раз на листке не было ни адреса покупателя, ни номера телефона, ни фамилии. А текст, состоявший всего из нескольких строк, гласил следующее:

**ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ УЛИЦА, ДОМ НОМЕР 7,
РАСПРОДАЖА БЕНЗИНА. В НЕОГРАНИЧЕННЫХ
КОЛИЧЕСТВАХ, ПО ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ.
ПОСЛЕДНИЙ СРОК — 2 АВГУСТА, ДО 18 ЧАСОВ.**

Я недоверчиво усмехнулся. Очередная мистификация какой-нибудь религиозной секты, или рекламный трюк для привлечения покупателей нового товара, или черт знает чего еще... Дешевый бензин давно отовсюду исчез. И если на Двадцать второй улице действительно

идет распродажа, то это, в лучшем случае, контрабанда. Рабочие частенько проносят с нефтезаводов всевозможные продукты, которые потом продают со скидкой родным и знакомым.

Я уплатил свои три доллара, окунул платок (бесплатно) в миску с содовым раствором и вышел.

И повернул к Двадцать второй улице.

Почему — не знаю. Возможно, потому, что все еще был журналистом и профессиональное любопытство не успело во мне угаснуть. Или же просто-напросто от нечего делать.

Так или иначе, я отправился по указанному в письме адресу.

Может быть, это было ошибкой с моей стороны. Может быть, события приняли бы тогда иной оборот... Кто знает?

Но я отправился туда. С этого все и началось...

3. Бензин с Двадцать второй улицы

Двадцать вторая улица, известная множеством магазинчиков, торгующих старинным фарфором, находится недалеко от нас. Узкая, неприветливая, стиснутая большими проспектами, в этот час дня она почти безлюдна. Магазины открываются лишь под вечер, когда сюда забредают немногочисленные туристы с маской на лице и банкнотами в кармане.

Дом номер семь оказался ветхим зданием с облупившейся краской на стенах — результат многолетних усилий стайфли. Внизу разместились два антикварных магазинчика, оба на замке. А сбоку несколько ступенек вели в придавленную верхними этажами подвальную лавку без всякой вывески. Я заглянул в грязную витрину: внутри горела лампа, а за прилавком сидел старик в очках с железной оправой и читал толстую книгу.

Я вошел. Над дверью звякнул колокольчик. Старик поднял голову, захлопнул книгу, аккуратно заложив страницу большим белым — похоже, орлиным пером, и встал. Тут стало видно, что он очень худ и согбен под бременем лет.

Торговали здесь, видимо, синтетическим табаком — полки были уставлены коробками с различными марками сигарет и коллекциями трубок. Бензина не было и в помине: ни единой бутылки, канистры, капсул для зажигалок — и тех не было. Ничего. Даже не пахло бензином, а ведь запах бензина стойкий.

У старика было скуластое, испещренное глубокими морщинами лицо, чуть запавшие черные пронизательные глаза, лоб перехвачен красной лентой. По виду явно индеец. Я краем глаза взглянул на книгу. «Наука и магия древнего племени майя» — стояло на обложке.

— Что прикажете, сеньор? — спросил старик.

Я показал письмо.

— Я по объявлению... Но, должно быть, ошибся. Мне нужен дом семь...

— Сеньор не ошибся, — прервал меня старик, — это дом семь.

— Но... — нерешительно продолжал я, — в письме сказано, что в доме семь продается бензин.

— Именно так, сеньор, — очень любезно ответил старик. — Именно так. Мы продаем бензин. Очень дешево и столько, сколько сеньору будет угодно.

— То есть как — сколько мне будет угодно? Я здесь ничего не вижу... Впрочем, он, верно, у вас на складе?

— О нет, сеньор, нет! Никакие склады нам не требуются. Все здесь.

— Позвольте, — медленно произнес я, стараясь говорить как можно отчетливее, — я имею в виду бензин, то есть горючее для двигателей внутреннего сгорания, бензин для машины, а не для зажигалки.

— Отлично понимаю вас, сеньор, — улыбнулся старик, и по его улыбке и выражению умных глаз было ясно, что он и впрямь отлично понимает меня. — У нас нет специального бензина для зажигалок, мы торгуем бензином вообще. Если сеньору угодно, можно использовать его и для зажигалок. Он годится также для домашних нужд, для отопления, для чистки одежды, для любых двигателей внутреннего сгорания — например, для генераторов, судовых двигателей, подводных лодок, самолетов, заводов, электростанций — словом, для всего, что нуждается в энергии, чтобы приводить в движение или давать продукцию. Поэтому мы и называли его «энерганом».

Я с подозрением взглянул на него: смеется он надо мной или не совсем в себе?.. Жалкая лавчонка, коробки сигарет на полках, гирлянды трубок, толстая книга, заложенная орлиным пером, старый индеец с красной лентой на лбу и претенциозное слово «энерган» — все это показалось мне сценой из какой-то пьесы абсурда.

— Хорошо, — под конец выдавил я из себя. — Пусть это, как вы говорите, энерган. Когда его можно получить?

— Сейчас.

— Где?

— Здесь.

— Вот как?.. — Я почесал в затылке. Но решил продолжать игру. — И в каком количестве?

— В каком пожелаете, сеньор. Бутылку, канистру, бочку, цистерну...

Я не сдержал смеха. Абсурдистская пьеса превращалась в фарс.

— Цистерну мне не нужно, — сказал я. — Мне нужно всего 20 литров, чтобы добраться до Рио-Альто. И почему же вы продаете этот ваш энерган, такой универсальный, что он годится и для зажигалок, и для са-

молетов или машин?

— Десять центов, — коротко ответил старик.

— За бочку? — язвительно спросил я.

— За литр, — серьезно заверил меня старик.

— Ого!

— По-вашему, дорого? — Старик не на шутку встревожился. Подумал немного, не сводя с меня испытующих глаз, и продолжал: — Могу я узнать, сеньор, кто вы по профессии?

— Какая связь между моей профессией и ценой на горючее? — Я снова засмеялся. Трудно было сохранять серьезность в таком дурацком диалоге. — Если я скажу, что журналист, вы продадите дешевле?

— Журналист?! — воскликнул старик, явно обрадованный моим ответом. — Да это чудесно, сеньор, чудесно! И наверняка крупный журналист, сразу видно. Уверен, что не раз читал ваши статьи, я слежу за прессой. Осмелюсь спросить ваше имя...

«Мое имя? — подумал я. — Гм... Было время, старик, и даже не столь уж давно, когда это имя принадлежало известному газетчику, чьи репортажи печатались чуть ли не во всех странах мира, его сравнивали даже с Эгоном Эрвином Фишем, неумным репортером предвоенной эпохи... Но с тех пор много воды утекло под мостами Рио-Анчо, и сейчас этот репортер всего лишь жалкий безработный хроникериска, который выуживает дешевые происшествия в полицейских участках и в «Сентрал Брэйи», и в кармане у него нет даже нескольких лишних центов на бензин для машины...»

Тем не менее я ответил:

— Меня зовут Теодоро Искров.

Старик просиял:

— Теодоро Искров? О конечно! Тедди Искров, автор блестящих репортажей о восстании на Огненной Земле...

«За что его и вытолкали в шею», — хотел я добавить, но из осторожности промолчал. А старик продолжал с еще большей горячностью:

— Какой приятный случай! Теodoro Искров! Странное, впрочем, имя для Веспуччи...

— Ничего странного. Мой дед в свое время эмигрировал с Балкан.

— А-а... Ну, это замечательно! Безмерно счастлив, что вижу вас! И готов уступить вам энерган по восьми центов за литр.

Старикан становился все забавнее. Восемь центов! На бензоколонках литр бензина стоит четыре доллара!

— Хорошо, восемь так восемь, — великодушно согласился я, растроганный его восхищением моими былыми подвигами на ниве журналистики. — Но беда в том, что я сейчас не на машине и не могу ее сюда пригнать... гм... В баке — ни капли...

— Машина далеко отсюда? — озабоченно спросил старик.

— Через несколько улиц.

— О, сеньор Искров, это не проблема. — Он нагнулся и достал из-под прилавка заткнутую пробкой бутылку, самую обычную двухлитровую бутылку из-под синтетического вина. Она была наполнена какой-то светло-зеленой жидкостью. — Возьмите, сеньор. Этого хватит, чтобы пригнать машину сюда, а потом я дам вам еще.

Вот, значит, какие дела: бензин в бутылках! Зачем же тогда понадобилось это письмо, лавчонка, старик индеец, таинственное словечко «энерган» и весь этот треп?.. Впрочем, ответов на эти вопросы могло быть множество, но, скорее всего, этот так называемый «энерган» — не что иное, как пробный камень очередной рекламной кампании, они разыгрываются у нас почти ежедневно. Итак, много шума из ничего. Слегка разочарованный, я полез в карман, чтобы выложить

свои шестнадцать центов, но старик остановил меня:
— Нет, нет, сеньор, не сейчас! Когда вернетесь. Мы доверяем вам.

Крайне озадаченный столь быстро завоеванным доверием я снова почесал в затылке и вышел. Реклама или нет, но бутылка с бензином была у меня в руках, и я зашагал к проспекту, где стоял мой фордик.

4. Черная магия старого жреца

Машина была старенькая, но в неплохом состоянии. Впрочем, она уже давно стояла с пустым брюхом, прикованная к тротуару. Я кое-как протер стекла, при этом основательно выпачкав пиджак, а кузов и трогать не стал — его следовало отмыть по-настоящему, вылил содержимое бутылки в бак, где уже успел выветриться запах бензина, и с любопытством и нетерпением покатил на Двадцать вторую улицу.

Дом номер семь был на месте, и когда я затормозил перед лавчонкой, старик оторвался от книги и улыбнулся мне какой-то многозначительной и вместе с тем ребячьей улыбкой, которая почему-то меня смущала.

Если бы я испугался тогда! И поспешил поскорей убраться подальше!

Но я переступил порог.

Старичок поднялся мне навстречу.

— Понравилось вам наше горючее, сеньор Искров? — спросил он, дружелюбно щурясь. Вопрос был задан так, словно бензин собственноручно сотворен не кем-нибудь, а им лично.

— Горючее как горючее, — недоумевая, сказал я.

— О нет, сеньор! — Мой ответ явно задел его. — Гораздо лучше обычного. Это «энерган»! Сейчас вы еще не в состоянии этого ощутить, но, поездив подольше,

вы убедитесь, насколько он экономичнее и насколько чище выхлопные газы.

«Выхлопные газы — чище?! Да ты понимаешь, старик, что говоришь? Не слишком ли далеко зашел твой рекламный трюк? Таких заявлений о своем бензине не решается делать даже всемогущий Мак-Харрис! Или тебе затуманила голову толстая книга, которая рассказывает о черной магии твоих далеких предков из племени майя — основателей одной из самых удивительных цивилизаций в истории человечества?»

— Хорошо, — прервал я его, ожидая дальнейшего развития событий, — залейте мне полный бак!

Это прозвучало как «подайте мне карету!»

— Только бак? — Старик несказанно удивился. — Поверьте, сеньор Искров, вы совершаете ошибку. Советую вам наполнить все канистры, какие у вас есть. Потому что я не уверен, что завтра вы застанете нас здесь.

— Там будет видно, — сказал я. Словоохотливость старика начала меня раздражать. — Залейте пока бак, а насчет канистр мы решим попозже. Вы сказали — восемь центов за литр?

— Можно и шесть, — небрежно обронил он. — Только для вас, сеньор Искров.

С этими словами старик достал из-под прилавка большое пластмассовое ведро литров на пятнадцать и направился к мойке в углу помещения.

Когда он стал наполнять ведро питьевой водой из-под крана, я уже не сомневался, что оказался жертвой рекламного трюка, который, однако, обходится его участникам весьма вежливо: пятнадцать литров воды — это почти четыре доллара! Но не сдвинулся с места, заинтригованный неторопливыми и размеренными манипуляциями старика, напомнившими священный ритуал древнего индейского жреца. А тот между тем водрузил наполненное водой ведро на прилавок.

Потом взял с полки коробку синтетических сигарет, вскрыл ее — там оказались не сигареты, а зеленоватые зерна размером не больше рисовых, захватил горсть этих зерен, отсчитал пятнадцать штук и жестом Великого жреца племени, жестом, который войдет в историю планеты Земля, опустил их в ведро. Не хватало только заклинания.

— Отойдите подальше! — приказал он, и сам отошел от прилавка.

Я беспрекословно подчинился.

Первые несколько секунд ничего не происходило, если не считать того, что я вдруг почувствовал себя мальчишкой, который сидит в цирке и смотрит, как фокусник вынимает у себя из ушей куриные яйца. «Какую цель преследует старик, разыгрывая передо мной это дешевое цирковое представление?» — подумал я. Но вот вода в ведре, к величайшему моему изумлению, забулькала и зашипела, от нее повеяло ледяным холодом, который вскоре заполнил тесное помещение, проник даже под одежду, и у меня по телу пробежал озноб. И тут же, вслед за ледяным дыханием, я ощутил свежий, приятный запах озона с легкой сладковатой примесью — запахом какого-то летучего вещества, возможно бензина.

Бензина?!

Перед моим мысленным взором вновь возник фокусник, вынимающий из ушей куриные яйца...

Я засмеялся. Как если бы и в самом деле присутствовал на цирковом представлении.

Затем бульканье и шипение прекратились, холод поубавился, запах озона рассеялся, и старый индеец любезнейшим тоном, словно предлагая мне лучшую порцию только что приготовленного кушанья, объявил:

— Готово, сеньор Искров. Пожалуйста! Здесь ровно пятнадцать литров энергана. Можете залить его

в машину. Мне трудно поднять ведро, как говорится, старость — не радость...

И он протянул мне воронку.

Я растерялся. Ни разу за все тридцать восемь лет моей довольно бурной и пестрой жизни мне не доводилось попадать в более глупое положение.

— Пожалуйста, сеньор! — повторил старик. — Здесь пятнадцать литров превосходнейшего горючего.

В полной растерянности я взял ведро и воронку, вышел на улицу и перелил жидкость в бак. Потом обернулся, посмотрел на лавку.

Нет, то не был плод моего воображения, лавка по-прежнему находилась здесь, на Двадцать второй улице, в доме номер семь, в полуметре ниже уровня тротуара, за прилавком сидел индеец с красной лентой вокруг головы и читал толстенную книгу о колдовствах майя, вода по строчкам белым орлиным пером...

Я вернулся, услышал, как у меня над головой снова звякнул колокольчик, поставил пустое ведро на прилавок.

А старик теми же жестами фокусника повторил всю процедуру: подошел к мойке, набрал в ведро воды, вернулся к прилавку, отсчитал пятнадцать зерен, опустил их в воду и отошел в сторону. И снова ледяной холод заполнил лавку, а запах озона освежил мои легкие.

Но на сей раз я не отошел подальше, а остался возле ведра и широко открытыми глазами наблюдал за тем, как вокруг зерен возникают пузырьки и разбегаются по воде, вызывая бульканье и шипение, излучая холод и свежесть, и тщетно пытался отгадать, каким образом умудряется фокусник вынимать у себя из ушей куриные яйца...

Старик сказал:

— Вы можете использовать любую воду, сеньор, лишь бы в ней не было песка. Перед тем как раство-

рить зерна, воду лучше процедить. Вот вам немного сырья про запас.

И он сунул мне в карман пиджака какую-то коробочку. Потрясенный всем увиденным, я в тот момент не обратил на это внимания и не придавал значения его последним словам.

— Да, да, — пробормотал я, — буду иметь в виду, буду процеживать воду...

— Готово, сеньор!

Чувствуя себя объектом самого примитивного гипнотического сеанса, вроде тех, когда людям на эстраде внушают, будто они находятся на экваторе, и они потеют, как от жары, и раздеваются, я швырнул на прилавок два доллара, схватил ведро, выбежал на улицу, перелил его содержимое в бак и, не раздумывая более, сел в машину и включил зажигание.

Мотор заработал!

Я включил скорость. Машина тронулась с места.

В зеркале мелькнул старик, который с порога своей лавчонки провожал меня многозначительным, лукавым взглядом. Но я уже обратился в бегство. Удирал от старика жреца.

Я мчался по улицам в окружении грузовых машин, автобусов, людей в масках, призрачных огней реклам, наслаждаясь тем ощущением, какое давно уже не испытывал — ощущением быстрой езды. Не помню, сколько раз объехал город по окружному шоссе, потом выскочил за черту города, гнал, как безумец-автогонщик, по полупустой магистрали со скоростью чуть ли не 160 километров в час. И чем дальше, тем сильнее овладевало мной чувство, что все это происходит во сне, через несколько минут наступит пробуждение, и я окажусь у себя на кровати с тугой петлей на шее...

Уже более трехсот километров остались позади, а стрелка прибора показывала, что израсходовано всего десять литров бензина. Мне вспомнились слова ста-

рика: «Поездив побольше, вы убедитесь, как экономично это горючее и насколько чище выхлопные газы. Это "энерган", сеньор!» И тем не менее я не верил ни своим ушам, слышавшим эти слова, ни глазам, следившим за стрелкой. Не мог поверить! Обязан был не верить! Потому что это было немыслимо, невозможно! Противоречило здравому смыслу.

Из страха застрять на шоссе в часе езды от города я повернул назад. И пока пробивался с зажженными фарами сквозь стайфли, пытался рассуждать трезво. Если все то, что произошло со мной за последние несколько часов, — реальность, независимо от того, кто этот старик — индейский жрец или гениальный изобретатель, я на сей раз залью не только полный бак, не только все канистры, но и ванну, бидоны, кувшины, банки и склянки, стаканы и чашки, какие есть в доме, даже плафоны на потолке, даже Кларины наперстки... А потом подниму в газетах такой шум, какого Тедди Искров не поднимал и в расцвете своих творческих сил!

Сорок минут спустя я был у дома номер семь по Двадцать второй улице.

Бросился к знакомым трем ступенькам, толкнул дверь. Она была заперта.

В лавке было темно.

И пусто.

Часы показывали одну минуту седьмого.

5. Золотоносная жила

Долго кружил я возле дома, стучался в дверь лавки, громко звал старика индейца, надеясь, что он где-то здесь, в доме или поблизости, но никто не отвечал, никто не появлялся. Письмо, лежавшее у меня в кармане, недвусмысленно указывало крайний срок распродажи — шесть часов вечера. Да и слова старика о том,

что завтра он вряд ли будет здесь, звучали достаточно ясно. И я не на шутку забеспокоился. Кто этот старик, как его зовут, где он живет, кого представляет — ничего этого я не знал. Мне было известно лишь, что он индеец и что человек он явно с образованием — ведь он читал научный трактат и был знаком с моими репортажами о восстании на Огненной Земле.

Но этого было слишком мало, и следовало во что бы то ни стало разыскать его, даже если ради этого придется перевернуть весь город вверх дном. Опасаясь, однако, что мое долгое пребывание на маленькой улице привлечет внимание полиции, которая в тот день особенно усердствовала, я поехал домой, решив на следующий день снова вернуться сюда.

Проезжая мимо моста через Рио-Анчо, я посмотрел на нефтеочистительный завод. Пожар потушили, но над обугленными корпусами все еще клубился черный дым, и ветер гнал его к соседним небоскрегам, чтобы еще больше закоптить их. Радио включать я не стал — новости пока меня не интересовали. Не волновал и одиночество между динамитеросами и Командором. Теперь передо мной возникали проблемы более важные, от которых зависело все мое будущее.

Мог ли я предположить тогда, что от них зависит и будущее всей страны?

Загнав машину во двор, я крепче закрутил крышку бензобака, в котором содержалось бесценное сокровище, и поднялся к себе в квартиру. От духоты и смрада непроветренных комнат сразу сдавило горло. Не колеблясь, я до конца отвернул кран кислородопровода. К чему экономить, когда передо мной открылась реальная перспектива заработать деньги, много денег, эксплуатируя золотоносную жилу, столь неожиданно подаренную мне судьбой?

Я зашвырнул в чулан грязный костюм, переоделся в чистое, вдосталь, полной грудью надышался кисло-

родом — его журчание в трубах напоминало волшебный шум горных потоков — и только после этого сел за письменный стол и попытался трезво и спокойно обдумать события и набросать план дальнейших действий.

Итак, прежде всего факты.

Первое. На Двадцать второй улице продается в неограниченных количествах некое зернистое вещество, называемое энерганом. Растворенное в самой обыкновенной воде, оно дает отличнейшее высокооктановое горючее. Я этот энерган *ВИДЕЛ*. Я за него *УПЛАТИЛ*. Заправил им машину и ехал.

Второе. Этот энерган по меньшей мере втрое экономичнее обычного бензина и, самое малое, в сорок раз дешевле.

Третье. По словам старика индейца, в выхлопных газах энергана гораздо меньше вредных примесей.

Я немедленно устроил элементарную проверку: включил двигатель и встал за выхлопной трубой. Газа выходило мало, он был бесцветен и почти не имел запаха.

Таковы положительные факты. А отрицательные?

Первое. В моем распоряжении имеется лишь конечный продукт — жидкое горючее, зерен нового вещества у меня нет.

Второе. Я не имею понятия, кто этот старый индеец и где энерган производится.

Третье. Неизвестно, не побывал ли на Двадцать второй улице кто-то еще, тоже получивший письменное приглашение на распродажу, и не скупил ли он все запасы энергана, которые, возможно, находились на полках лавки в коробках из-под сигарет. Я был круглым идиотом, что не сделал этого, ведь старик предлагал мне хоть целые цистерны нового горючего.

Так или иначе, сейчас задачей номер один было разыскать старого индейца, выяснить, что именно кро-

ется за странной распродажей энергана, и только после этого можно будет предпринять дальнейшие шаги. А они, по моему мнению, сводились к следующему.

Первое. Закупить как можно больше чудодейственных зерен — десятки, сотни килограммов. На этом можно нажить целое состояние.

Второе. Используя испытанное оружие — репортаж, опубликовать серию сенсационных материалов об энергане, затронув в них наиболее энергетические и экологические проблемы. Я был уверен, что за подобные статьи ухватятся любые газеты и журналы, а это принесет мне доход не меньший, чем сам энерган.

Чем дольше размышлял я над раскрывшимися перед мной перспективами, тем сильнее разгоралось мое воображение, вероятно не без помощи кислорода, который продолжал журчать в респираторе и опьянял меня, рисуя мир в розовых красках — маленький семейный мирок, полный благоденствия, среди прозрачного воздуха, чистых дождей, белых снегов, зеленой травы, в стеклянной вилле на Снежной горе.

Потом я уснул и впервые за многие месяцы мне не приснилась виселица.

А когда в семь утра окна задрожали от нового взрыва, я проснулся со свежей головой и незамутненным сознанием, преисполненный решимости достичь намеченных накануне целей.

На улицах вновь загудели сирены полицейских машин, над небоскребами вновь носились противопожарные вертолеты. Я включил транзистор: как оказалось, в порту горел танкер, принадлежащий компании «Альбатрос».

Так ответили динамитеросы на отказ Командора выпустить на свободу Рыжую Хельгу. Они снова предупреждали, что если до полудня их «сестра» не будет освобождена и доставлена на самолете куда-то в горы, то вслед за двумя ударами последует третий, еще бо-

лее сокрушительный. Диктор не приминул сообщить, что в результате «преступного взрыва нефтеочистительного завода» и поджога гигантского танкера правительству апперов, по-видимому, придется снова повысить цены на бензин.

Однако в то утро у меня были другие поводы для волнения. Ровно в десять я был на Двадцать второй улице. Она была укутана плотной пеленой стайфли, вокруг — ни души, все магазинчики, включая лавку в доме номер семь, закрыты. Я прождал час-другой — никого. Когда пробило двенадцать, я на листке бумаги написал записочку с просьбой позвонить мне, подписался и сунул листок в замочную скважину. Потом заглянул в привратническую.

Мрачный усатый привратник сидел у себя, запершись, и смотрел телевизор. Я постучался, он неохотно приоткрыл дверь. На меня дохнуло спиртом и чистым воздухом.

— Что надо? — прорычал он.

— Меня интересует один ваш съемщик.

— Нашли время! — Он показал глазами на телевизор. — Как раз, когда рассказывают про военного министра и Рыжую Хельгу.

Я сунул ему доллар. Он слегка смягчился.

— Заходите.

Я вошел, но он тут же уставился в телевизор. На экране Командор, невозмутимый и грозный, в который уже раз за истекшие сутки говорил:

— ...Похищенный динамитеросами военный министр, генерал Хосе Браво, обнаружен двадцать минут пазад на площади Боливара в закрытом фургоне по перевозке мяса. В этой ситуации и для того, чтобы успокоить встревоженную последними событиями общественность, мы решили пойти на разумный компромисс и освободить из-под ареста так называемую Рыжую Хельгу. По имеющимся сведениям, специальный само-

лет, предоставленный правительством, высадил ее в Скалистом массиве, откуда на вертолете динамитеросов она отбыла в неизвестном направлении. Полагаю, этим инцидент исчерпан, и мы надеемся, что в конечном итоге благоразумие одержит верх и динамитеросы прекратят свою антигосударственную деятельность...

Привратник хихикнул:

— Держи карман шире! — И обернувшись ко мне, спросил: — Так что вам угодно, сеньор?

— Меня интересует владелец табачной лавки.

— Старый индеец. Я его позавчера впервые в жизни увидел. Когда он привез свой товар и раскладывал по полкам.

— Один?

— Нет. Их было человек пять, не то шесть, все вроде него, только один с ними был белый. Старик арендовал помещение на месяц — сказал, на пробу. Если, дескать, торговля пойдет, и дальше останется, а если нет — поищет местечко получше.

— Сегодня его нет.

— Да какой нормальный человек выйдет из дому в эдакий туманище!

«Такой ненормальный, как я».

— Как зовут его, знаете?

Привратник стал листать домовую книгу.

— А-а, вот он. Помещение снято фирмой «Энерган компани», а управляющего зовут Уайт Игл.

— То есть Белый Орел?

— Ну да. У индейцев все имена такие: Черный Сокол, Гремучая Змея, Могучая Рука, сами знаете.

— Адрес фирмы?

Он прочитал:

«Энерган компани», контора и склады, набережная Кеннеди, 368.

Набережная Кеннеди находится на северной окраине города, в пятидесяти километрах от Двадцать вто-

рой улицы. В баке у меня было еще литров двадцать горючего, километров на шестьсот хватит — если, конечно, энерган дорбогой не разложится.

Сидя в машине, я включил радио. Вызволненный из рук динамитеросов военный министр приходил в себя в клинике апперов. Рыжая Хельга исчезла в неведомых глубинах Скалистого массива. Танкер «Далия» погружался в воду, заливая море слоем нефти, и слой этот становился все толще...

Я слушал последние известия, как вдруг меня пронзила простая мысль — такая простая, такая элементарная, что я чуть не задохнулся от неожиданности и, чтобы успокоить сердце, затормозил и несколько минут постоял у обочины.

Если энерган — не фикция, если это действительно источник энергии, на которой могут работать заводы и электростанции, если есть возможность получать его в нужных количествах, то **ОТПАДАЕТ ВСЯКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ** в танкерах, нефтеочистительных заводах, в нефти как таковой! **НЕФТЬ СТАНЕТ НЕНУЖНОЙ** — во всяком случае в тех невероятных количествах, в каких она требуется сейчас.

Однако в этой простой и ясной мысли таились такие необозримые возможности, что я долго не мог охватить их во всей полноте, сознавая лишь, что они могут оказаться жизненно важными.

И, снова нажав на стартер, помчался на набережную Кеннеди.

6. По следам Белого Орла

Набережная Кеннеди представляет собой бесконечную вереницу складов. Рядом порт, где совершается разгрузка и погрузка небольших торговых судов. Здесь всегда шумно, грязно, все пространство забито грузовиками, контейнерами, ящиками и всякого рода мусо-

ром, и все это тонет в стайфли. Нужный мне дом оказался почти в самом конце набережной, дальше тянулась равнина — ни дерева, ни кустика, пустыня, населенная лишь особо живучими крысами да рабочими нефтепромыслов: сотни вышек загораживали горизонт.

Я вызвал коменданта здания и, чтобы сберечь последние десять долларов, денег ему совать не стал, а предъявил журналистское удостоверение.

— Съехала «Энерган компани», вчера вечером съехала, — ответил он на мой вопрос и, грубо выругавшись, добавил: — Мерзавцы, даже не потрудились убрать помещение.

— Можно мне взглянуть?

— Стряслось что? — забеспокоился он.

— Нет, все в порядке. Просто я пишу очерк о работе порта.

— А-а... Тогда пошли!

Мы поднялись на самый верхний, восемнадцатый этаж. В низком, но просторном зале с голыми стенами стояли только канцелярский стол и упаковочная машина. На полу валялись пустые картонные коробки из-под сигарет, точно такие, как в лавке на Двадцать второй улице. И на каждой наклейка: огромный белый орел с распростертыми крыльями.

— Вчера вечером смотались, — проворчал комендант, — а весь мусор оставили. Чертовы индейцы! Хорошо хоть, что я взял с них деньги вперед.

— Когда они въехали? — поинтересовался я.

— В начале недели.

— А чем занимались?

— Сами не видите? Синтсигареты, синттабак... Не удивлюсь, если товар окажется контрабандным. Но я не вникаю в дела съемщиков, по мне лишь бы аккуратно вносили арендную плату... Товар приходил в огромных пакетах, они потом расфасовывали его в

маленькие коробки. С утра до вечера фасовали, упаковывали, отправляли...

— Почтой?

— Черт их знает! У них были два-три раздрызганных пикапа, а по утрам у причала маячил обшарпанный катерок...

— Куда они отправляли свой товар?

— Понятия не имею. Разве к ним подступишься? Но вообще-то расплатились они честно, даже налог за весь месяц внесли и все прочее.

Я порылся в раскиданных коробках — пусто. Нигде никаких следов энергана. Я спросил:

— Сколько человек тут работало?

— Шестеро. Пятеро индейцев и один белый. Индейцы как индейцы — хилые, тщедушные, низкорослые, кожа красная, что твой кирпич. Только главный у них высокий такой, статный, вроде тех, каких в ковбойских фильмах показывают, нос орлиный, глаза черные.

— И куда же они подались?

— Был у них разговор про какую-то индейскую деревню вверх по реке, если не врут... Да пошли они к чертовой бабушке! Не люблю я живых индейцев, я их только в кино люблю, да и то со снятыми скальпами!

Подобрав с пола коробочку с белым орлом на этикетке, я ушел.

Итак, последний шанс связаться с «Энерган компани» лопнул. А вместе с ним рассыпались в прах все мои мечты о дешевом горючем, вилле на Снежной горе и сенсационных репортажах в прессе. Я уже не знал, смеяться мне или вопить от ярости. Потому что виноват в провале был я сам, виновато было мое упрямое нежелание прислушаться к советам старого жреца, который чуть ли не силой совал мне в руки миллионы... Впрочем, вся эта история выглядела такой фантастичной, что, наверно, каждый нормальный человек поступил бы на моем месте точно так же.

Я сел в машину, раздумывая, что предпринять дальше. Отправиться вверх по течению на поиски неведомой деревушки Белого Орла? Дикость!.. Ведь это тысячи километров среди нефтяных промыслов, рудников, по опустошенной смогом земле, где более никто не решается ездить в одиночку и безоружным. Да и что мне там делать? Разыскивать Белого Орла? Какого Белого Орла? Худого старичка из лавчонки на Двадцать второй улице или статного широкоплечего киногероя с набережной Кеннеди? Помимо прочих соображений в кармане у меня лежала всего десятка, а ведь надо было еще и питаться.

Оставалась, разумеется, еще одна возможность: сообщить обо всем в полицию. Но какой полицейский поверит детскому лепету про бензин в зернах или про индейского жреца, читающего исследования о черной магии? Я ничем не мог подтвердить свои слова — у меня не было ни единого зернышка энергана. А горючее в баке — не доказательство. Горючее такого качества можно получить в любой приличной лаборатории крупной нефтяной компании. Если я скажу, что это растворенные в обычной воде зеленоватые зерна, меня примут за умалишенного, одного из тех свихнувшихся изобретателей, которые что ни день предлагают способы телепортации материальных тел путем разложения их на элементарные частицы и последующее восстановление по печатной схеме.

И тут я вспомнил про Панчо. Конечно же, Панчо! Он все и обо всем знает. Единственный человек, который в состоянии дать мне хоть какие-то сведения относительно «Энерган компани». Я нажал на газ и помчался в «Сентрал Брэйн».

Мы звали его Панчо за паразитальное сходство с сервантесовским Санчо Пансой. Почти никто не знал его настоящего имени. Низенький, с брюшком и круглой головкой, он отличался удивительным здравым

смыслом, особенно в том, что касалось денег. Работая в секторе центральной информации, он всегда был в курсе всех наиболее значительных событий в стране: от убийства главаря гангстерской шайки до исхода финального бейсбольного матча, от создания новой нефтяной компании до ее банкротства. Социолог и математик по профессии, он не упускал случая извлечь материальную выгоду из бесконечного потока информации, проходившего у него перед глазами, сообщая журналистам, к которым питал дружеские чувства, свежие новости — разумеется, за приличное вознаграждение.

Мы с Панчо добрые приятели, и когда я совсем оказывался на мели, он бесплатно подкидывал мне какую-нибудь интересную новость, которую я пристраивал в газету.

Я застал его перед большим экраном, на котором чуть не каждые пять секунд пробегало изображение или текст каких-то сообщений. Его задача состояла в том, чтобы извлечь из потока информации все ценное и вложить это в бездонную память машины. Задача нелегкая, но Панчо умен, как десять главных редакторов взятых вместе, быстр, как сотня репортеров, а память его соперничает с самим Центральным Мозгом.

Увидав меня, он сразу, оставил пульт помощнику и пожал мне руку.

— Эй, Тедди! — воскликнул он своим тоненьким, почти женским, вечно осипшим голоском. — Где ты пропадаешь? Забыл друга, забыл! Как твои мальчишки? Клара?

Рассказав в двух словах о своих домашних, я без предисловий перешел к делу:

— Мне нужна твоя помощь.

— Опять на мели? Так и быть, ради друга я расшибусь в лепешку. Слушай! — И он с пафосом произ-

нес: — Танкер «Далия» еще не затонул, но нефть, вытекшая из его недр, уже покрыла акваторию площадью в четыреста квадратных километров и устремилась к берегам Острова. Все в этом районе гибнет — рыба, птицы, растительность. К месту происшествия направляются все новые спасательные суда. По подсчетам специалистов, очистка с морской поверхности пятисот тысяч тонн нефти займет не менее трех месяцев. Население Острова выражает недовольство, рассматривает случившееся как агрессию и угрожает жалобой в Совет Безопасности...

Я перебил его:

— Панчо, огромное спасибо за информацию, но мне она сейчас ни к чему.

— И даже Остров?

— Даже Остров, Совет Безопасности и вся ООН.

— А-а, понимаю! Это чересчур трафаретно для столь выдающегося журналиста. Тогда слушай про Эль Капитана. Он заявил по радио динамитеросов, что будет продолжать беспощадную борьбу против Князя и апперов до тех пор, пока не уничтожит окончательно этот мерзкий общественный строй, который не годен для...

Я зажал ладонью рот моего не в меру болтливого друга:

— Бога ради, Панчо, помолчи минутку и выслушай меня! Мне нужно узнать, что у тебя там есть насчет торговой фирмы «Энерган компани». Ее состав, финансовые возможности, задачи, структура и прочее.

— Ого! А тебе известно, что за утечку подобных сведений дают по шее?

— Панчо, умоляю тебя! Позарез нужно. Позарез! От этого, возможно, зависит все мое будущее. А если кое-что прояснится, я расскажу тебе потрясающую историю, причем тебе даже немного перепадет.

Он присвистнул от неожиданности, его маленькие

глазки лукаво блеснули.

— Уж не пустился ли ты в большой бизнес, Тедди?

— В этом роде. Но не тяни! «Энерган компани», набережная Кеннеди, эмблема — белый орел с раскинутыми крыльями.

Он вздрогнул.

— Что ты сказал? Белый орел с раскинутыми крыльями? погоди, погоди! Я заметил эту картинку, как только она появилась... Дней десять, пожалуй, назад... Пошли! Но никому ни слова, не то голову оторву.

Мы вошли в зал блоков памяти. Панчо нажал какие-то кнопки, и на одном из экранов возник распластавший крылья белый орел, а следом машинописный текст:

«"Энерган компани", акционерное общество по продаже синтетических табачных изделий. Основано в Кампо Верде. Председатель правления Великий Белый Орел. Радиотелефон 77 77 22».

Цифры 77 77 22 мгновенно отпечатались в моем мозгу, но для верности я занес их в блокнот: отличный след, если, конечно, это не фальшивка.

— И все? — спросил я.

— Все, — ответил Панчо. — Тебе мало?

— Ничего, сойдет, — уклончиво сказал я.

— Вот что, Тедди, не собираюсь лезть в твои дела, но на твоём месте я бы не стал заниматься табаком. Народ курит всё меньше и меньше. От одного стайфли хватает зловония. Вот если бы ты занялся ароматическими веществами... или бензином... Их акции с каждым днём поднимаются. Но бензин нам не по зубам... Ладно, беги теперь, у меня дел по горло, мир сегодня сбесился. И если от моей информации будет прок, дай знать.

— Не бойся, я про тебя не забуду.

— Ясное дело, — засмеялся он. — Озолотишь меня и все такое прочее...

— Да, с головы до ног засыплю золотом. Клянусь честью! Только бы моя затея удалась.

Я был искренен. И преисполнен веры в будущее.

Из «Сентрал Брэйн» я поспешил на ближайшую почту и занял кабину радиофона. Стоило это три доллара минута — следовательно, у меня было денег на три минуты, да еще доллар останется. На завтрак... Я набрал номер 77 77 22. Ждал минуту — целую вечность, никто не отвечал. И когда я уже совсем было потерял надежду, в трубке прозвучал голос:

— «Энерган компани» слушает.

Я чуть не свалился со стула: это был голос жреца с Двадцать второй улицы, симпатичного индейца по имени Уайт Игл, читавшего книгу о магии древних майя и колдовавшего над пластмассовым ведром с зеленоватыми зернами...

— Говорит Теодоро Искров, — закричал я. — Журналист. Помните меня?

— Сеньор Искров? Очень рад вас слышать, — любезно ответил голос. — Как поживаете?

— Прекрасно, прекрасно! — быстро проговорил я, видя, как стрелка циферблата неумолимо отмеряет секунды. — Мне нужно срочно увидеться с вами. Где вы находитесь?

— Увы, сеньор Искров, сейчас это невозможно. Я далеко, очень далеко.

— Но мне необходимо поговорить с вами... В связи со вчерашней сделкой.

— Сожалею, сеньор, но запасы нашего товара ликвидированы.

— То есть как ликвидированы? — закричал я, чувствуя, как мое горло мгновенно пересохло. — Распродали другим?

В трубке наступила тишина: должно быть, старик с кем-то совещался. Потом заговорил снова:

— Нет, кроме вас, никто нашего товара не получил.

У меня с души свалился камень.

— Мне бы хотелось приобрести еще, — сказал я.

— О, сеньор Искров, у вас его пока предостаточно, хватит, полагаю, на несколько месяцев... — Тон был любезный, но категоричный.

Стрелка приближалась к цифре «3», но я молчал. О чем речь? Энергана у меня максимум километров на триста-четырееста. Но не это сейчас главное. И я опять закричал:

— Сеньор Игл, мне надо увидеться с вами во что бы то ни стало по другому, более важному делу... Я задумал репортаж о вашей компании, о вас лично и о вашем товаре, если, конечно, вы ничего не имеете против.

— А, это чудесная мысль! Чудесная! — с явным удовлетворением произнес мой собеседник. — Напишите, напишите! Мы можем лишь приветствовать это намерение и будем с нетерпением ожидать ваших репортажей. Если они будут так же хороши, как те, с Огненной Земли, мы непременно дадим вам знать о себе. И даже щедро вознаградим за труды. Адрес ваш нам известен...

— У меня нет доказательств! — в отчаянии завопил я, но поздно: прерыватель щелкнул, не дав мне закончить.

Я был растерян, взволнован. И вместе с тем полон надежд... Кинулся к справочной:

— Адрес радифонного пункта 77 77 22.

— Доллар за справку, — равнодушно пропзнесла девушка, не подозревая, какая буря бушует у меня в груди.

Трагическим жестом игрока, бросающего последнее

на зеленое сукно рулетки, я отдал свой последний доллар. И взамен получил ответ:

— Радиофонный пункт 77 77 22 постоянного местонахождения не имеет. Он передвижной.

У меня упало сердце.

— Передвижной?

— Да, сеньор. Находится на транспортном средстве. Машине или судне. Зарегистрирован на имя Уайт Игла.

7. Разработка другой жилы

Так или иначе, не все было потеряно, оставалась, пусть заочная, связь с жрецом, которой — по крайней мере я на это надеялся — можно воспользоваться, если раздобыть немного денег.

Я вернулся домой. Куда мне еще было деться? Проглотил таблетку форсалина, выпил стакан чистой воды и глотнул кислорода: думать надо было на свежую голову.

Я тщательно перебрал в памяти весь разговор со стариком. Главное заключалось в том, что никто, кроме меня, не получил энергана. И еще: старик и те, кто стоял за ним, явно не только не опасались рекламы своему товару, но, судя по всему, были даже заинтересованы в этом — недаром старик поддержал мое намерение написать о них и даже посулил щедрое вознаграждение.

В таком случае — что делать дальше?

Вопреки предположениям моего друга Панчо бизнесмена из меня не получится. Но я журналист, хотя сейчас и не у дел. И если разработка первой золотопосной жилы — бизнеса с энерганом — мне не по плечу, почему бы не взяться за вторую? Материала у меня с лихвой хватит на три, даже четыре репортажа. А пока они будут напечатаны, я докопаюсь до чего-

нибудь еще, узнаю реакцию общественности, проведу опрос среди ученых и специалистов нефтяников, шоферов и мотористов, проинтервьюирую нефтяных магнатов, даже самого Мак-Харриса, если потребуется (в качестве главы «Альбатроса» он отлично знаком с проблемой), встречу с президентом Федерации борцов за чистоту планеты, профессором Луисом Моралесом, свяжу энерган с проблемой создания новых источников энергии, которые не будут загрязнять окружающую среду, и т. д. и т. д. В этой сфере журналистской деятельности у меня достаточно богатый опыт.

Было и еще одно обстоятельство. Помнится, старый жрец сказал: «Мы (кто такие "мы", черт побери!) будем с нетерпением ожидать ваших репортажей. И если они будут так же хороши, как те, с Огненной Земли, мы непременно дадим вам знать о себе». За этим обещанием таилась перспектива новой информации и, следовательно, новых репортажей...

Вне себя от возбуждения, наглотавшись кислорода, воды и витаминов, я сел за пишущую машинку и стучал до полуночи. На одном дыхании, почти без помарок, я написал шесть тысяч слов — ровно на четыре номера. Изложил всю историю — начиная с письма в голубом конверте и кончая своим последним разговором со стариком индейцем. Опустил лишь эпизод с Панчо — иначе он оторвал бы мне голову. Тем самым утаил и номер радиофона «Энерган компани». Особенно подробно и красочно расписал я священнодействия жреца над ведром и зернами энергана, бурление воды, ледяной холод. И как я гонял на машине, как побывал на набережной Кеннеди... Мне не пришлось искусственно нагнетать напряжение, оно исходило из самого перечня подлинных событий. И нарочито неожиданно прерывать рассказ тоже не пришлось, ведь так оно произошло на самом деле. А заголовок напрашивался сам собой;

ЭНЕРГАН-22. РЕПОРТАЖ ОБ ОДНОМ ФАНТАСТИЧЕСКОМ ОТКРЫТИИ

Оставив на столе исписанные страницы, я лег спать. И во сне увидел, что нахожусь вместе с сынишками на Снежной горе и блаженно качусь по белому склону, пока не оказался у стеклянной веранды своей новой виллы. А там меня поджидает старый жрец и щекочет мне щеку орлиным пером...

Я проснулся.

Надо мной стояла Клара, бледная, усталая, синие круги под глазами. Она всегда выглядит так, возвращаясь после двух смен.

— Тедди, — озабоченно произнесла она, глядя меня своей шершавой от работы рукой, — ты забыл закрыть кислородный кран. Он всю ночь тек.

Я проворно вскочил, засмеялся, поцеловал ее.

— Не волнуйся, дорогая! Скоро у нас будет достаточно денег не только на кислород и воду. Мы сможем позволить себе даже поездку на Снежную гору, к детям. И ты больше не будешь закрывать никаких кранов!

— Ты выиграл в лотерею? — с надеждой спросила она.

— При чем тут лотерея? Лотерея — это ерунда. Дело гораздо более верное. Скоро все узнаешь.

— Я видела во дворе машину...

— Именно. Причем заправленную. Полный бак!

Она сочувственно посмотрела на меня:

— Надышался кислорода!

Я ничего не стал объяснять, надел чистый костюм, белую рубашу. В Америго-сити белую рубашку принято надевать лишь в самых исключительных случаях: на свадьбу и похороны. Белизна сохраняется минут двадцать, не больше... Захватив со стола свои странички, я бросил жене «до свиданья» и, провожаемый ее

растерянным взглядом, сел в машину и рванул с места.

Четверть часа спустя я был в кабинете главного редактора «Утренней зари» — газеты, в которой когда-то работал и для которой так много сделал. Лино Баталли, журналист старой школы, один из немногих, кто сумел удержаться на поверхности после того, как престол достался Князю. Злые языки утверждали, что этим он обязан своим контактам с главой «Альбатроса» Эдуардо Мак-Харрисом. Лино лет шестьдесят, он всегда безупречно элегантен, с благородной сединой в волосах. Говорит размеренно, обдумывая каждое слово и заглядывая собеседнику в глаза, словно проверяя, правильно ли его понимают.

Уволил он меня не по своей воле — как-никак я был одним из лучших его сотрудников. Но из-за моих репортажей с Огненной Земли он сам чуть не лишился поста: апперы возмутились моей откровенностью, которая, по их мнению, «лила воду на мельницу левых». Уволенный из газеты, я безуспешно пытался устроиться на телевидение политическим комментатором — чего проще глубокомысленно прогнозировать события, а если твои прогнозы не подтверждаются, объясняй причину своей неудачи столь же глубокомысленным аргументом: мол, диалектика... Но на телевидение меня не взяли и, чтобы заработать на кусок хлеба, приходилось бегать по полицейским участкам и наведываться в «Сентрал Брэйи»...

Лино Баталли почти всегда печатал мои материалы, если только они не затрагивали острых вопросов. Поэтому я с такой уверенностью положил свои листки ему на стол.

Он удивленно взглянул на меня поверх очков:

— Уж не обнаружил ли ты базу Эль Капитана, Тедди? — с дружеской насмешкой спросил он.

— Базу пока не обнаружил. Зато открыл энерган.

— Энерган?!

— Да. Заменитель бензина.

Лино разочарованно улыбнулся:

— И ты туда же? Этот твой заменитель, наверно, уже тысячный по счету за последние год-два. Гениальный изобретатель, не признав, голодает, влачит жалкое существование, доведен до отчаяния равнодушным обществом и преследованием нефтяных магнатов. Раскрывает душу журналисту и молит о помощи, не то взорвет к чертям нашу планету или предаст себя самосожжению перед воротами княжеского дворца... Право же, Тедди, это не достойно тебя...

— Ошибаешься, Лино, — возразил я. — На сей раз дело обстоит иначе. Сначала прочти материал, а тогда поговорим.

— Прямо сейчас? — он недовольно вскинул брови.

— Сделай одолжение. Во имя старой дружбы. Тут не так уж много. Я посижу в буфете, выпью чашечку настоящего кофе за твой счет. И если материал тебе не понравится, можешь преспокойно вытолкать меня вон, я не буду в претензии.

Он засмеялся.

— Так и быть, Тедди! И можешь взять к кофе бутерброд с натуральной ветчиной.

Едва я кончил завтракать, как Лино прислал за мной: он читает быстро, иначе ему бы не справиться с грудой материалов, которые попадают к нему на стол.

Я вошел в кабинет. Лино задумчиво протирал очки и даже не взглянул на меня, когда я сел по другую сторону стола. Вытолкает он меня или нет?

— Хорошо, Тедди, оглично, — сказал он. — Не растерял мастерства. Мы напечатаем это в литературном приложении.

— Почему в приложении? — удивился я.

— Как рассказ. Или фрагмент из повести.

— Но это не рассказ, Лино! — воскликнул я. — Это репортаж о подлинном событии.

Он устало вздохнул. Так он вздыхает, когда сотрудники упрямо пытаются всучить ему недоброкачественный материал.

— Теодоро, друг мой, когда журналист начинает принимать желаемое за действительное — это опасный симптом.

— Клянусь, я говорю чистую правду!

Он надел очки, испытующе посмотрел на меня:

— Хорошо, допустим. Но где доказательства? Документы, записи, фотографии, сам энерган, наконец? Где этот жрец, его помощники, красавец из ковбойского фильма? Адреса, телефоны, радиофоны?

Я знал, я с самого начала знал, что так будет!

И положил на стол письмо в голубом конверте и коробку, которую подобрал на складе.

— А машина у меня заправлена горючим, полученным из зерен энергана, — добавил я, предвидя, какой услышу ответ.

Длинные аристократические пальцы Лино отодвинули в сторону и коробку, и письмо.

— Это не доказательства, — сказал он. — Рекламных объявлений и коробок из-под сигарет всюду навалом, а бензин можно купить на любой бензоколонке. Покажи мне хоть песколько зерен этого твоего энергана, продемонстрируй, как получается горючее, дай мне хоть одну каплю этого горючего, тогда я поверю... Нет, даже и тогда не поверю. Тебе придется проделать эти манипуляции еще раз, и еще, и уж не знаю сколько раз еще перед учеными, перед разными комиссиями, перед целыми академиями... И лишь тогда... Нет, даже тогда... — Он не договорил и скептически поджал губы.

Лино Баталли был прав, тысячу раз прав. Я бы

тоже выдвинул такое требование любому, кто явился бы ко мне с подобным материалом.

— Хорошо, — примирительно сказал я. — Напечатай в литературном приложении. Но если завтра или послезавтра я все же принесу тебе энерган?

— Сперва принеси, а там будет видно...

Лино Баталли был мне другом.

— Слушай, босс, а как насчет небольшого аванса? Я совсем на мели...

Он не стал ломаться:

— Иди в кассу. Скажи — сотню...

Я получил в кассе сто долларов и первым делом отправился на почту.

Еле дождался, пока какая-то болтливая толстуха освободит кабину радиофона, и набрал нужный номер. Однако радиофон 77 77 22 не отвечал.

Я вернулся домой обрадованный и одновременно расстроенный: золотиносная журналистская жила оказалась не слишком глубокой.

8. Рассказ с неожиданным финалом

Прошло три дня, полных напряженного ожидания.

Индикатор стайфли по-прежнему показывал цифру «88». Из танкера «Далия» в океан по-прежнему выливались тысячи тонн нефти. Десятки очистительных судов и сотни водолазов делали все возможное, чтобы предотвратить неминуемую гибель сотен километров побережья. Правительство апперов объявило о повышении цен на бензин на 18 процентов. Химические концерны сообщили, что повышение неизбежно отразится и на их ценах. Профсоюзы угрожали забастовкой. Профессор Моралес метал громы и молнии как на владельцев танкеров, так и на динамитеросов, которые эти танкеры взрывали.

«Утренняя заря» молчала.

Молчала и «Энерган компани».

А я каждые два часа наведывался в лавчонку на Двадцать второй улице. Листок с моим адресом по-прежнему торчал в замочной скважине. Потом я звонил коменданту дома на набережной Кеннеди и спрашивал, нет ли каких известий от индейцев — все напрасно. Вызывал с почты радифонный пункт 77 77 22 — молчание. Старый жрец будто сквозь землю провалился.

Все остальное время я торчал дома, нервно кусая ногти, смотрел телевизор, листал брошюры и труды об энергетическом кризисе в мире, читал книги о мистарствах великих изобретателей и пытался представить себе создателя энергана: гениальный, полубезумный старик среди пробирок и колб в лаборатории где-нибудь на чердаке; средневековый алхимик и современный Фауст, пытающийся проникнуть в тайны бытия и источники материи; жрец племени майя, который стоит на вершине солнечной пирамиды, воздев руки к богам, и заклинает огненный небесный шар даровать ему космическую силу... И тому подобная красивая чушь, внушенная мне фантастическими романами, которые я в несметных количествах проглотил в юности.

С каждым минувшим днем мое уныние возрастало, я все меньше пил воды, все реже дышал кислородом. Из той сотни, что мне выдали в «Утренней заре», пришлось заплатить за кислород и воду, да и то не полностью, оставив немного на еду и радифон... Поэтому когда на четвертые сутки я проснулся с привычной болью в затылке и услышал по радио свое имя, то не обратил особенного внимания на слащавый голос диктора. Но когда он произнес слово «энерган», я сразу насторожился.

Передавали ежедневный обзор печати и дошли до литературного приложения к «Утренней заре». Диктор

сообщал:

«Наш известный журналист после длительного молчания впервые выступил на ниве беллетристики с повестью «Энерган». Повесть читается с увлечением, она звучит так ярко и современно, что воспринимается как репортаж о подлинных событиях. Мы с интересом ждем продолжения...»

— Ты слышишь, Тедди? — донесся из кухни голос Клары, и она вбежала в спальню. — Это и есть то верное дело, о котором ты мне говорил?

— Как будто... — буркнул я, а она выскочила на улицу и вернулась с двадцатью экземплярами «Утренней зари».

Я развернул газету. Мой материал занимал половину набранной петитом полосы. Лино Баталли пустил его без купюр — он и вправду хороший друг. Под заголовком он поставил «повесть», а в конце добавил «продолжение следует».

Что он имел в виду этим приятным добавлением, неизвестно, но мне казалось, что продолжение возможно лишь в том случае, если материал идет как репортаж. Как повесть он не имел продолжения... Если только не произойдет чего-нибудь важного — например, снова выплывет на белый свет старый жрец или же сам энерган.

— После обеда почитаем вместе, хочешь? — спросила Клара. — Я сейчас займусь обедом. Надо приготовить что-нибудь праздничное...

У меня, конечно, не хватило терпения ждать до обеда, и я принялся за чтение сразу. Но не дошел еще до второго столбца, как зазвенел телефон, а затем началась настоящая телефонная вакханалия. Первым позвонил Панчо.

— Привет, Тедди! — прокричал он своим тоненьким голоском. — Вот не знал, что у тебя такая фаята-

зия. Но почему ты не назвал меня, а? Немножко рекламы мне бы не повредило.

— Ты же сам запретил упоминать твое имя!

— Да, конечно, но я думал, ты занялся бизнесом, а не литературой. В литературе все позволено. С тебя причитається, помнишь?

— Слово есть слово! — подтвердил я. И шепотом добавил: — Панчо, у меня к тебе огромная просьба.

— Опять насчет твоего Белого Орла? — ехидно заинтересовался он.

— Угадал. Ты не можешь стереть из электронной памяти информацию об «Энерган компани»? Или хотя бы на время заблокировать?

— Но ведь у тебя все выдумано?

— Панчо, будь другом, умоляю! И пока больше ни о чем не расспрашивай. В другой раз...

— Ох, Тедди, погубишь ты меня! Ладно, постараюсь... Как говорится, друг познается в беде... И держай! Из этой истории может получиться такой бестселлер, что все академики с их мудреными писаниями лопнут от зависти.

Чуть погодя в трубке раздался чей-то грубый, неприязненный голос:

— Теодоро Искров? Журналист? Слушай, ты чего меня припел к своим идиотским рассказам? Энерган-аллерган — чушь собачья! Мне теперь жильцы проходу не дают, зубы скалят!

— Кто говорит?

— Привратник я, Двадцать вторая улица, дом семь, кому ты всучил доллар, чтоб тебе пропасть!.. Пусть только еще сунется ко мне ваш брат, журналист, я его сразу по башке палкой!

Комендант с набережной Кеннеди тоже не замедлил откликнуться.

— Здравсте, здравсте, уважаемый сеньор Искров! Как приятно слышать ваш голос. Спасибо большое за

лестные слова обо мне. Совершенно точно, этих шелудивых индейцев надо всех до одного скальпировать... С нетерпением жду, что вы напишете в следующих сериях...

Затем звонили десятки знакомых и незнакомых — все, кто имел привычку в воскресенье после обеда прилечь на диван и, потягивая синтетический коньяк, ознакомиться с литературной страницей «Утренней зари». Меня поздравляли, отпускали шуточки, спрашивали, что будет дальше, и все до одного допытывались, много ли в моей повести правды. Потому что «черт подери, если это правда и энерган продается в табачных лавках по восемь центов за литр, то господам из нашей славной национальной компании «Альбатрос» придется собрать свои монетки и танкеры и утопиться с ними вместе в море, которое по их милости превратилось в грязную нефтяную лужу... Да и воздух станет чище и даже, представляете, господин Искров, войн на нашей несчастной планете тоже поубавится, потому что, так или иначе, нефть — одна из их причин...»

Высказывались и другие мнения, их было значительно меньше, зато звучали они особенно грубо. Меня обвиняли ни больше ни меньше в том, будто я призываю к гибели «свободного, демократического строя, который открывает такие просторы для личной инициативы», будто я хочу разорить нефтяные компании, которым «наше отечество многим обязано», и выбросить на улицу миллионы честно трудящихся там рабочих... Два-три голоса без обиняков прилепили мне ярлык «красный», а один брякнул, что я идеолог динамитеросов, которые используют свои террористические акции в тех же предательских целях...

Я благодарил за поздравления, что-то бурчал в ответ на ругань, смеялся шуткам, обещал сделать продолжение еще более увлекательным. И всем, включая

тех, кто называл меня «красным», втолковывал, что в моей повести, как в любом беллетристическом произведении, есть элементы истины, домысла и полного вымысла, но основной ее персонаж — подлинный. Что же касается самого энергана, то, говорил я, «узнаете позже, вам же будет неинтересно, если вы уже сейчас узнаете, чем дело кончится». И для пущей убедительности напоминал старый анекдот о жулике, который стоял перед кинотеатром и вымогал у всех входящих доллар, угрожая, что в противном случае скажет, кто в этом фильме убийца...

В короткие перерывы между звонками я размышлял о том, что произошло бы, выгляди мой материал не повестью, а чисто журналистским отчетом о подлинном событии, подтвержденным документами, факсимиле, протоколами и заключениями специалистов... Картина, нарисованная многими из моих почитателей, была верна, точнее — вероятна. Они правильно поняли, какие результаты имело бы появление энергана на свободном рынке. И хоть я ни в коей мере не был единомышленником Эль Капитана или агентом «красных», а всего-навсего газетчиком, который стремился поменьше врать, я со злорадством думал о последствиях, какие может вызвать мой НАСТОЯЩИЙ репортаж.

Около полудня позвонил Лино Баталли и осведомился, доволен ли я тем, как оформлен материал. И ответил: «Да, все в порядке». Он спросил, как я смотрю на то, чтобы использовать этот материал для большой повести, которую они опубликуют в нескольких номерах, и успею ли к четвергу сдать десять страниц, а потом остальное. Я сказал: «Конечно, немедленно сажусь и пишу». Лино завершил беседу приятным известием, что за этот литературный общественно-полезный труд мне заплатят от трех до пяти тысяч долларов.

Совершенно ошарашенный, я положил трубку. Бог

мой, неужто вторая жила окажется доходнее первой? Подбежал к кислородопроводу и отвернул кран до конца. Потом вынул из холодильника бутылку виски, старого, доброго виски, которую берег для особых случаев, и откупорил ее.

Не успел я сделать глоток, как телефон снова зазвонил — долго и пронзительно: так звонит междугородная. Я взглянул на часы: ровно двенадцать — и снял трубку.

— Искров слушает.

— Добрый день, сеньор Искров, как поживаете? — донесся мягкий, дружелюбный голос старого жреца.

Я весь напрягся и прижал трубку плотнее к уху, стараясь не упустить ни слова.

— Сеньор Игл, мне нужно вас видеть! Встретиться с вами! — я заорал так радостно, что Клара вбежала узнать, с кем это я разговариваю. — Мне нужно видеть вас во что бы то ни стало! Где вы находитесь?

Ответ прозвучал более чем уклончиво:

— Ваша повесть, сеньор Искров, крайне интересна, примите мои поздравления. Надеюсь, что продолжение будет еще интереснее. Есть, разумеется, кое-какие неточности. Так, например, я не Уайт Игл, меня зовут иначе. Уайт Игл, или Белый Орел, — руководитель группы, работавшей на набережной Кеннеди, но это особого значения не имеет.

— Сеньор! — снова закричал я. — Умоляю, выслушайте меня! Я не знаю, какую цель преследует ваша операция с энерганом, понятия не имею, зачем вы вовлекли в нее и меня, возможно, все это какая-то гигантская рекламная кампания, но даже если бы я захотел и дальше участвовать в ней, я не могу, потому что не в состоянии предъявить никаких доказательств.

После короткого молчания старик вновь заговорил, и на этот раз голос его звучал сухо:

— Как это — никаких доказательств? Разве я мало их вам предоставил?

— Увы, недостаточно.

— Неужели? — крайне удивленно отозвался он. — В таком случае вы скоро получите еще... На днях... И кое-какие дополнительные материалы, которые позволят вам завершить свою повесть. Когда продолжение?

— Просили к четвергу.

— Прекрасно. Пожелаю вам доброго здоровья.

И он умолк.

— Алло! — кричал я. — Алло! Алло!

Ответа не было. Я с досадой выдернул шнур из розетки: хоть пообедаем спокойно.

Мы быстро поели — синтетические отбивные из нефтепродуктов, пирожные из нефтепродуктов, зато виски было натуральное и бросилось мне в голову.

— Почитаем? — убрав посуду, предложила Клара.

— Не возражаю.

Она устроилась в кресле и стала читать мою повесть вслух, чуть монотонно, время от времени прерывая чтение возгласами удивления или одобрения. А я сидел, закрыв глаза и потягивая виски, и передо мной, точно на стереоэкране, проходило памятное августовское утро, смог над городом, взрыв на нефтеочистительном заводе, дети в противогазовых масках, затянутая мглой Двадцать вторая улица, жрец и его колдовские манипуляции над пластмассовым ведром, встреча с привратником из дома номер семь, коробки с белым орлом со склада на набережной Кеннеди...

Голос Клары вдруг умолк.

— В чем дело, Кларисса? — спросил я.

— Белый орел... — неуверенно проговорила она. — Я его где-то недавно видела...

— Нигде ты не могла его видеть, разве что в дет-

ском учебнике... — сказал я. — Читай дальше, мне очень интересно.

Она возобновила чтение, но навязчивая мысль явно не давала ей покоя.

— Ну конечно! — вдруг воскликнула она. — Твои сигареты!

— Какие сигареты?

— В кармане пиджака, который ты кинул в чулан, чтобы отдать в чистку.

Я онемел. А она метнулась к чулану и принесла коробку из-под сигарет, одну из тех самых коробок! С белым орлом на этикетке.

Коробка была набита зеленоватыми зернами.

И тут же из глубин моего сознания выплыла картина: лавчонка, седовласый индеец, который колдует над ведром с водой, а потом сует мне что-то в карман и говорит: «Вот, сеньор, тут немного горючего про запас...» Не зря он так удивился, когда я потребовал от него новых доказательств. Милый старый жрец! А я-то, дубина, был глух к его словам!

— Клара! — завопил я. — Скорей кувшин воды!

Она принесла кувшин, и я безо всяких манипуляций бросил в него одно зернышко.

И получил энерган.

9. Веселое продолжение с розовыми перспективами

Никогда и ничего не пересчитывал я с таким наслаждением: зерен было ровно 1100. Следовательно, я обладал 1100 литрами горючего. А весило оно всего 110 граммов. Я не физик и не знаю, каково соотношение между энергией и материей, при котором одна бомба, взорвавшись, обращает в пепел целый город. Я знаю лишь эйнштейновскую формулу $E=mc^2$, но мне высвобождающейся из зеленоватых зерен энергии

было предостаточно. И для езды, и в качестве доказательства.

Эта находка, как и все другие события дня, начиная с опубликования повести и кончая предложением редактора продолжить ее, вернула мне ту уверенность в себе, которую я потерял за годы безработицы. Вообще-то я по натуре оптимист, работяга и добрый малый, люблю острые анекдоты и общество хорошеньких женщин, не гнушаюсь виски, если оно натуральное, радуюсь жизни, когда она дает для этого повод, а в последние часы она была не так уж плоха, несмотря на то, что ядовитый стайфли за окнами по Индикатору достиг цифры «87». На глазах изумленной жены я превратил 70 зерен в 70 литров энергана, половину залил в бак моего фордика, а остальными заполнил две канистры, которые положил в багажник. Захватил с собой виски — в бутылке еще оставалось не менее половины, заставил Клару надеть куртку, и мы двинулись в путь.

Панчо мы застали лежащим на диване.

— Подымайся, лежебока! — прикрикнул я и сдернул с него плед.

— Какая муха тебя укусила? — страдальчески пропыхтел он, глядя на меня своими маленькими круглыми глазками.

— Поехали кататься!

— Куда, к дьяволу, в такой час?

— На чистый воздух. В предгорья. На Рио-Альто.

— Совсем свихнулся! Ум за разум зашел! Да ты знаешь, во что обойдется поездка в Рио-Альто и обратно? — И не без желчи, но и без тени зависти добавил: — Я небось не писатель, у меня энергана нет.

— Зато у меня есть! — сказал я. — Одевайся, живо! Сегодня я беру тебя на содержание.

— А моя жена как же?

— Бери и жену, и детей, всех! — У Панчо было

трое малышей, таких же крохотных и кругленьких, как отец.

Мы пошли к нему в гараж, я отдал ему обе канистры. Одну он вылил в бак, вторую сунул в багажник.

— Вот что значит быть журналистом в наше время, — сказал он. — Сколько тебе отвалили за эту газетную брехню?

— И не спрашивай! Между прочим, это энерган. Он захлопал в ладоши:

— Браво, браво!

— Не веришь?

— Слушай, Тедди, мне-то хоть не морочь голову! Я больше не настаивал.

Женщин и детей мы посадили в машину Панчо, а сам он сел ко мне. По воскресеньям дороги относительно свободны, люди ездят мало, экономят бензин. Только перед заправочными колонками тянулись очереди: народ запасался в ожидании нового повышения цен. А у меня дома была целая тонна горючего!

— Ну, признавайся, сколько же тебе отвалили за повесть? — снова спросил Панчо.

— Не знаю. Она еще не закончена, но Лино Баталли обещал тыщонки три.

— И ты согласился? — Панчо был возмущен.

— Неплохие деньги, Панчо. А уж в моем положении...

— Вот какие у меня друзья — чистые донкихоты! — сочувствуя моей непрактичности, вздохнул он. — Не будет тебе в жизни счастья! Три тысячи... Да у него тираж до трехсот тысяч подскочит! Пошли ты его к дьяволу! Скажи, что меньше десяти, нет, пятнадцати не возьмешь. Чтобы и мне кое-что перепало...

Он был прав, хотя и не подозревал о моем последнем разговоре с жрецом и о том, что я обнаружил в коробке из-под сигарет. Ведь когда я завтра явлюсь

в редакцию, имея на руках вещественные доказательства, и моя повесть получит неожиданное и еще более сенсационное продолжение, предложенный мне гоно-рар и даже названная моим другом Панчо цифра будут выглядеть поистине смехотворными.

Первые сто километров я проехал, израсходовав всего литра два-три. Панчо не заметил этого, не то ему стало бы плохо. А еще через два часа мы были в Рио-Альто. Здесь воздух был чище, и в предвечерние часы мы увидели то, чего в большом городе уже давно не увидишь: по улицам гуляли люди. Просто так, бесцельно прохаживались с женами и детьми, а юноши и девушки заглядывали друг другу в глаза и смеялись. И деревья еще не окончательно высохли, и кое-где во дворах росла зеленая травка, а маски носили в основном больные стайфлитом.

Мама угостила нас домашним печеньем, и домой мы вернулись поздно ночью оживленные, бодрые. На прощанье я напомнил Панчо, чтобы он на некоторое время заблокировал информацию об «Энерган компани».

— Не волнуйся, — сказал он. Настроение у него было приподнятое. — Я не собираюсь подрывать твой бизнес. Но и ты не подрывай мой: держи язык за зубами!

Ночь я провел беспокойно — разумеется, мне уже не снилась виселица, наоборот, меня обступили видения прекрасного будущего, которое ожидает меня. Мне представлялось, как я вхожу рано утром к Лино Баталли и показываю ему коробочку с энерганом, как он вскакивает, обнимает меня, вызывает кассира, и я получаю новый аванс, на сей раз с тремя нулями.

Боже, каким идиотом я был! Панчо прав, называя меня неисправимым Дон-Кихотом.

Итак, в девять утра, наказав Кларе сидеть безот-

лучно дома и ждать вестей от старого жреца, я пересыпал большую часть зерен энергана в три банки, спрятав их в трех укромных уголках — в кухне, в спальне и кладовке, сунул в карман коробку с оставшимися зернами, штук двадцать примерно, и поехал в редакцию.

Мне предстояло сражение, настоящая битва за мою будущую судьбу. Она началась сразу же. Причем скверно. Секретарша Лино Баталли остановила меня:

— У шефа совещание.

Я прождал битый час. Потом Лино промчался мимо меня, даже не поздоровавшись. Вернулся он к полудню, явно не в духе.

— Ну, что там у тебя опять? — проворчал он. — Аванса не хватило? Ладно уж, иди в кассу...

— Нет, Лино, я по другому поводу. Дело гораздо интереснее... — И, выдержав эффектную паузу, добавил: — У меня есть доказательства.

— Какие еще доказательства? — рассеянно спросил он.

— Энерган.

— Что, что?

— Энерган. Зерна, дающие высокооктановое горючее. О которых говорится в моей повести.

Я вынул коробку с белым орлом на этикетке, открыл ее и, как мне привиделось ночью во сне, сунул Лино под нос.

Он даже не удостоил ее взгляда.

— Тедди, дорогой, это прекрасно, когда авторы так увлечены своим материалом, но ты, пожалуй, хватил через край. Может, ты и меня вздумал вставить в свое сочинение? Уволь, пожалуйста, у меня и так хватает мороки в последнее время. Эль Капитан прислал мне письменное предупреждение...

Не слушая дальше, я открыл дверцу наполненного первоклассными напитками бара в углу кабинета, взял

шейкер, которым Лино готовил коктейли, наполнил его водой и поставил на полированный редакторский стол. Лино не двигался с места, но я видел, что в нем закипает ярость.

Подчеркнуто небрежным жестом я вынул из коробки одно зернышко и бросил в шейкер.

— Ты бы лучше отсел от стола, — сказал я.

— Слушай, Тедди! — рявкнул он. — Прекрати этот балаган! Я занят.

И тут же прикусил язык: жидкость в шейкере зашипела, повеяло холодом, запахло озоном.

— Что это значит? — спросил он, уже гораздо сдержаннее.

— Смотри! — Я отлил немного жидкости в пустую пепельницу, поднес огонек. Жидкость несколько секунд горела голубоватым пламенем.

Лино вопросительно уставился на меня. Он не глуп, о нет! Это я болван.

— Ты хочешь меня уверить, что история с твоим энерганом не выдумана? — сказал он.

— Да, Лино, клянусь тебе тем, что мне дороже всего на свете: моими детьми.

Он молчал долго, очень долго, не сводя глаз с шейкера, откуда струилось свежее дыхание озона с легкой сладковатой примесью неведомого летучего вещества. Потом поднял трубку синего телефона, который связывал его напрямую с некими лицами, и нажал на клавишу:

— Сеньор Мак-Харрис?.. Лино Баталли. Мне необходимо вас видеть, немедленно, безотлагательно! Дело исключительной важности... Нет, не по поводу Эль Капитана, гораздо важнее... Вместе с моим сотрудником Теодоро Искровым... Да, да, тот самый... Нет, «Далня» тут тоже ни при чем. Едем немедленно!

Он положил трубку, завернул шейкер в газеты,

осторожно, двумя руками поднял его и вышел из кабинета. Я последовал за ним.

Внизу нас ждала машина.

10. Эдуардо Мак-Харрис, президент «Альбатроса»

Мы подъехали к административному зданию «Альбатроса», тому самому, где неделю назад Командор разместил свой командный пункт и решал, кому из арестованных жить, а кому умереть. Эта 110-этажная машина из алюминия и стекла — символ могущества крупнейшей нефтяной компании в стране, одной из крупнейших в мире. Неподалеку высился остов сгоревшего нефтеочистительного завода.

Мы торопливо пересекли мраморный холл и сели в роскошный, обитый кожей лифт, который поднял нас прямо в кабинет самого Эдуардо Мак-Харриса, главы «Альбатроса».

Я, естественно, знал его. Встречал раза два-три, брал у него интервью. Сейчас он показался мне мрачнее и словно бы недоступнее. И еще безобразнее. Оттого-то, наверно, он в последнее время не появлялся ни на телеэкране, ни в кинохронике. Впрочем, сам он нимало не стыдился своего уродства, считая его, должно быть, таким же символом власти и могущества, как и гигантский небоскреб, отличительным признаком self-made man — человека, возвысившегося собственными силами.

Существовала легенда — никто не знал, сколько в ней правды, — что много лет назад, когда Мак-Харрис был молод и владел одной-единственной нефтяной скважиной, на него напали бандиты, ранили, а вышку подожгли. Мак-Харрис с риском для жизни бросился в огонь и голыми руками погасил пожар. С той поры вся правая половина лица у него превратилась в

кроваво-красную рыхлую массу, на которой поблескивал стеклянный глаз, а вместо правой руки — железный протез...

И этот человек считается некоронованным королем Беспуччии, «советником» Князя, послушно исполняющего все его желания. Мак-Харрис — это нефть. Мак-Харрис — это энергия, которую дает нефть. Мак-Харрис — это продукты питания, получаемые из нефти. Мак-Харрис — человек, проваливающий любые проекты по строительству в Беспуччии атомных электростанций и солнечных батарей в пустыне. Мак-Харрис — это стайфли.

Мы застали его сидящим перед стеклянной стеной своего кабинета, откуда открывалась величественно-мрачная панорама Америго-сити: хаотическое скопище зданий, улиц, небоскребов, мостов, судов, заводов, тонущих в грязном омуте стайфли. Прямо-таки картина из вагнеровской «Гибели богов». Но в самом кабинете пахло сосной — дома и служебные кабинеты апперов снабжались самым дорогостоящим воздухом.

Когда мы вышли из лифта, Мак-Харрис поднялся с кресла и враскачку, морской походкой, сделал несколько шагов нам навстречу. Глаз его сощурился, губы омерзительно скривились, что означало любезную улыбку. Он протянул правую, затянутую в черную кожаную перчатку руку. Я пожал ее и почувствовал, какая она твердая.

— Вы Теодоро Искров, — произнес он, скорее констатируя, чем спрашивая. — Любопытное совпадение: только вчера прочитал вашу повесть. Очень забавно. Не считите за обиду — давно так не смеялся. У вас изощренное воображение, болезненная чувствительность и подавленные комплексы превосходства. Советую пройти курс психоанализа. Бог весть какую накипь извлекут из вашего подсознания. Прошу садиться!

Это была не просьба, а приказ, и мы заняли места за низеньким столиком, уставленным разнообразными бутылками и вазами с апельсинами и яблоками. Я уже много лет не видел таких фруктов.

— Прощу! — сказал он, пододвигая к нам рюмки и тарелочки.

Когда он говорил, рыхлая красная щека шевелилась, напоминая выползающий из мясорубки фарш.

— Итак, Лино, в чем же состоит неотложное дело, которое важнее спасения «Далии»?

Лино Баталли не притронулся ни к фруктам, ни к напиткам. Наоборот, сдвинул тарелки и рюмки в сторону и водрузил на стол шейкер. После чего снял газеты, в которые он был завернут.

— Что это значит? — Мак-Харрис сдвинул брови.

Тот же вопрос незадолго перед тем задал мне в редакции и сам Лино.

— Сеньор Мак-Харрис, — медленно произнес главный редактор «Утренней зари», — Теодоро Искров утверждает, что напечатанная в газете история об энергане — не вымысел.

И замолчал.

Мак-Харрис отреагировал не сразу. Взгляд его здорового глаза скользнул поверх шейкера, поверх моей головы, потом за окно, на обугленное пожарище за рекой.

Наступила тягостная тишина. Я почувствовал себя обязанным добавить — само собой, с глупой самоуверенностью, явным признаком моих подавленных комплексов.

— Стопроцентная правда, сеньор Мак-Харрис. Вот доказательство.

И я вынул коробочку с энерганом.

Он взял ее своей негнущейся рукой, открыл, вынул одно зернышко, растер в порошок, понюхал и громко позвал:

— Лидия!

На пороге выросла секретарша — из породы тех старых дев, что служат шефу самоотверженно и благоговейно.

— Немедленно вызовите ко мне Зингера! Сию же минуту!

Мне доводилось слышать о докторе Бруно Зингере — крупнейшем специалисте в области нефти у нас в стране, ученом с мировым именем, связавшим всю свою научную карьеру с личной карьерой Эдуардо Мак-Харриса и «Альбатросом». Бытовала легенда, что во всем мире нет лучшего «дегустатора» нефти: по запаху и вкусу одной-единственной капли доктор Зингер в состоянии определить, из какого нефтерождения она извлечена, каков ее состав и будущая цена.

Он вбежал в кабинет — тщедушный человек в белом халате и очках, увеличенные стеклами глаза были полны библейской мудрости и печали.

Мак-Харрис протянул ему шейкер.

— Что это, Бруно, как по-твоему?

Зингер понюхал содержимое шейкера, вылил часть жидкости в хрустальный бокал, повертел перед глазами и наконец произнес:

— Углеводородное горючее... Высокооктановое... Весьма необычное...

— А это? — Мак-Харрис положил ему на ладонь несколько зерен энергана.

Брови доктора Зингера на миг сдвинулись, увеличенные очками веки дрогнули, взгляд потемнел. Или мне померещилось?.. Потому что рука его была совершенно спокойной, когда он совершал ту же манипуляцию, что незадолго перед тем Мак-Харрис: растер одно зернышко большим и указательным пальцами и понюхал.

— Углеводородное соединение, — довольно неопределенно сказал он.

— Это я и сам вижу. Точнее? — резким тоном спросил Мак-Харрис.

— Не знаю. Анализ покажет.

— Сделай анализ и сообщи мне результат. Без промедлений!

Доктор Зингер, кивнув, направился к двери. Но я снова заметил, как тревожно дрогнули у него веки, а темные глаза вопросительно скользнули по мне. Если мне это не почудилось...

Мак-Харрис обернулся к нам:

— Подождите в соседней комнате, сеньоры. Когда вы мне понадобится, я вас вызову. Вы найдете там закуски и напитки. Если потребуется что-нибудь еще, позвоните моей секретарше.

И, не обращая на нас больше внимания, сел за письменный стол. Мы прошли в соседнее помещение. Оно предназначалось для отдыха — ванна, кушетка, бар, холодильник, набитый всевозможными деликатесами и фруктами. Я не устоял и почистил несколько апельсинов. Они показались мне божественными. Лино Баталли не притронулся ни к чему. Мы стали ждать.

Я представил себе, как доктор Зингер мобилизует огромную лабораторию «Альбатроса» с ее штатом из трехсот ученых и пятьюстами лаборантами, чтобы «немедленно», как было приказано, провести анализ содержащейся в шейкере жидкости и зеленоватых зерен и раскрыть секрет вещества, которое, это я уже отчетливо понимал, могло причинить крупные неприятности Мак-Харрису, несмотря на его несметные богатства и могущество.

Мы ждали недолго — в общей сложности два часа. Затем дверь распахнулась, и на пороге вырос Мак-Харрис. В руке у него была коробочка с энерганом и несколько разграфленных листов — очевидно, результаты анализов.

— Сеньор Искров, — произнес он властным то-

ном, — располагаете ли вы еще каким-нибудь количеством таких зерен?

— К сожалению, нет, сеньор Мак-Харрис... — хладнокровно солгал я. — У меня было еще немного, но я вчера израсходовал, ездил на прогулку в горы.

— Предупреждаю, что если вы вводите меня в заблуждение, вы горько пожалеете об этом.

— Какой же мне смысл обманывать вас, сеньор Мак-Харрис?

Он подумал мгновение. И вправду, какой мне смысл обманывать его, если я явился к нему по собственной воле?

— Еще один вопрос: имена и адреса указаны в повести точно? Двадцать вторая улица, набережная Кеннеди, привратники, коменданты и прочее?

— Совершенно точно.

— Другие данные?

— Никаких, — с прежним хладнокровием солгал я, одновременно подумав: успел ли Панчо стереть запись из блока памяти и не прослушивается ли уже мой домашний телефон?

— Допустим... — сказал Мак-Харрис. — В таком случае у меня есть к вам предложение. Сегодня понедельник. К четвергу, самое позднее к вечеру, вы напишете продолжение вашей повести. Здесь. Вам будут предоставлены диктофон, пишущая машинка, машинстки, стенографистки, что пожелаете. Можете пользоваться нашими архивами, библиотекой, нашим музеем. Пишите все, что сочтете нужным, мы в творческий процесс не вмешиваемся, но сделайте так, чтобы читатели уяснили себе, что вся эта история с энерганом — плод вашей фантазии, и только. Понятно?

— Да, но... — заикнулся было я, смущенный этим внезапным «предложением», которое по сути было принуждением, только в благовидной форме. «Мы не

вмешиваемся в творческий процесс»... Знакомая песенка. — Я, право, не знаю...

— Никаких «но»! — категорическим тоном оборвал он. — В четверг или пятницу, после того как повесть будет опубликована, вы получите чек на пятьдесят тысяч долларов и вернетесь к себе. Согласны?

Этот человек не давал мне опомниться.

— Взамен, — продолжал он, — вы, естественно, берете на себя обязательство никому и никогда не раскрывать, что ваша история — подлинная, что вы держали энерган в руках... Впрочем, даже если вы кому и расскажете, вам не поверят. — И его сожженная, кроваво-красная щека скривилась в зловещей усмешке.

— А если человек с Двадцать второй улицы сам во всеуслышание объявит об энергане и даже выбросит его на рынок?

— Эту заботу я беру на себя.

Я знал, что означает эта «забота»: газеты, радиостанции, телевидение, гигантский полицейский аппарат Командора...

— Мои домашние будут беспокоиться, — сказал я.

— Позвоните им и сообщите, что находитесь на вилле журналистов под Снежной горой, работаете над повестью. Можете, если нужно, послать жене деньги. Лидия! — позвал он.

Вошла секретарша с преданным взглядом верного пса.

— Лидия, немедленно переведи на адрес сеньора Теодоро Искрова 500 долларов. От «Утренней зари». — Потом повернулся к Лино Баталли: — Ты свободен, Лино. Думаю, что нам следует оставить сеньора Искрова одного, пусть сочиняет.

Он вышел, мрачно сверкнув в мою сторону стеклянными глазами.

Эдуардо Мак-Харрис

1. Гроза

Она разразилась в пятницу утром.

Но предчувствовал я ее еще накануне вечером, хотя находился в насыщенной кислородом комнате с герметически закрытыми окнами. Духота возрастала с каждой минутой. На улице стайфли превратился в непроницаемую толщу выхлопных газов. Издалека, из-за гор, ко мне на последний этаж небоскреба долетали глухие раскаты грома.

— Гроза надвигается, — сказал я стенографистке.

— Хорошо бы! — вздохнула она. — У нас дома не осталось ни одного кислородного патрона.

Ветры редко дуют над Америго-сити, и это одно из добавочных наших бедствий. Поэтому, когда над городом проносится долгожданная гроза, все встречают ее с облегчением и радостью. Правда, случается, что ураган уносит чью-то крышу или молнией убьет старика или собаку, зато смог уползает к океану, улицы очищаются от отравляющих газов, дождь смывает с домов зеленовато-лиловые наросты, и воздух становится чистым и прозрачным. В такие минуты ураганы вполне заслуживают ласковых имен, которыми их называют.

Я еще не знал, как назовут приближавшийся из-за гор ураган, так как с понедельника, когда Мак-Харрис заточил меня в здании «Альбатроса», был отрезан от внешнего мира — ни радио, ни телевизора, ни телефона. Зато мне были предоставлены такие условия для работы, каких я никогда не имел: две стенографистки,

диктофон, обширная документация. И натуральная пища: телятина, пшеничный хлеб, виноградное вино, французский коньяк. А в довершение всего — кофе, я пил очень много кофе, потому что диктовал почти без перерыва, с самого раннего утра и до поздней ночи, а в промежутках перечитывал написанное и правил.

Я выполнил указание Мак-Харриса: события в повести выглядели вымышленными. Это оказалось нетрудным делом, ведь если не считать последнего разговора по радиотелу со старым индейцем, я и впрямь не располагал никаким дополнительным фактическим материалом. Я рассчитывал, что Белый Орел больше не звонил мне, и благодарил небо за то, что вовремя припрятал оставшийся энерган: Мак-Харрису ничего не стоило произвести обыск у меня на квартире.

Диктовал я быстро, почти без пауз, давая волю своему воображению, а для вящей художественной «достоверности» использовал те данные, которые в изобилии находил в архивах «Альбатроса». За эти несколько дней я настолько вник в историю нефтяной промышленности и познакомился с ее пионерами, усилиями которых тысячи квадратных километров усеяны нефтяными вышками, а весь земной шар опутан сетью нефтепроводов, нефтеочистительных заводов, бензостанций; так глубоко изучил бесконечные войны, порожденные и порождаемые нефтью, энергетический кризис, который душит цивилизацию, и мрачные перспективы, которые вырисовываются перед человечеством, что несомненно по праву мог бы возглавить отдел «Энергетические проблемы» в любом журнале или газете.

Я узнал, например, что мир (я имею в виду западный, ибо насчет Востока у меня данных не было) ежегодно потребляет три миллиарда тонн нефти в виде горючего, химических продуктов, синтетического продовольствия и товаров, причем свыше четверти из это

го огромного количества производит мое обожаемое отечество под эгидой небезызвестной компании «Альбатрос», возглавляемой Эдуардо Мак-Харрисом. Это равняется примерно 80 тысячам тонн энергана в зернах, то есть объему грузового судна среднего тоннажа. Располагал ли старый индеец 80 тысячами тонн энергана?

Я также узнал, что в нефтяной промышленности прямо или косвенно заняты 20 миллионов человек, из которых восемь миллионов падает на Веспуччию. Нефтяные запасы в мире быстро иссякают, а потому цены на нефть и нефтепродукты, в том числе на пищевую белок, растут с головокружительной быстротой.

Особый интерес для меня представили материалы о том, как мелкие нефтяные компании оказались в руках «Альбатроса», и о способах, какими железная (в прямом смысле этого слова) рука Мак-Харриса ведет свое обширное хозяйство.

Не менее любопытно выглядели перипетии беспощадной битвы, которую Мак-Харрис под лозунгом «Не хотим повторения Хиросимы!» вел против попыток западногерманской фирмы «Рур Атом» создать в Веспуччии атомные электростанции. Битва продолжалась, и пока исход ее был неясен.

В архиве имелся целый раздел о нефтяных магнатах — явно приукрашенные или попросту фальсифицированные жизнеописания нефтяных акул. Именно этот раздел я самым бесцеремонным образом использовал, дорисовав со своей стороны новые мифические образы героических заправил нашей экономики, этих доблестных народных лидеров, которые прошли огонь, воду и медные трубы, а кое-кто и сгорел в огне во имя нашего образцового княжества, где все едят досыта... Разумеется, я старался не переборщить, не впасть в пародию, иначе пропали бы все мои усилия и пятьдесят тысяч долларов вместе с ними...

Как и было договорено, в четверг вечером Лино Баталли явился ко мне за последними страницами.

— Ты доволен, Тедди? — спросил он.

— Прочтешь — увидишь. По-моему, неплохо.

— Дай-то бог... Ну, спокойной ночи. Завтра узнаешь результат.

— Спокойной ночи, Лино. И спасибо за все.

Стенографистка собрала свои карандаши и тоже ушла.

Я остался один. Это была моя последняя ночь здесь. Завтра, когда газета выйдет, я положу в карман свои тысячи и вернусь домой, где у меня в тайнике спрятана тонна горючего. И где я буду ждать обещанных жрецом новых материалов...

А что будет дальше — помоги мне бог!

Разбудили меня раскаты грома.

Я вскочил. Стрелы молний пронизывали стайфли у самого окна. Ветер с диким воем набрасывался на нижние слои смога, подхватывал их, закручивал, подбрасывал в небо, уносил в залив и там бросал, еще больше загрязняя беснующуюся морскую стихию. Над домами проносились сорванные вывески, черепица, сломанные ветки деревьев, летели газеты, головные уборы, всяческий мусор и истерзанные, несчастные птицы. Воздух явно становился чище, и на миг из-за океана вынырнуло гораздо более яркое, чем обычно, солнце.

А затем хлынул ливень — настоящий потоп. Не прошло и минуты, как улицы превратились в реки, и нетерпеливая ребятня выбежала из домов, чтобы пошлепать по воде. Без масок.

Я стоял у окна и долго наблюдал за дивной картиной обновления жизни. И не заметил, как в комнату вошел Мак-Харрис.

— Искров, — услышал я его голос.

Я обернулся: Мак-Харрис стоял у меня за спиной с пачкой газет в руках.

— Вы свободны, — без всяких предисловий произнес он своим властным, не терпящим возражений тоном. — Можете идти. Ваша повесть напечатана. У вас есть талант. Я бы хотел, чтобы вы стали моим постоянным сотрудником. Мне нужны такие люди, как вы. В отделе рекламы. Или еще лучше — в качестве литературного консультанта в моем секретариате. Я давно уже вынашиваю одну идею, да все не хватает времени реализовать ее... Речь идет о моей биографии. Каких только глупостей ни писали обо мне газеты! Изображали меня каким-то зверем, людоедом, детоубийцей... Или же гениальным бизнесменом... — Он засмеялся, обнажив два ряда ровных искусственных зубов. — А я обыкновенный человек, которому посчастливилось послужить своему народу, вести крупные сражения для блага и процветания отечества... Я дам вам материал, много материалов, поинтереснее вашего энергана, а вы напишете. Что вы на это скажете?

Его вопрос был также приказом, требовавшим немедленного согласия.

Один из самых могущественных людей на Земле оказался не менее тщеславным, чем продавщица из магазинчика на углу, которая перед тем, как идти к дружку на свидание, красит волосы и усиленно размазывает себе лицо.

— Весьма польщен, сеньор Мак-Харрис, — сказал я, — но не уверен, что справлюсь.

— Подумайте и дайте ответ. Дня через два-три, не позже. Что касается вашего вознаграждения, я не скуплюсь на оплату тех, кто сотрудничает со мной.

С этими словами он вынул чековую книжку, поставил там цифру и оставил чек на столе, вместе с одним экземпляром «Утренней зари».

— Я свое обещание выполнил... — Он протянул мне

свою железную руку, стеклянный глаз сверлил меня, как буров. — И рассчитываю, что вы исполните свое. Помните, конечно? Молчание, только молчание!

Я кивнул, пожал его негнущиеся пальцы, взял чек и газету и лишь тогда спросил:

— Разрешите задать вам один вопрос?

— Слушаю вас.

— Что же это такое — энерган? Я имею в виду зерна?

Мак-Харрис на мгновение прикрыл веки — очевидно, не был уверен, достаточно ли убедительно прозвучит ответ.

— Гм, энерган... Весьма ловко сфабрикованный под огромным давлением и при высокой температуре концентрат из смеси углеводов... Может быть получен в любой крупной лаборатории. На днях мы узнаем точнее, этим занимается доктор Зингер лично. Но уже сейчас ясно, что производство энергана, даже в минимальных количествах, требует продолжительных усилий и огромных средств, так что в конечном счете он обошелся бы в тысячи раз дороже обычного бензина. Для промышленного производства совершенно непригоден и поэтому для нужд рынка не только не годится, но даже немыслим!

— А удалось вам узнать, кто скрывается за вывеской «Энерган компани» и за индейцами, которые занимались упаковкой и продажей энергана?

Мак-Харрис слегка скривил губы — это должно было означать ироническую улыбку.

— Сеньор Искров, вы человек проникательный. Разве вы не догадываетесь, кто может скрываться за этим дешевым фасадом под вывеской «Белый Орел»? Конечно же, «Рур Атом». Предостережение. Чтобы я перестал противиться их проектам построить в Веспучии атомные станции. Никто, кроме них, не может себе позволить швырять миллионы на то, чтобы получить

сто граммов энергана... Вот так-то, сеньор Искров. Это попытка подорвать мой престиж в обществе и заставить меня не вмешиваться в махинации новых атомных империй. Однако рурские последники эсэсовцев ошибаются. У Эдуардо Мак-Харриса крепкие нервы, и он не позволит бывшим нацистам сделать из его отчества новую Хиросиму...

Будто отгадав мои мысли, он посмотрел в окно, за которым бушевал ураган, и добавил:

— Что касается стайфли, видите? Один порыв ветра, и от него не остается и следа.

— А вы не думаете, сеньор Мак-Харрис, что энерган мог быть завезен с Аравийского полуострова?

— Вряд ли. Правда, у шейха Бен-Имама достаточно возможностей, чтобы получить горсть энергана, но зачем ему это? Чтобы нанести удар по моим акциям? Этим он рано или поздно подорвал бы и свою собственную нефтяную империю... Кроме того, мы договорились не мешать друг другу. Так сказать, джентльменское соглашение...

— Тогда, может быть, с Острова? — робко предположил я.

Он скептически качнул головой:

— Будь у Острова энерган, они не стали бы тратить время на то, чтобы засылать его сюда. Остров сам крайне нуждается в горячем. Но не беспокойтесь, сеньор Искров, чертик сам скоро высунет рожки, и мы все поймем. Наш приятель Командор уже кое-что разведal.

— Да, конечно, — проговорил я. — Еще раз благодарю вас и разрешите откланяться.

В ту самую минуту, когда я шагнул к лифту, из кабины вышел юноша. На вид ему было лет двадцать, высокий, светловолосый, очень худой, длиннющие руки и ноги, мертвенно-бледное лицо, синие круги под

глазами. «Стайфлит, причем в острой форме», — определил я.

Увидев его, Мак-Харрис просиял, нежно обнял здоровой, левой рукой, погладил впалые щеки юноши:

— Кони! Ты почему здесь?

Юноша досадливым жестом высвободился из объятий отца и капризно произнес:

— Надоело торчать там! Совсем один, кругом снег, снег и ничего больше.

— Но тебе необходимо быть там, ты ведь знаешь!

— Ах, папа, оставь! Немыслимо всю жизнь находиться в одиночестве, вдали от людей, друзей...

— Ты только скажи, кто тебе нужен, я пришлю к тебе...

— Да, да, знаю: врачей, санитаров, медсестер, сопровождающих... Они будут кланяться мне, льстить, даже носить на руках, если захочу... «Кони — то, Кони — се», хи-хи, ха-ха... Разве это друзья? Это шуты, папа, которым платят, чтобы они развлекали меня, смешили, дубасили друг друга и кувыркались, как клоуны в цирке. Не нужно мне таких «друзей». Мне нужны настоящие, мои товарищи, с которыми я учился в школе...

В словах юноши звучала неприкрытая горечь, к хриплости дрожавшего от слез голоса примешивались нотки отчаяния и протеста.

— Но, Кони, — снова заговорил Мак-Харрис, — ты прекрасно знаешь, что они не могут безотлучно находиться с тобой на Снежной горе.

— Почему? — настаивал юноша.

— Потому что живут тут, со своими родителями.

— Подумаешь! Будут жить у нас на вилле.

— Это невозможно.

— В таком случае, я буду приезжать к ним, сюда!

Мак-Харрис снова обнял сына — оказывается, этот железный человек был способен на проявление неж-

ных чувств! Заставил его сесть, левую, живую ладонь положил ему па колено и ласково заговорил:

— Кони, выслушай меня! Тебе нельзя оставаться тут ни минуты больше. Через час-другой стайфли вернется в город, и тогда... Ты сейчас же отправишься на аэродром и сядешь в вертолет. И полетишь напрямиком на Снежную гору.

— Один я никуда не поеду!

— Хорошо! Скажи, кого ты хочешь взять с собой.

— Маринеллу. Из десятого класса.

Мак-Харрис тут же снял трубку интерфона:

— Лидия, в десятом классе второй школы для апперов учится девушка по имени Маринелла. Пригласи ее на неделю... Нет, на две недели погостить у Кони в моей вилле на Снежной горе. Пошли за ней машину. Извести родителей. Нет, они не станут возражать. Скажи им, что мы оградим ее от какой бы то ни было инфекции, она будет там под наблюдением врачей...

Я не поверил своим глазам: суровый хозяин «Альбатроса» превратился в нежного, заботливого отца, даже стеклянный, искусственный глаз, казалось, лучился добротой.

Он обернулся ко мне:

— Это мой сын Конрад... мой единственный сын... Кони, а это сеньор Теодоро Искров, автор повести «Энерган».

— Да? — равнодушно обронил юноша.

— Ну, я пошел... — сказал я и, еще раз попрощавшись, шагнул к обитой кожей кабине. Но она — очевидно, кем-то уже вызванная — легко и бесшумно пошла вниз, и мне пришлось подождать.

Стоя спиной к Мак-Харрису и его сыну, я размышлял над странной судьбой Кони. Мне не раз доводилось слышать о наследнике «Альбатроса», но увидел я его впервые. Это был сын Мак-Харриса от первого

брака, болезненный от рождения, и, как утверждала молва, отец не жалел миллионов, чтобы поддержать его здоровье. Однако, если судить по внешнему виду, здоровье Конрада Мак-Харриса оставляло желать лучшего. Не живи он постоянно на Снежной горе, пришлось бы ему, вероятно, лечь в клинику для апперов. В Веспутчии обыкновенные смертные как мухи умирали от стайфлита, несмотря на стайфлизол. Этот чудодейственный препарат действует только на тех, у кого еще не затронута легочная ткань. Если же процесс зашел далеко, то помогает, да и то не всегда, только скальпель хирурга. К тому же операция сопряжена с опасностью, и овладели ею немногие.

Зазвучал предупредительный звонок, кабина лифта появилась снова, двери ее раздвинулись, и оттуда выскочило трое людей в белых халатах. Вспотевшие, запыхавшиеся, они рванулись было вперед, но, заметив в нескольких шагах от себя самого Мак-Харриса, а рядом с ним Конрада, растерянно отступили.

— Наконец-то! — произнес Мак-Харрис.

В его голосе не осталось и следа от недавних ласковых ноток. Это был голос человека на грани истерического припадка: визгливый, дрожащий, прерывистый.

— Сеньор Эдуардо... — начал один из прибывших, видимо старший, но Мак-Харрис, не слушая, повернулся к сыну:

— Кони, пройди в приемную, к Лидии!

Юноша колебался секунду — повиноваться ли, но глаз отца излучал такую категоричность, что он потупил голову и вышел из кабинета.

А Мак-Харрис шагнул к людям в белых халатах и закричал:

— За что я плачу вам тройное жалованье? Для чего держу на Снежной горе? Чтобы вы дрыхли, когда у моего сына нервный срыв? Чтобы вы где-то шатались,

когда ему особенно пужно иметь возле себя людей?

Старший поторопился ответить:

— Сеньор Эдуардо, он буквально выскользнул у нас из рук... Спустился из окна по веревке, сам сел за руль и гнал машину до аэродрома, а вертолет поднялся в воздух за минуту до того, как мы подоспели.

Багровую щеку Мак-Харриса свела судорога. Левой, здоровой рукой он схватил врача за грудь, а правой, железной, замахнулся для удара.

— Слушай ты, старая кляча, которой давно пора на бойню! Если с Кони что-нибудь случится, если после сегодняшнего случая его здоровье хоть на йоту ухудшится, я сделаю из вас... — Его взгляд упал на меня, он осекся и непроизвольно разжал руку: — А вы что тут делаете?

— Жду лифта.. — поспешно ответил я, юркнул, не прощаясь, в кабину и нажал на кнопку.

Что было дальше с теми тремя бедолагами, не знаю. Знаю только, что за каких-то двадцать минут у меня перед глазами прошли три разных, несовместимых друг с другом облика президента «Альбатроса»: трезвый, хитрый бизнесмен, нежный, любящий отец и грубый, бесцеремонный хозяин... Нет, никак не походил Эдуардо Мак-Харрис на легендарных пионеров нефтяного промысла, которые некогда чуть не голыми руками долбили землю, чтобы извлечь из нее черное золото. Многое, вероятно, скрывалось за обожженным лицом и стеклянным глазом. Еще многое мог бы он сам порассказать о себе, чтобы я мог составить то славное жизнеописание, которое он замыслил. Принять ли мне предложение стать его биографом?

Размышляя над всем этим, я спустился вниз. Оказался от машины, которую Лидия вызвала для меня, и под проливным дождем зашагал по мокрым улицам, дыша очистившимся воздухом Америгосити, родного моего города, который после многомесячных кон-

вульсий в петле палача вновь задышал полной грудью.

На улицах, площадях, во дворах толпились народ. Словно под благодатным душем, люди стояли под дождевыми струями. Дети шлепали по лужам, старики молитвенно вздымали руки к небу, матери держали обнаженных младенцев под теплым дождем, словно бы заново совершая обряд крещения.

Стайфлитники из центральной больницы спустились во двор и медленно бродили по мокрым аллеям, бескровными губами жадно вбирая воздух в разрушенные легкие.

Появились люди с гитарами, индейцы запели древние обрядовые песни, девушки принялись танцевать, их широкие юбки развевались над не тронутыми солнцем ногами...

А я неторопливо шел в толпе, засунув чек во внутренний карман, чтобы не намок, а газету в наружный — чтобы ее видели все-все.

Я был счастлив. Я победил.

Так, во всяком случае, мне тогда казалось.

2. Энерган

Дома меня ждала Клара. Помолодевшая, веселая, она прибирала комнаты, распахнув настежь все окна. На моем письменном столе высилась груда экземпляров «Утренней зари», а в баре стояла батарея давно забытых натуральных напитков — целое состояние. Ликующе улыбаясь, жена показала мне холодильник: он был битком набит продуктами — мясо, сыр, пирожные, салаты, тоже все натуральные, а не синтетические, только апперы могли себе позволить такую роскошь.

— Это на те пятьсот долларов, — сказала она. — И еще я немного послала детям.

— Мне никто не звонил? — спросил я.

— Джонни Салуд с телевидения. Просил сразу, как приедешь, связаться с ним. По поводу какого-то договора... Были и еще звонки, незнакомые. Спрашивают, есть ли доля правды во второй половине повести. О ней и по радио сообщили, очень хвалят, а только что по телевидению выступал Дон Хуан, литературный критик, помнишь? Усатый, ну он еще обычно все новые книги поносит, а про «Энерган» сказал, что давно уже не читал такой хорошей повести. Преблизносл богатство твоего воображения. Жанр фантастики, мол, в последнее время чахнет, а ты влил в него новые жизненные силы...

Я скептически покачал головой. Еще не успев выйти, моя повесть привлекла внимание критики! Что-то тут не так. Мое пресловутое «воображение» помогло мне различить за всем этим руку Мак-Харриса. Его щупальца проникли всюду, в том числе на телевидение и радио, а ему было нужно во что бы то ни стало внушить читателям, будто история с энерганом — чистый вымысел. Пожалуй, Мак-Харрис вовсе не так уверен в себе, как пытался внушить мне час назад. «Вскоре мы все поймем. Наш приятель Командор уже разнюхал кое-что...» Судя по всему, «наш приятель» явно еще ничего не разнюхал.

Тем не менее в соответствии с той ролью, какая была мне отведена, я позвонил в телецентр «Америго-2» и попросил к телефону Джонни Салуда.

С Джонни мы когда-то работали вместе и строчили свои репортажи в одной комнате, но он вовремя почувствовал, куда дует ветер, ушел из газеты на телевидение, стал телерепортером, потом режиссером и сценаристом, а в последнее время прослыл одним из самых влиятельных продюсеров. Он специализировался на сенсационных материалах и вот уже три года раз в неделю передает их в эфир, что сделало его одной из популярнейших личностей в стране.

Услыхав мой голос, Джонни затрещал как пулемет:

— Тедди, салуд! (Словечко «салуд», что по-испански значит «привет», не сходило у него с языка, из-за него он и получил свое прозвище.) Где ты пропадаешь? Мы тут прочли твой опус и решили, что из него можно сделать потрясающий сериал, десять серий, накрутим за несколько недель — и салуд! А ты тем временем пошевелишь извилинами и подкинешь нам продолжение. Что ты на это скажешь?

Я что-то невнятно пробурчал в ответ, а он, не слушая, продолжал:

— Можешь сам читать текст от автора или даже играть самого себя, если в тебе есть искра божья. Слегка подгримируем — и салуд! Пять тысяч монет за серию. Джонни Салуд не жмот, ты это знаешь, а для старых друзей и коллег он всегда раскошелится. От тебя требуется одно: отбояриться от всех других предложений, наше дубье только и ждет, как бы прибрать к рукам гениального парня, выжать его как лимон, а потом дать ему коленом под зад и выкинуть на помойку...

Мне с трудом удалось вклиниться в одну из пауз:

— Джонни, твоё предложение так неожиданно, дай подумать, я в жизни не писал сценариев...

— Понимаю, понимаю, держись за свою золотую жилу. Я бы тоже на твоём месте... Ладно, так и быть, семь тысяч за каждую серию, но ни центом больше, ипаче старик Джонни вылетит в трубу — и салуд! Ха-ха-ха! Жду, приезжай, обмоем наш договор. У меня есть французский коньячок. Натуральный. Салуд!

Предложение Джонни меня и обрадовало и встревожило: с какой целью Мак-Харрис осыпает меня манной небесной со своих немислимых вершин?

Впрочем, к черту сомнения и колебания! К черту Мак-Харриса! К лара, обеды!

Помнится, на обед у нас в тот день были отбивные, вино, кофе — все натуральное.

За этим приятным занятием нас и застал Панчо.

— А-а, вот чем набивают животы преуспевающие журналисты! — с привычной грубоватой шутливостью начал он, но я уловил в его голосе тревогу. От предложения пообедать с нами он отказался. — Слушай, — продолжал он, — ты не собираешься помыть машину? Смотри, как льет! — И знаком велел мне выйти следом за ним во двор.

Дождь уже переставал, но я взял щетку и принялся надраивать машину. А Панчо включил приемник — зазвучала элегическая мелодия нового модного танца «Стайфли, беби, не целуй меня, не души...» — и только тогда заговорил:

— Ко мне приходили.

— Кто?

— Люди Командора.

Панчо пустил музыку еще громче.

— И что? — спросил я.

— Проверяли, есть ли у меня что-нибудь об «Энерган компани», все перерыли и ушли... Не солоно хлебавши... — Он слабо улыбнулся, но тут же посерьезнел: — Но почему, Тедди? Ведь ты все это выдумал?

В ответ я вынул из кармана чек и помахал у него перед носом. Он даже присвистнул:

— Пятьдесят тысяч?! Первый раз вижу такую цифру на денежном документе.

— Десять из них твои, — сказал я. — Слово есть слово.

— Ах да, ты обещал меня озолотить, — хмуро буркнул он.

В эту минуту в мелодию, доносившуюся из машины, вклинился мужской голос. Панчо подвигал рычажком вправо-влево, но голос не исчезал, напротив —

он постепенно заглушил музыку и заговорил торжественно и властно. Мы прислушались.

— Говорит радио «Динамитеро»! Говорит радио «Динамитеро»! Слушайте важное сообщение!

Само по себе это не было бог весть какой новостью. Радио динамитеросов звучало в эфире довольно часто — как правило, накануне очередной акции Эль Капитана и Рыжей Хельги. Новым был голос: этот теплый, мягкий баритон я слышал впервые. И не сомневался, что миллионы людей в Веспуччии, затаив дыхание, ловят сейчас каждое слово диктора.

— Сегодня, сразу же после полудня, — вещал он, — во всех табачных и газетных киосках, а также во всех магазинах синтпарфюмерии будет производиться продажа энергана в зернах. Что такое энерган, вы знаете из нашумевшей повести Теодоро Искрова, напечатанной в газете «Утренняя заря». Зерна энергана обеспечат вас горючим для автомобилей, радиаторов отопления, мотоциклов, самолетов, заводов. Цена одного зернышка десять центов. За десять центов вы получите литр превосходнейшего горючего. Внимание, повторяю! Важное сообщение... Сегодня, после полудня во всех газетных и табачных киосках...

— Слышишь? — округлив глаза, прошептал Панчо.

— Слышу, — ответил я.

И представил себе физиономию Мак-Харриса. Интересно, что он сейчас поделявает?

В приемнике еще раздавался баритон диктора, а из соседних домов и дворов выскочили люди и после некоторых колебаний решительно двинулись к газетному киоску на углу. Мы последовали за ними. Перед киоском уже выстроилась очередь метров десять в длину, с каждой минутой она росла и скоро спустилась к набережной. Киоскер был мой давнишний знакомый, Маэстро по имени. Он сидел за окошком и несколько растерянно, но быстро подавал покупателям миниа-

турные пакетики, получая за каждый по десять долларов.

— Следующий! — восклицал он. — Следующий! Сто штук — десять долларов! Без сдачи, пожалуйста, у меня нет мелких купюр. Не толкайтесь, всем хватит!

Сначала покупали только по одному пакетiku, тут же вскрывали его, чтобы взглянуть на чудо-зерна, и бежали домой, где, естественно, разводили для пробы в воде. И очень скоро возвращались, снова становились в очередь и возбужденными голосами обменивались мнениями, не устая повторять, что все, описанное Теодоро Искровым в газете, сушая правда.

— Когда эти зерна растворить в обыкновенной воде, они превращаются в бензин, на этом бензине вон там, взгляните, уже работают двигатель машины и насос во дворе, я наскреб все, какие есть в доме деньги, накуплю этого энергана сколько можно!..

Очередь в ответ протестовала — мол, нечестно, пусть и другим достанется, что ж это будет, если одни набьют полны карманы энергана, а остальные уйдут ни с чем...

И ни одной рекламы!

Зерна были точь-в-точь такие, как у меня.

Панчо хотел было купить несколько пакетиков, но я потащил его дальше, к набережной, к киоскам возле порта. Здесь толпа была еще больше. Успев удостовериться, что энерган — не фальшивка, а тот самый, о котором писал Теодоро Искров, люди хватали по десять-двадцать пакетиков и под морозящим дождем бежали домой, где вскоре заводили машины и отправлялись в горы. На улицах возникли пробки.

Повсюду, возле ларьков и киосков, где толпились покупатели энергана, кружили полицейские, которые явно не знали, как себя вести. Распоряжений для такого рода случаев у них не было, да и толпа вела себя пристойно: никто не поносил Князя, не выкрикивал

антиправительственных лозунгов, не буянил, некоторые даже всерьез предлагали направить благодарственное послание аплерам за то, что те дали возможность небогатым людям приобрести дешевое горючее...

Мы вернулись к киоску Маэстро. Очередь уменьшилась. Я бесцеремонно протолкался к окошку и топорливо спросил:

— Маэстро, откуда у тебя энерган?

— О, сеньор Искров! — воскликнул он. — Как я рад вас видеть. Сроду таких чудес не видывал. Благодаря вам...

— Откуда ты взял энерган? — настойчиво повторил я.

— Да он вроде сам собой появился, — засмеялся старик киоскер. — Уж вы-то, небось, знаете?

— Как это — сам собой? — настаивал я, хотя чувствовал, что очередь у меня за спиной начинает роптать.

— Очень просто. По почте, нынче утром. Получил небольшой пакет и письмо. Вот, извольте.

Я схватил письмо. Обычный белый листок и напечатанный на машинке текст:

«"Энерган компани" направляет вам для продажи на комиссионных началах 5 (пять) килограммов энергана в зернах — вещества, известного вам из газеты «Утренняя заря». Из него можно получить высокосортное горючее для двигателей внутреннего сгорания, а также всевозможных иных целей. Оптовая цена 70 центов за один грамм, розничная — один доллар. В одном грамме энергана содержится 10 зерен; одно зерно, будучи растворенным в воде, дает литр горючего...»

Я не успел дочитать до конца, потому что из очереди донесся чей-то ликующий возглас:

— Да ведь это Теодоро Искров!

— Тедди Искров! — подхватили другие. — Те-дди Иск-ров!

Минуту спустя очередь с энтузиазмом выкрикивала мое имя, а еще через минуту ко мне бросились десятки людей, подхватили на руки и скандируя «Те-дди, Те-дди!» закружились в буйной индейской пляске возле киоска, где Маэстро торговал энерганом.

3. Тревоги психологического и экономического характера

Домой я не вернулся — ведь ко мне могли нагрянуть люди Мак-Харриса, — и мы с Панчо отправились бродить по городу.

Ураган стих, дождь прекратился, и чуть ли не все население города высыпало на улицу, чтобы подышать чистым воздухом и... выстоять очередь за энерганом. К радостному возбуждению, вызванному очистительной грозой, прибавилось волнение из-за неожиданного сообщения радио «Динамитеро», и теперь город напоминал те давние времена, когда стайфли не был таким смертоносным, Князь — таким коварным, Командор — таким беспощадным, когда люди еще праздновали День Освобождения, Начало весны и Новый год, плясали и пели на улицах без масок, а на лотках продавались разноцветные воздушные шары.

Через час после выступления радио «Динамитеро» вышли первые экстренные выпуски газет. Сидя на пустыре, который когда-то был сквером, мы наскоро просмотрели их. Хотя и в разной тональности и разными голосами, все пели об одном и том же — об энергане. Сенсационное сообщение о поступлении энергана на рынок настолько потрясло сознание редакторов, что, несмотря на весь свой опыт и воображение, они не сумели найти приемлемого объяснения этому чрезвычайному событию. Как и я в первые дни, они

склонны были приписывать всю операцию гигантской рекламной кампании неведомого конкурента по производству горючего.

Не удивительно, что оппозиционная печать — если в Веспуччии позволительно говорить о легальной оппозиции — удовлетворенно хмыкала, предвкушая неприятности для «Альбатроса», а следовательно, для Князя и Командора, тем более что фирма-аноним для распространения своего товара воспользовалась радио динамитеросов.

Как ни странно, мало кто верил, что в операции замешаны Эль Капитан или Рыжая Хельга. Мы привыкли воспринимать динамитеросов как крайне левую (или крайне правую?) боевую политическую группировку, скорее своего рода секту, которая с динамитом в руках бьет по нервным центрам апперов: взрывает нефтеочистительные заводы, топит танкеры, похищает министров и наследников богатых промышленников, среди бела дня убивает полицейских. Однако никто не считал их способными осуществить рекламную экономическую кампанию такого масштаба, как сегодняшняя, — и не потому, что организация динамитеросов немногочисленна, а потому, что их политическое кредо чуждо такого рода действиям.

Комментарии прессы вертелись в основном вокруг этой проблемы, а также вокруг роли моей скромной персоны во всей этой игре. Газетчики не сомневались, что если первая часть моей повести в той или иной степени основана на реальных фактах, то вторая резко отклонилась в сторону чистого вымысла. Тщетно ломая голову над причинами столь разительной перемены, они признавались, что ответ на этот вопрос способен дать только я, но «Теодоро Искров исчез в неизвестном направлении после того, как был узнан на улице вблизи своего дома».

Более четкую позицию занимали две газеты: «За

чистоту планеты» и «Утренняя заря». Первая приветствовала появление энергана как начало новой эры в истории человечества и призывала его создателей не скрываться далее, а открыто выступить перед населением и обнародовать свое великое открытие. А «Утренняя заря» в пространной статье поведала читателям об анализах, которым подвергнут энерган, о том, что промышленное его изготовление невозможно, и — хотя и не прямо — намекала на «непозволительную игру крупной иностранной компании, тщетно пытающейся сделать наш город второй Хиросимой. Но, господа, это вам так не пройдет. Наше отечество располагает силами, достаточными, чтобы отстоять его целостность, независимость и свободу».

А тем временем репортеры уже мчались на Двадцать вторую улицу и на набережную Кеннеди, — скромные эпизодические персонажи из моей повести вырастали в фигуры общенационального масштаба. Я не сомневался, что мой дом окружен фото- и кинокорреспондентами с телеобъективами и ни одно движение не ускользнет от них.

— Что думаешь делать, Теодоро? — спросил Панчо.

— Ума не приложу! Возвращаться домой нельзя. Разорвут на части. Да и на улице меня могут узнать...

Панчо вынул из кармана темные очки и нацепил мне на нос:

— Держи, сегодня это не привлечет внимания.

Действительно, в тот день почти все жители Америкосити ходили в темных очках — из-за яркого солнца, от которого горожане успели отвыкнуть.

— В таком виде тебе нетрудно будет снять номер в отеле, — добавил Панчо. — Под чужим именем.

— У меня нет денег.

— А пятьдесят тысяч?

— Это ведь чек. В банке меня тут же узнают. Кроме того, я не уверен, что Мак-Харрис не аннули-

ровал его. Он заплатил мне за молчание, а теперь оно не стоит и ломаного гроша.

Подумав, Панчо сказал:

— Вот что, пошли ко мне, в «Сентрал Брэйн», там хоть надежно. И мы сможем разобраться, что происходит на свете. Газетные сообщения ведь устарели.

Через десять минут мы уже сидели в информационном центре перед большим экраном, где в бешеном темпе, кадр за кадром, проходили сообщения о событиях в стране. Нужно ли говорить, что главной темой был энерган. Мы узнали, что массовая его продажа проходила только в столице и ее пригородах. Фото- и киносъемки показывали оживленные толпы на улицах, очереди перед киосками, длинные вереницы машин, направлявшихся в горы.

Однако экран раскрыл и нечто более интересное: как оказалось, энерган поступил не только в киоски и лавки, но и на ряд заводов, электростанций и даже на два аэродрома. Причем не маленькими партиями по пять-десять килограммов, а огромными ящиками вместимостью до ста килограммов, что, по моим подсчетам, равнялось тысяче тонн горючего. Это существенное обстоятельство явно опровергало утверждение Мак-Харриса о невозможности получать энерган в промышленных масштабах и придавало совершенно иной размах операции, первоначально воспринятой как рекламный трюк.

Разумеется, никто не мог предугадать, будут ли эти посылки поступать и впредь, тем более что после недолгого замешательства власти пустили в ход всю мощную полицейскую машину Командора, стремясь обнаружить источники энергана и людей, которые его привозят и распространяют. Предлог — незаконная торговля товаром, не апробированным соответствующими органами.

На экране сменялись кадры: полицейские маши-

ны, мчащиеся по городу, обыски на почтовых складах, допросы служащих.

Как выяснилось, посылки с энерганом поступили одновременно во все почтовые отделения Америго-сити несколько дней назад с указанием доставить адресатам после дополнительного извещения, которое и поступило сегодня утром. Работники почт добросовестно выполнили свои обязанности. Что касается отправителей, то допрошенные вспомнили, что это были по большей части индейцы. Последнее, конечно, не могло послужить особым следом: в городе проживало около ста тысяч индейцев. Более серьезным указанием было другое: распространители энергана словно бы заранее знали, когда выйдет продолжение моей повести и приурачили распродажу к этому дню... Для меня же в этом не было ничего загадочного: я сам его назвал старому жрецу.

Между тем на экране проходила череда политических деятелей, выражавших возмущение непорядочной, спекулятивной кампанией с «так называемым энерганом». Они резко осуждали «Энерган компани» — кто бы ни скрывался за этой вывеской, — которая, как они выражались, «столь легкомысленно размахивает перед народом Веспуччий ветхим знаменем мнимых надежд на дешевую энергию, дешевые продукты питания, дешевую одежду...»

Поступили и первые сведения с бирж. Акции «Альбатроса» начали падать, сначала медленно и нерешительно, потом все стремительнее. Правда, незадолго до закрытия бирж они снова несколько поднялись — вероятно, благодаря вмешательству Мак-Харриса.

А в шесть вечера на экране появился и сам президент «Альбатроса». Его показывали по всем телевизионным станциям страны. Стоя в профиль, чтобы не демонстрировать миру отталкивающее зрелище — изуродованное, обожженное лицо, Мак-Харрис обратился к

народу Веспуччии с призывом не поддаваться демагогическим провокациям иностранных агентов, пытающихся заполнить Землю гибельными атомными станциями и не брезгающих никаким обманом вроде сегодняшней «операции эне́рган».

Я заметил, что Мак-Харрис ни словом не обмолвился о динамитеросах. Неужели он располагал фактами, доказывающими вмешательство «Рур Атома»?

Затем нас удостоил своим вниманием сам Князь. Иностранцы, сказал он, пытаются посеять рознь в нашем возлюбленном отечестве, натравить друг на друга отдельные слои населения, подорвать нашу экономическую систему, столь много сделавшую для благосостояния народа, стремятся диктовать Веспуччии свои условия, покорить ее и поработить. Но эти попытки, уверял Князь, окончатся бесславным провалом, мы дадим врагу достойный отпор...

Князь молод, хорош собой, обаятелен, нравится женщинам, но всем известно, что он всего лишь безвольная марионетка в руках Мак-Харриса.

Едва Князь кончил, как на экране появился текст, подписанный Эль Капитаном:

«Я уполномочен во всеуслышание заявить народу Веспуччии, что динамитеросы не имеют никакого отношения к низкопробному торгашескому спектаклю, который разыгрался сегодня в Америке-сити. Мы клеймим позором попытку торгашей использовать в своих жалких целях наше незапятнанное имя борцов за народные права и предупреждаем, что если они еще раз попытаются ввести народ в заблуждение, наш стальной кулак обрушит на них сокрушительный удар».

В завершение передачи экран заполнила внушительная фигура Командора. Он произнес всего несколько слов, как всегда, очень спокойно, и, как всег-

да, за этим спокойствием проглядывала беспощадная воля. «Сохранийте благоразумие, — сказал он. — Провокаторы будут вскоре обнаружены и обезврежены. И пусть каждый знает, что тот, кто помогает им чем бы то ни было, включая покупку так называемого энергана, ответит перед законом страны. Мы призываем всех патриотов передать в полицию закупленный энерган за особое вознаграждение.»

И глядя прямо перед собой — быть может, в надежде, что я смотрю его выступление, — Командор сказал:

— Прошу журналиста Теодоро Искрова, где бы он сейчас ни находился, незамедлительно явиться в замок «Конкиста» в связи с расследованием по делу «Афера "энерган"».

Я долго сидел не шевелясь, не находя в себе силы обернуться к Панчо.

— Поедешь? — спросил он.

Я пожал плечами: что мне еще оставалось?

Хотя достаточно хорошо знал, что меня ожидает. Командор не давал себе труда скрывать, что происходит за массивными стенами старинного замка конкистадоров. Легенды о средневековых пытках и воспоминания немногих уцелевших узников гестапо бледнели перед рассказами об изощренных истязаниях, которым там подвергают заключенных. Командор «синтезировал» — пожалуй, здесь особенно уместно это слово — богатый опыт палачей всех времен и континентов, но особое предпочтение отдавал наследию древних индейских племен — толтеков, ацтеков и майя, в чьем арсенале были истязания змеями и выдирание сердца из груди живого человека.

Первой моей реакцией было бежать, выбраться за пределы Америкосити, отыскать надежный уголок, где можно переждать, пока кризис как-то разрешится или Эль Капитан покончит с Командором — рано или позд-

но он обязан это сделать. Однако мысль, что в «Конкисту» могут попасть дети и Клара, тут же остудила первый порыв. Использование заложников — излюбленный прием Командора.

— Поеду, — ответил я, и этим все было сказано.

— Понимаю... — шепнул Панчо и снова нацепил мне на нос черные очки. — Понимаю тебя... Но я? Как быть мне?

В самом деле, как ему быть? Если я признаюсь, кто утаил от властей сведения об «Энерган компани» и номер радифона? А ведь меня заставят заговорить...

— Я буду молчать, — вяло пообещал я.

Тем временем на экране какой-то человек в форме полковника полиции внушал, что хотя энерган пока мало изучен, уже сейчас ясно, что его употребление может привести к непредвиденным трагическим последствиям. Так, со многих автомагистралей приходят сообщения о взрывах машин, работавших на энергане. Взрывы зарегистрированы также в домах, где энерган использовался в качестве топлива. Поэтому все, кто заметит признаки новых акций со стороны распространителей энергана, как, например, появление сигаретных коробок с изображением белого орла...

Панчо вскочил:

— погоди, погоди! — крикнул он и выбежал из зала.

Вскоре он вернулся с тоненькой видеокассетой в руках, сунул ее в компьютер, и после нескольких малоинтересных кадров на экране появился регистрационный документ «Энерган компани» с эмблемой белого орла.

— Вот, пожалуйста! — притворно кающимся тоном произнес Панчо. — Белый Орел. Валялся в бракованном материале, выброшенном по недосмотру. Услышав предупреждение сеньора Командора, я стал рыться среди коробок, где и обнаружил его. И теперь

верноподданически передаю в распоряжение властей... Ну как, Тедди, сойдет?

Передо мной был прежний Панчо — практичный, трезво мыслящий, умеющий выкрутиться из любого затруднительного положения.

— Может и сойти, — сказал я, — хотя Командор, как известно, не дурак. Договоримся так: ты сообщишь о своей находке часа через два-три... если до той поры я не вернусь или не позвоню тебе.

— Согласен. В девять? Нет, в десять. Ровно в десять. Я отсюда — никуда. А тебе... — он сочувственно пожал мне руку. — Желаю удачи.

4. Святой и часовня

Я не стал звонить домой, не попрощался с Кларой.

Пошел пешком. Уже смеркалось, да и стайфли постепенно вновь заволакивал улицы, занимая свое законное место в городе. Я думал о том, что, видно, в последний раз свободно иду по городу, а может, и вообще вижу его в последний раз. Улицы были почти безлюдны, очереди за энерганом растаяли, киоски и лавки закрыты, на перекрестках дежурят полицейские машины. Только перед полицейскими участками царило оживление: это «патриотически настроенные» граждане, напуганные предупреждением Командора, да и соблазнившись обещанным вознаграждением, возвращали зерна презренного псевдогорючего.

Перед тем как переступить порог «Конкисты», я зашел в соседний бар, где потратил последние доллары на хороший ужин. Когда еще доведется поесть настоящую пищу!.. В телевизоре над стойкой реклама бутылки с чистым воздухом со Снежной горы чередовалась с призывами к населению не поддаваться обману торговцев фальшивым товаром под названием «энерган».

Время от времени передавали новые сообщения о взрывах на дорогах. Я выпил стакан минеральной воды «Эль Волкан», стоявший дорожке, чем сто граммов синтетического коньяка, и вышел. Передо мной высился замок «Конкиста».

Строго говоря, это не замок, а одно из тех старинных зданий в колониальном стиле, какие возводили конкистадоры после того, как потопили в крови сопротивление индейцев: массивное, помпезное, с элементами храмовой готики на фасаде.

— Я Теодоро Искров, — сказал я дежурному офицеру у входа и снял темные очки.

Он от удивления раскрыл рот и тут же бросился к телефону:

— Сеньор полковник, здесь Теодоро Искров... Слушаюсь!

Обыскав меня — на случай, нет ли при мне оружия, и приказав следовать за ним, он направился вверх по широкой парадной лестнице, по которой в былые времена ступали губернаторы. В дверях комнаты под номером девять меня ожидал Командор — могучая громада из мускулов и костей, с квадратной бычьей головой и спадающими на лоб черными прядями.

— Вы умный человек, — проговорил он. — Входите. Я вошел.

И тут же увидел Мак-Харриса. Он сидел под распятием, подперев подбородок протезом в черной перчатке.

Впервые вступал я в святая святых Командора, пресловутую «комнату номер девять». Мне всегда представлялось, что это современный кабинет, а передо мной была часовня, где некогда конкистадоры испрашивали у Христа благословения на истребление индейцев. Стены голые, если не считать распятий, и только цветные витражи на окнах придавали помещению не такой суровый и безрадостный вид. На письменном столе,

установленным аппаратами связи, лежали знакомые мне пакетики с энерганом и коробка с изображением белого орла. Воздух, как и в небоскребе «Альбатроса», пахнул сосной.

Что в комнате находился еще один человек, я заметил не сразу. Тщедушный, окровавленный индеец стоял в дальнем, темном углу часовни. Перехватив мой взгляд, Командор в упор спросил:

— Он?

— Кто? — постарался я произнести как можно спокойнее, но в горле мгновенно пересохло, и голос прозвучал неуверенно.

— Этот ваш жрец, читающий книги о науке и магии!

Усилием воли я заставил себя подойти ближе. Несчастный был жестоко избит. Судя по всему, его пытали огнем.

Но это был не жрец.

— Нет, — сказал я, с трудом подавляя радость.

— Вы уверены?

Мак-Харрис молчал.

— Совершенно уверен. Тот человек худее и выше ростом. Портрет в повести воспроизведен очень точно.

Произнося эти слова, я сознавал, что уже даю показания — иными словами, говорю то, что от меня хотят. Хотя меня еще и пальцем не тронули...

— Увести! — распорядился Командор.

Индейца вытолкали за дверь. Мак-Харрис по-прежнему не раскрывал рта, взгляд его был устремлен вдаль.

— Сядьте, Искров!

Это произнес Командор.

Я сел. Сердце у меня сжалось. С чего они начнут?

— Искров, — сказал он, — мы долго вас искали.

Я сделал попытку засмеяться:

— Ушел в подполье. Скрылся от своих коллег-га-

зетчиков... Сидел в сквере и дышал воздухом, потом немного перекусил в баре, посмотрел телевизор. Там и узнал, что вы меня ищете. Впрочем, я и сам собирался повидать вас. Вернее, сеньора Мак-Харриса.

Мак-Харрис и на этот раз не отозвался ни словом, ни жестом. А Командор сказал:

— Похвально, похвально... — Я не уловил в его голосе иронии. — Ну, вот что, у нас к вам дело. Но прежде, чтобы между нами не возникло разногласий в оценке некоторых фактов, мне бы хотелось показать вам замок. Не возражаете?

Как будто я мог возражать!

Мы спустились в подземелье.

Эта «прогулка» никогда не изгладится из моей памяти! То, что я увидел, могло сравниться только со знаменитыми девятью кругами Дантова ада. Не передать ужаса, свидетелем которого я невольно стал, — для этого понадобилось бы перо великого флорентийца.

Когда мы вернулись в часовню, ноги у меня дрожали, лоб покрывала испарина. Мак-Харрис все так же неподвижно сидел на стуле под распятием. Должно быть, вид у меня был неважный, потому что Командор тут же предложил мне рюмку коньяку.

— Пейте, Искров, не стесняйтесь. Я тоже, представьте себе, прихожу в расстройство при виде этих прелестей. Казалось бы, столько лет, а все не могу привыкнуть... — И он тоже отхлебнул коньяку. — Ну как, отлегло немного? Отлично. Я полагаю, сеньор Искров, что обсуждать только что виденное вами нет нужды, так же как мне незачем объяснять, с какой целью я вас познакомил с моим хозяйством, вы человек понятливый. Могу лишь добавить, что люди в «Конкисте» становятся откровенными и словоохотливыми, а если они пытаются обмануть меня, то... — Он красноречивым жестом указал вниз. — Посему я тоже буду с вами откровенен. Эта история с энерганом нас беспо-

коит. Восьма. Она способна дезорганизовать всю структуру нашего общества. Собственно, вы и сами намекаете на это в вашей... гм... фантастической повести. Вот почему мы... я имею в виду сеньора Мак-Харриса и себя лично... решили как можно скорее разгадать эту загадку и покончить с распространением пресловутых зерен, равно как и с преступниками, которые за этим стоят, будь они даже из «Рур Атома».

Мак-Харрис неожиданно вскочил и бесцеремонно оборвал его:

— Хватит болтать, Санто!

Он назвал его «Санто», что значит «святой». Нечего сказать, подходящее имечко для этого палача!

Командор разом сник, величественная осанка бесследно исчезла, на лице заиграла жалкая улыбка. Но в глазах затаились злые огоньки, не предвещавшие ничего хорошего.

— Прошу прощения, сеньор Мак-Харрис, — пробормотал он, — я хотел лишь...

— Мне не интересно, чего ты хотел! — снова оборвал его Мак-Харрис и шагнул ко мне.

Теперь, когда он стоял всего в полуметре от меня, я воочию убедился, что в этом человеке живут как бы два существа: одно — здоровое, с обычной пятипалой рукой, гладкой кожей и быстрым голубым глазом, второе — с железной рукой в черной перчатке, с щекой, похожей на кроваво-красный фарш, и холодным искусственным глазом... И если то существо, в котором билось сердце, явно обладало человеческими чувствами и было способно контактировать с другими живыми существами, то второе было машиной, роботом, с мотором вместо сердца, проводами вместо нервов и компьютером вместо мозга, и его предназначение — уничтожать траву, воздух, саму жизнь... Я внезапно понял, что этот раздвоенный человек страшнее всех чудовищных орудий пыток, только что продемонстриро-

ванных мне Командором, страшнее, чем клубок кобр. И меня охватил смертельный ужас...

— Искров, — сказал Мак-Харрис, — мы с вами долго беседовали, вы прекрасно осведомлены, как изменились обстоятельства за последние часы, и, следовательно, знаете, в чем состоит новая ваша задача. Доселе ваш долг заключался в том, чтобы рассеять надежду, представив ее фикцией, вымыслом, бессмысленной фантазией. Случилось, однако, так, что те, кто скрывается за кулисами операции «энерган», воспользовались вашей повестью, чтобы подкрепить эту надежду, представить ее близкой и реальной целью. Не скрою, сделано это по хорошо продуманному сценарию, который учитывает и психологию толпы, и возможные контрмеры с моей стороны. Я близок к мысли, что в режиссуре принимает участие один мой знакомец... Вас же сделали в этом спектакле главным исполнителем, рупором несбыточной надежды... У меня нет полной уверенности, что продюсеры спектакля находятся в «Рур Атоме», но я убежден, что, кто бы они ни были, их цель — представить энерган реальной надеждой для человечества — почти осуществлена, а это всего опаснее для здорового общества, как наше. Мы должны убить эту надежду в зародыше, пока она не обрела плоть и кровь, не проникла в сознание людей, не завоевала их сердца, не стала реальной силой...

— Понимаю, сеньор Мак-Харрис, — сказал я.

Что и говорить, этот человек хорошо знал людей!

— Вы должны помочь нам проникнуть в утробу, где зреет этот пагубный зародыш.

— Если только смогу...

— Сможете! Успешнее, чем кто-либо из нас. Я дам вам людей, средства, технику — все, что пожелаете. И когда легенда будет развеяна, а надежда растоптана, вы получите сверх того, что уже получили, еще один чек, в котором сами, по своему усмотрению, про-

ставите любую шестизначную цифру. Это говорит вам Эдуардо Мак-Харрис, а Эдуардо Мак-Харрис всегда исполняет и свои обещания, и угрозы.

И вдруг я понял: этот всемогущий человек, злой геней Веспуччий, привыкший все покупать за деньги — от нефтяных месторождений до людской совести, — был испуган! Он нуждался во мне! Быть может, в этом мое спасение?

А он продолжал:

— Сейчас вы сядете тут, перед нами, и расскажете все, что происходило с вами с того момента, когда вы получили письмо от индейца, и по сей день. По часам, минутам, секундам, не упуская ни единой подробности, даже самой на первый взгляд незначительной.

— Но вы и так все знаете, сеньор Мак-Харрис. Мне нечего добавить, кроме...

Я замолчал: пришла минута спасти Панчо. Стрелки приближались к десяти.

— Кроме чего? — живо спросил Мак-Харрис, и в его здоровом, голубом глазу блеснула надежда.

— Мне удалось узнать радифонный номер жреца с Двадцать второй улицы, — сказал я как можно более непринужденно.

— Так, так... Каким образом?

— Сегодня утром он сам позвонил мне, поздравил с выходом повести. Ну, я и спросил его. Номер 77 77 22.

Несколько секунд, показавшихся мне нескончаемыми, Мак-Харрис стоял, как истукан, смешно разинув рот.

— Какой вы назвали номер? — прохрипел он.

— 77 77 22, — испуганно повторил я.

— Да ведь это секретный шифр моего личного сейфа!

Мне показалось, что его вот-вот хватит удар.

— Не понимаю... — прошептал я в таком же замешательстве, что и он. — Вероятно, случайное совпадение. Жрец говорил с радиотелефонного поста, я проверил на почте. Он не обманул меня. Это действительно номер передвижного радиотелефонного поста.

Не дожидаясь, пока я кончу, Командор рванулся к столу, поднял трубку. Но в ту же секунду зажегся сигнал интерфона;

— Сеньор полковник, важное сообщение из «Сентрал Брэйн».

— Слушаю! — нетерпеливо бросил Командор.

Раздался тоненький голосок Панчо, милого старого Панчо. На часах было ровно десять.

— Говорят из «Сентрал Брэйн», начальник отдела информации Вальерио Аугусто... — Я так давно не слышал настоящего имени Панчо, что в первый момент даже не понял, кто это. — Сеньор Командор, разрешите доложить: после тщательной проверки я обнаружил в бракованных информационных материалах регистрационный документ фирмы «Энерган компани»...

— Его содержание? — деланно спокойным тоном спросил Командор, но я различил в его голосе напряжение.

— Обычные данные, сеньор Командор. Зачитать?

— Подключи его к 01.

— Понял.

С неожиданной для такой массивной фигуры легкостью Командор проворно подошел к распытию и нажал на какую-то планку. Деревянная обшивка раздвинулась и открыла небольшой экран. Секундой позже на нем возникла эмблема «Сентрал Брэйн» и сразу же вслед за ней знакомое мне изображение — регистрационный документ:

«Энерган компани», акционерное общество по торговле синтетическими табачными изделиями. Основано в Кампо Верде. Председатель правления Великий Белый Орел. Радиофон 77 77 22.

Краем глаза я видел, что Мак-Харрис читает документ, шевеля губами, как первоклассник.

Долго стоял он перед экраном, пытаюсь отыскать между строк ключ к жгучей тайне энергана. Командор нажал на планку, створки сдвинулись, и распятие снага повисло на стене символом нерушимого безмолвия.

— А теперь, — сказал он, — проверим, что это за номер...

И нажал на клавиши радифона.

Ответ прозвучал немедленно — бесстрастный голос отчетливо произнес:

— Говорит «Энерган компани». В ответ на ваш запрос сообщаем, что в ближайшие дни нами будут выброшены на рынок новые партии энергана в зернах. Говорит «Энерган компани». В ответ на ваш запрос сообщаем, что в ближайшие дни...

И так несколько раз, без малейших изменений — явная запись на пленку. Командор выключил аппарат и отдал приказ по интерфону:

— Всем контрольно-наблюдательным пунктам! Засечь расположение радифонного поста 77 77 22!

И он плюхнулся в кресло с сознанием исполненного долга. Мак-Харрис по-прежнему неподвижно стоял перед задвинутым экраном. После долгого молчания, показавшегося мне нескончаемым, он произнес ровным тоном, с оттенком некоторого удивления, и у меня снова появилось чувство, что он на грани безумия:

— Господа, помимо номера радифона, странно совпадающего с моим шифром, в документе имеется еще одно совпадение. «Энерган компани» основана там же, где был основан «Альбатрос», в Кампо Верде.

Именно в Кампо Верде я пробурил свою первую нефтяную скважину...

И президент «Альбатроса» засмеялся. Негромким истерическим смехом.

5. Мак-Харрис и доктор Бруно Зингер

Но вот он обернулся к нам лицом. Из здорового глаза струились слезы, однако он более не смеялся. Вытер железной рукой лицо, усилием воли справился с нервным припадком и вновь превратился в того властного, деятельного и беспощадного Мак-Харриса, перед которым не могли устоять ни люди, ни биржи, ни финансовые империи.

— Санто! — властным тоном обратился он к Командору. — Взять под арест всех научных сотрудников моей лаборатории. Всех до единого! И доставить сюда! Арестовать главного бухгалтера и заместителей директора! И тоже привезти сюда!

Мне показалось, что сосновый воздух часовни наполнился током высокого напряжения: поистине этот человек излучал энергию.

— А вы, — обратился он ко мне, — оставайтесь здесь!

И началась кошмарная ночь, которую мне не забыть до конца жизни.

Арестованных привозили сюда прямо из дому, некоторых явно выволокли из кровати. Растрепанные, в одном белье или в пижамах, они не могли взять в толк, что происходит, на лицах был написан ужас. Едва они переступали порог часовни, как перед ними вырастал Командор и предупреждал, что им будет задан всего один вопрос, но того, кто не ответит быстро и откровенно, ждет незамедлительная расправа. И так, кто из них знает секретный шифр личного сейфа сеньора Эдуардо Мак-Харриса?

Люди пожимали плечами — никто этого не знал. Шифр считался одной из самых сокровенных тайн «Альбатроса». Быть может, говорили некоторые, шифр известен доктору Бруно Зингеру и начальнику охраны? Но Командору этого было мало, и он продолжал допрос.

Наступил мой черед. Мне приказано было пройти вдоль строя арестованных, как офицер на утренней проверке проходит перед строем солдат, и всмотреться в каждого, в его фигуру, лицо, лоб, глаза, рот, даже зубы. Я говорил: нет, не знаю, впервые вижу, не знаю, не знаю... Это не он, тоже не он... — Мак-Харрис шел рядом со мной, не спуская с меня глаз, ловил малейшее изменение моего лица, голоса.

Я почти никого не знал среди арестованных, если не считать нескольких знаменитых ученых-химиков, отдававших свой талант и знания во имя процветания нефтяной империи «Альбатрос». Ни у кого из них не было ни малейшего сходства ни со старым жрецом, ни с Белым Орлом, чью внешность описал комендант здания на набережной Кеннеди. Но я с тревогой думал о том, как мне быть, если в ходе этого полуночного допроса мне встретится кто-то, связанный с «Энерган компани».

Само собой, я не испытывал к «Альбатросу» никаких симпатий, напротив, у меня были все основания его ненавидеть, хотя бы потому что многие беды Веспуччий, стайфли в том числе, происходили по его вине. Но глава «Альбатроса» выдал мне чек на 50 000 долларов и сулил еще один чек на шестизначную сумму по моему усмотрению. Иными словами, я мог проставить там цифру 999 999! Почти миллион... Кроме того, я находился в «Конкисте», в руках Командора, всего в двух десятках метров от ям с ядовитыми змеями! И еще — у меня жена и двое детей, дом, машина, верный друг Панчо... А по другую сторону

что? Фирма-невидимка под названием «Энерган компани», которая выпускает новый вид горючего, то есть дает возможность решить, если не навсегда, то, во всяком случае, надолго, энергетическую проблему в нашей стране а может — кто знает? — и во всем мире. И покончить со стайфли! С нищетой! С голодом!

По другую сторону была Надежда!

Да, именно так. Надежда!

Но что если за «Энерган компани» стоит «Рур Атом», такое же чудовище, как «Альбатрос», которое намерено использовать энерган для борьбы с конкурентом, а симпатичный старый индеец не что иное, как наживка, на которую клюнул простак-журналист? Что если Надежда всего лишь мираж? А я должен принести ему в жертву себя и своих близких? К сожалению, динамитеросы не имеют к энергану никакого отношения. Как и Федерация борцов за чистоту планеты. Судя по всему, Остров тоже никак не связан с «Энерган компани». Я мучительно думал — что делать? Как поступить?

Тем временем в часовню приводили все новых арестованных, Командор задавал им один и тот же вопрос, я вглядывался в их лица, и так как на sacramентальный вопрос никто ответить не мог и ни в одном из задержанных я не опознал жреца или Белого Орла, то несчастных отправили в подземелье, откуда даже сюда, несмотря на толщину стен, долетали крики и стоны.

Последним остался доктор Бруно Зингер. Он был один. И единственный из всех был аккуратно одет, в белой сорочке, которую, по слухам, он менял трижды в день: его арестовали в ресторане, где он ужинал. Доктор Зингер стоял перед распятием, уронив руки вдоль тела, зрачки за стеклами очков невероятно расширены, что придавало ему удивленный и печальный вид.

На сей раз мне не пришлось отыскивать в его лице сходство с жрецом, а Командору незачем было грозить ему — доктор Зингер принадлежал к числу аппервов, верхушке общества.

— Бруно, я должен сообщить тебе неприятный факт, — сдержанно заговорил Мак-Харрис. — Посторонним людям стал известен шифр моего сейфа, где хранятся секретные документы лаборатории. Это и само по себе неприятно, но хуже другое: шифр известен так называемой «Энерган компани», которая сочла уместным взять его в качестве номера своей радиотелефонной установки. Вполне официально.

Доктор Зингер беспомощно развел руками:

— Мне очень жаль, Эдуардо, но...

— Дело в том, — прервал его Мак-Харрис, чувствовалось, что он с трудом сдерживает раздражение, — что этот шифр знали только три человека: я, ты и начальник охраны. В начальнике охраны у меня нет оснований сомневаться, это мой родной брат. Что до меня, то я никому не называл этот номер...

— Я тоже, Эдуардо, — сказал Зингер и на миг скопил глаза в мою сторону. Впрочем, мне могло и помешаться.

— Повторяю, — Мак-Харрис повысил голос, — я этот шифр никому не сообщал.

Доктор Зингер снова развел руками. И от этого жеста Мак-Харриса словно прорвало:

— Врешь! Врешь, собака! Говори, кому ты назвал шифр! Отвечай! Сколько тебе заплатили за это?

Так же орал он на врачей, упустивших его сына Кони из санатория... Доктор Зингер попытался возразить, но Мак-Харрис не дал ему произнести ни слова. Он был вне себя от ярости.

— Признавайся, мерзавец, — орал он, — сколько миллионов сунул тебе «Рур Атом», чтобы ограбить, разорить меня? А?

— У меня нет никаких дел с «Рур Атомом», — успел произнести доктор Зингер, прежде чем железная рука Мак-Харриса обрушилась на его лицо. Из носа хлынула кровь.

Точно дикий зверь, который свирепеет при виде крови, Мак-Харрис окончательно потерял контроль над собой. Обнажив в жестокой улыбке свои идеально белые вставные зубы, он нанес Зингеру новый удар и продолжал до тех пор, пока тот не рухнул на пол. Рядом валялись разбитые вдребезги очки. А сверху благостно и смиренно взирал распятый сын божий.

— Вниз, к крысам! — гаркнул Мак-Харрис и пнул свою жертву ногой. — Пока не вспомнит, кто его подкупил!

Избитого начальника лаборатории вынесли из часовни. Под распятием осталась лужа крови.

Было шесть утра — час, когда наступает рассвет, но стайфли уже успел вернуться в Америго-сити и по обыкновению застилал горизонт, так что солнца не было видно. Несмотря на свежий, напоенный хвоей воздух, по-прежнему сочившийся в часовню, я лишился последних сил, голова кружилась, перед глазами в сумасшедшей пляске сменялись лица, взгляды — испуганные, растерянные взгляды, в которых светился недоуменный вопрос: что мне от них нужно? И, конечно, удивленный и печальный взгляд доктора Зингера. Словно откуда-то издалека доносился голос Мак-Харриса, говорившего в интерфон:

— Лидия, ты? Вставай, сейчас не время спать! Отправляйся ко мне в служебный кабинет и пришли с надежным человеком... Нет, привези сама досье всех членов правления, ученого совета, руководителей отделов. Теперешних и бывших. Да, бывших тоже! И захвати с собой охрану!

Приехала Лидия. Личные дела сотрудников «Альбатроса» хранились в пластмассовых папках с цветной

фотографией большого формата на первой странице. Меня усадили в кресло у готического окна, направили в лицо свет яркой лампы. И я принялся просматривать фотографии, комментируя: да, этого знаю; нет, не знаю, нет, не он, не он... Мак-Харрис сидел напротив, не спуская с меня взгляда. А у меня кружилась голова, слезились глаза, я почти не различал лиц на фотографиях, и мне было уже все равно, кого я увижу, даже мелькала мысль, что если наткнулся на фотографию старика индейца — что ж, он ведь где-то там, возле передвижного радиофона 77 77 22, быть может, на катере в океане или же в автофургоне в пустыне. И вдруг я на него наткнулся. В папке двенадцатилетней давности. Худой, длинноволосый, с нежной, застенчивой, почти детской улыбкой. Но на фотографии он был молод, не было тех глубоких морщин, которые покрывали лицо старика с Двадцать второй улицы. В белом халате, какие носят химики в лаборатории, на груди фирменный знак — изображение альбатроса. Завороженный его улыбкой, я долго не мог отвести взгляд от фотографии.

На папку обрушился протез Мак-Харриса:

— Он?

Я был так растерян, что не мог произнести ни звука.

— Он! — В голосе Мак-Харриса звучало не только торжество, но и непонятный мне страх. Он выдернул папку у меня из рук и вслух прочитал:

«Доминго Маяпан, возраст: 43 года, образование: химик, доктор наук, руководитель экспериментальной базы. Три крупных открытия в области фотосинтеза. Весьма перспективен. Особое внимание...»

Мак-Харрис перевернул страницу, поискал что-то и продолжал:

«В сентябре того же года Доминго Маяпан бесследно исчез. Месяцем позже в Рио-Анчо был обнаружен труп, опознанный, без достаточной степени уверенности, как труп Доминго Маяпана. Следствие положительных результатов не дало».

Мак-Харрис поднял голову от папки:

— Итак, Доминго Маяпан... — прошептал он. — Видите, Искров, ваш маленький «жрец» оказался крупным ученым. К тому же он, оказывается, цел и невредим, хотя десять с лишним лет назад его тело выловили из Рио-Анчо. И преспокойно торгует энерганом... А смерть в реке была отлично сфабрикованной комедией. И разыграли ее ровно двенадцать лет назад, когда я и Полина были в кругосветном свадебном путешествии. Умно, Искров, умно и хитро! Как и теперешний спектакль... Но кто его автор? И почему его разыгрывают именно сейчас?

Он закрыл глаза и долго молчал, пытаюсь, вероятно, найти ответ на свои вопросы в недавнем прошлом, потом повернулся к Командору:

— Санто, доставь сюда всех индейцев — ацтеков, майя, инков, толтеков, всех полукровок, метисов, квартеронов, всю эту цветную погань, которая служит в нашей администрации, включая уборщиков! Но прежде приведи ко мне нашего доброго друга, доктора Зингера!

6. Князь, Дидерих Мунк и другие

Не знаю, что они сделали с Зингером в подземелье, но когда его привели, вернее приволокли, он был полутрупом. Его бросили на пол. Мак-Харрис наклонился и повернул к себе его голову — Зингер был без сознания.

— Врача! — распорядился Командор.

Пришел врач.

— Умер? — спросил Мак-Харрис.

— Нет... еще нет... но...

— Даю вам час, чтобы привести его в чувство! Что-бы он был в состоянии говорить!

Врач кивнул — это был очень опытный врач! — и знаком велел унести беднягу.

Мак-Харрис заметался по комнате: вся его энергия вырвалась наружу, я словно бы осязал ее. И все яснее понимал, каким образом этому человеку удалось подняться на вершину экономической и политической пирамиды страны. Неожиданно он остановился передо мной:

— Должен поблагодарить вас, сеньор Искров. Вы оказали мне неоценимую услугу, которая может существенно помочь моим усилиям обнаружить логово хозяев энергана. И прошу меня извинить, если я в запальчивости сказал что-нибудь не так.

Я пробормотал что-то уклончивое. Он продолжал:

— Уверен, что вы и в дальнейшем будете сотрудничать со мной. Как видите, мне приходится вести нелегкую борьбу, и, увы, порой она требует не слишком приятных действий.

Прозвучал сигнал интерфона:

— Его высочество Князь Веспуччии желает говорить с сеньором Мак-Харрисом.

Мак-Харрис нажал на клавишу. С явным неудовольствием.

— Слушаю, ваше высочество.

Раздался мягкий — лирический, как называли его газетчики, — тенор Князя, с теми интонациями, которыми он приводил в экстаз чувствительных девиц, а под Новый год щедро сулил народу Веспуччии всяческие блага и полное искоренение стайфли.

— Сеньор Мак-Харрис, ко мне поступили жалобы: Командор без моего дозволения произвел аресты апперов. Что это значит?

Мак-Харрис скривил губы в легкой усмешке:

— Аресты произведены по моей просьбе, ваше высочество. Сожалею, что у нас не было времени обратиться к вам.

— А-а... Это меняет дело...

— Да, ваше высочество, в связи с «Аферой "энерган"». Мы прилагаем огромные усилия, чтобы обнаружить закулисные пружины прискорбных вчерашних событий.

— Разделяю ваше беспокойство, Мак-Харрис, но хотел бы, чтобы и вы поняли: аресты и репрессии такого рода могут взбудоражить общественное мнение и направить его против законной власти. Вам известно, что среди апперов есть люди, которые только и ждут любого нарушения конституции, чтобы поднять вой. Не говоря уже о динамитеросах и прочих левых...

— Ваше высочество, — Мак-Харрис повысил голос, — разрешите напомнить, что энерган угрожает не только моим интересам, но и вашим. Он может подорвать устои династии вашего высочества гораздо успешнее, чем фрондерство группки недовольных апперов. Внешние силы, стоящие за энерганом, не станут особо церемониться с вами и вашим семейством, когда завоюют твердые позиции на нашей земле. Борьба против энергана — это также борьба за независимость нашего отечества.

— Друг мой, вы полагаете, что за энерганом стоит Дидерих Мунк?

— Мунк или кто другой, но ясно одно: энерган иностранного происхождения. У нас условий для его синтезирования и массового производства не существует, не может существовать... Если не считать «Альбатроса». Я утверждаю это с полной ответственностью!

После небольшой паузы Князь заговорил снова:

— Мне кажется, вы преувеличиваете опасность этих зерен.

— Отнюдь, ваше высочество, — резким тоном возразил Мак-Харрис. — Я располагаю данными, которые свидетельствуют о заговоре в самом сердце «Альбатроса». Не могу вам пока сообщить ничего более реального, но уверен, что вскоре буду в состоянии доложить о весьма интересных открытиях.

— Дай-то бог! — не без драматизма вздохнул Князь. — От души желаю, чтобы вы как можно скорее освободили невиновных и в стране вновь восстановилось спокойствие. Хватит с меня головной боли от динамитеросов.

— Ваши желания для меня закон, ваше высочество! Нашему Санто не нужны в «Конкисте» лишние нахлебники!

— Вот именно, друг мой! Вот именно! В замке «Конкиста» место только динамитеросам и другим врагам престола и отечества. Кстати, правда ли, что доктор Зингер похищен Эль Капитаном в ответ на пытки, которым была подвергнута Рыжая Хельга?

— Впервые слышу, что доктор Зингер похищен, — ответил Мак-Харрис. — Что касается Рыжей Хельги, то о ней лучше других может ответить полковник.

И он передал трубку Командору.

— Ваше высочество, — начал тот, — вам ведь известно, какие фантастические вымыслы распространяются обо мне? Ничего не поделаешь, издержки производства, так сказать... Относительно Рыжей Хельги могу вас заверить, что ее даже пальцем не тронули... Возможно, она потребовала от тюремного персонала каких-нибудь пикантных услуг и, встретив отказ, пытается отомстить нам низкой клеветой... — Он сально засмеялся. — Нет, ваше высочество, мы не пытаем женщин, тем более таких красавиц, как Рыжая Хельга.

Трубкой снова завладел Мак-Харрис:

— Как там у вас на Снежной горе, ваше высочество?

— Немного пасмурно, но, думаю, скоро прояснится. Вы же знаете, скверная погода здесь долго не держится. Сейчас приводят в порядок лыжню. Отчего бы вам не заскочить сюда? Вместе с Конрадом? Я слышал, состояние его немного улучшилось. Говорят, он даже умудрился сбежать из санатория... Приезжайте, Эдуардо, поговорим об энергане, мне пришла в голову интересная мысль. Хотелось бы знать, как вы к ней относитесь. Заодно полакомитесь клубничным кремом — вы ведь знаете, моя жена мастерица по этой части.

— С удовольствием, ваше высочество, но надо же кому-то заниматься неотложными делами.

На сей раз в голосе Мак-Харриса прозвучал неприкрытый холод. Князь, видимо почувствовав это, ответил с легкой иронией:

— Впрочем, могу изложить вам свою идею сейчас же, не вижу причины откладывать. Скажите, вам не приходила в голову мысль не уничтожать энерган?

— Не понимаю, ваше высочество.

— Я имею в виду — не уничтожать энерган, а завладеть им... тем или иным способом. Купить, например. Да, мы закупим его. Сколько бы он ни стоил. Разумеется, если удастся обнаружить его создателей. Вы представляете, друг мой, какие беспредельные перспективы это открыло бы перед нами? Мы стали бы энергетическими властелинами планеты! И если есть хоть доля истины в утверждениях этого вашего писака Искрова о том, что энерган может послужить основой и для производства белка, то мы могли бы стать спасителями голодающего человечества... со всеми политическими последствиями этих гуманных акций. Наша страна заняла бы свое законное место рядом со сверхдержавами, которые диктуют свою волю Африке, Южной Америке и Азии. Не соблазняет ли вас подобная перспектива? Признаюсь, я неустанно размышляю над

ней, и она все больше пленяет мое воображение. Да, и еще кое-что: генералы интересуются, нельзя ли использовать энерган для производства мощного взрывчатого вещества? Они даже намерены произвести кое-какие эксперименты...

Мак-Харрис насмешливо улыбнулся и даже подмигнул мне: он отлично понимал природу неожиданно вспыхнувшей у Князя любви к человечеству.

— Плохо же вы обо мне думаете, ваше высочество, — сказал он, — если полагаете, что я не размышлял, и даже довольно обстоятельно, над этой проблемой. Мне бы тоже хотелось дать миру дешевую энергию, накормить голодающее человечество... Ну, и, не скрою, снабдить военных новым видом оружия. Но, как вы справедливо заметили, прежде надо раскрыть загадку энергана. А уж потом, потом... Да будет на то милосердие господне...

— Дорогой друг, разрешите напомнить, что милосердие господне не внесло особого вклада в решение энергетической проблемы... Впрочем, желаю успеха. Задача нелегкая, но я верю в вас.

— Будьте здоровы, ваше высочество. Благодарю за добрые слова.

Интерфон щелкнул.

— Нет, как вам это нравится? — Казалось, Мак-Харрис обращал этот вопрос к себе самому. — Наш сиятельный щенок печется об арестованных и не чувствует, что трон под ним шатается! Нам велено регулярно докладывать ему.

— Как же, как же, непременно! — хохотнув, отозвался Командор.

Для меня, как, впрочем, и для всех граждан Веспучии, не было тайной, что истинным властителем страны является Мак-Харрис, а не Князь, но мне и в голову не приходило, что их отношения сведены до

уровня марионетки и кукловода, дергающего за веревочку.

Так или иначе, разговор с Князем несколько разрядил напряженную атмосферу в часовне. Мак-Харрис обратился к Командору:

— Санто, уж не вздумал ли ты уморить нас голодом? Угостил бы белками! И включи-ка свой магический кристалл, поглядим, что творится на белом свете. Мы так увлеклись нашим Маяпаном, что забыли о других важных вещах. Быть может, создатель энергана уже обнаружен, и надо поскорее закупить имеющиеся у него запасы, как рекомендует его высочество. Пока нас не опередили.

Принесли кофе, молоко, булочки, мед, ветчину. И даже фруктовые соки — редчайший деликатес в Америго-сити. О клубничном креме я не смел и мечтать — он предназначался лишь для княжеского стола. Во время завтрака Командор вновь открыл телеэкран позади распятия и приказал, чтобы «Сентрал Брэйн» выдал всю важнейшую информацию за истекшую ночь.

Передача началась с обычного предисловия: за истекшие двенадцать часов особых происшествий не отмечено, в стране царит полное спокойствие. Эту сакраментальную фразу не смел опустить ни один источник информации, даже если Веспуччия в этот момент подвергалась бы нападению. А дальше диктор излагал минувшие события:

«Население вернуло в полицейские участки некоторое количество энергана».

«Задержаны лица, подозреваемые в участии во вчерашних беспорядках».

«Близкие арестованных обратились в канцелярию Князя с просьбой о вмешательстве».

«Исчез руководитель лаборатории «Альбатроса», видный ученый, доктор Бруно Зингер. Неизвестные лица вызвали его из ресторана. Доктор

сел в машину и уехал в неизвестном направлении. По-видимому, это дело рук динамитеросов».

«За последние два часа акции "Альбатроса" упали на 15 пунктов. Такое невиданное падение вызвано широкой провокационной кампанией, которую иностранные круги развернули в связи с появлением энергана. Курс акций других крупных нефтяных фирм также колеблется».

«К концу рабочей смены на завод по производству синтетического рыбьего паштета на полуострове Тува прибыл ящик со ста килограммами энергана. Рабочие мигом растащили содержимое ящика. Произведены обыски».

— Болваны! — сквозь зубы процедил Командор и приказал связать его с начальником полиции Тувы. — Идиот! — закричал он. — Я же запретил принимать посылки с энерганом! Что? Другая этикетка? Рыбные консервы? Значит, вскрывай все посылки! До единой! Плевал я на правила! И еще: ни слова об этом, иначе не сносить тебе головы. Ясно?

Он швырнул трубку и подключил экран к главному телеканалу, передававшему прямые репортажи с мест.

В заливе шли работы по вылавливанию оставшихся на поверхности частей взорванного танкера. Экран попеременно показывал водолазов, корабельные краны, тягачи, насосы, которые отсасывали нефтяной слой, расплзшийся до самых берегов. Эти кадры явно навели Мак-Харриса на какую-то мысль, потому что он связался с Лидией и спросил, улажен ли вопрос со страховкой танкера.

Но вот море с экрана исчезло, и диктор сообщил, что сейчас последует важное сообщение: «Наш корреспондент связался с господином Дидерихом Мунком, президентом "Рур Атома"». Вслед за тем мы увидели самого корреспондента. Он стоял рядом с русоволосым красавцем, чье лицо было знакомо всему миру.

— Уважаемые телезрители, мне удалось разыскать господина Мунка в Бома-Бома, центре урановых рудников Южной Африки, неподалеку от ракетной площадки «Ракетен Унион», также принадлежащей «Рур Атому». Господин Мунк любезно согласился ответить на вопрос, который, как мне кажется, сейчас волнует всю мировую общественность. Итак, господин Мунк, носят ли упорные слухи, что «Рур Атом» замешан в событиях, которые разыгрываются в Америкосити и уже получили название «Афера "энерган"». Скажите, соответствуют ли слухи действительности?

Красавец Мунк повернулся лицом к камере и улыбнулся одной из своих самых обаятельных улыбок. Он был весьма высокого мнения о своей арийской внешности.

— Признаться, — начал он, — мне даже неловко отвечать на ваш вопрос, настолько он лишен всякого основания. И тем не менее... Считаю своим долгом от своего имени и от имени всего концерна «Рур Атом» категорически — повторяю, категорически — опровергнуть слухи, равно как и намеки кое-кого из видных деятелей Веспуччии относительно нашей причастности к «Афере "энерган"». Я впервые услышал это словечко во вчерашней передаче и не менее других встревожен появлением таинственного вещества, которое при растворении в воде якобы превращается в горючее. Вся операция была произведена крайне дерзко и вызывающе, что уже само по себе убедительно доказывает нашу непричастность к ней. Мы открыто и недвусмысленно заявляем, что решительно возражаем против производства и распространения пресловутого энергана, ибо это наносит ущерб и «Рур Атому». Надеюсь, мой аргумент достаточно убедителен. Если энерган и в самом деле является чудодейственным средством получения энергии и действительно так дешев, практичен и не загрязняет атмосферу, как хотят нас убедить

его анонимные создатели с помощью своего глашатая, мелкого писаки Теодоро Искрова, то почему бы им открыто не выступить перед всем миром и не объявить во всеуслышание: «Нам удалось создать чудо науки. Объединим же наши усилия и отдадим его в дар человечеству во имя всеобщего благоденствия и мирного будущего»?

Тут Дидерих Мунк посмотрел прямо в объектив и доверительным тоном произнес:

— Господин Мак-Харрис, если вы сейчас меня видите и слышите, позвольте заверить вас, что мы не имеем к энергану никакого касательства и готовы сотрудничать с вами в разоблачении этой мошеннической операции.

Мак-Харрис долго сидел неподвижно, очевидно обдумывая, как ему отнестись к словам конкурента.

— Хитрый пруссак! Вы верите ему, Искров?

Я все еще находился под впечатлением весьма нелестного отзыва Мунка обо мне: «Мелкий писака Искров». Да и Князь отозвался обо мне не лучше. Впрочем, имею ли я право обижаться? Разве я и впрямь не был жалким рупором «Энерган компании» и наемным писакой «Альбатроса»?

— Его аргументы звучат убедительно, — помолчав, сказал я. — Если энерган и в самом деле именно то, за что его выдает жрец, то бишь доктор Маяпан, то для атомной промышленности он не менее опасен, чем для нефтяной: он дешевле атомной энергии, безопаснее, меньше загрязняет окружающую среду...

— Возможно, вы и правы... — задумчиво произнес Мак-Харрис. — А посему пора нам побольше разузнать об этом толтекском докторе наук... — И со смешком добавил: — Прежде, чем мои акции окончательно рухнут, не так ли? Санто, проверь, как там Зингер.

7. Доктор Бруно Зингер

Зингер очнулся. Его ввели на больничной койке, к которой была подсоединена сложная система переливания крови. Забинтованные голова и лицо открывали лишь щелочки глаз, шея и грудь тоже были перевязаны. Но Зингер был в сознании, и расширенные зрачки смотрели на окружающих с примиренностью смертника.

Врач, уходя, тихо сказал:

— Не переусердствуйте, он очень плох.

— Не волнуйтесь, доктор, — ответил Мак-Харрис и, наклонившись к больному, долго вглядывался в него. — Бруно, дружище, — миролюбиво начал он, — мне бесконечно жаль, что так случилось, но ты сам, вероятно, даже лучше меня понимаешь — на то ты и химик, — какое значение для нас имеет энерган. Если в ближайшие дни мы не доберемся до источника этих треклятых зерен, всем нам — тебе, лабораториям, заводам, танкерам, заправочным станциям — крышка. Во всем этом просто-напросто отпадет нужда... Миллионы людей будут выброшены на улицу, останутся без средств к существованию. Это означает гибель для страны, а возможно, и для всей нашей цивилизации. Поверь, я не преувеличиваю. Если энерган распространится по Земле, современное общество рухнет.

Он умолк, ожидая, чтобы его слова проникли в сознание истерзанного человека. Наконец, доктор Зингер заговорил, с трудом выдавливая из себя слова, в которых слышалась грустная ирония:

— А может, то общество, что придет нам на смену, будет лучше?

— Уж не стал ли ты «красным»? — шутливо произнес Мак-Харрис, но в этой комнате его тон прозвучал неуместно. — Лично меня заботит современная цивилизация. Да и тебя, насколько я знаю, тоже.

— Чем же, по-твоему, я могу помочь спасению нашей цивилизации? — с усилием спросил доктор Зингер.

— Будь искренним. Постарайся правдиво ответить на мои вопросы. Согласен?

Доктор Зингер попытался кивнуть, но при этом движении острая боль пронзила его, и он застонал. Мак-Харрис переждал, пока он успокоится, после чего взял в руки досье Маяпана и показал ему фотографию.

— Знаком тебе этот человек?

Доктор Зингер с трудом приподнял голову, бросил взгляд на фотографию, нахмурился, покосился на меня — а может, это, мне только померещилось? — и, улыбнувшись уголками губ, ответил:

— Конечно. Это Доминго Маяпан, бывший руководитель экспериментального сектора нашей лаборатории. По национальности индеец. Мы звали его просто Доминго. Погиб лет двенадцать назад при загадочных обстоятельствах. Подозреваю, что его убили... Это была большая потеря для нашей компании.

Почти бездыханный, до полусмерти избитый по приказу своего шефа, Бруно все еще продолжал говорить «наша лаборатория», «наша компания...» Удивительное все-таки существо — человек.

— Меня в ту пору не было в Америкосити, — обронил Мак-Харрис.

— Верно, — еле слышно прошептал доктор Зингер и закрыл глаза. — Ты уехал в свадебное путешествие... Помнится, я позвонил тебе в Гонолулу, но ты не пожелал об этом разговаривать. Так был увлечен Полиной...

Мак-Харрис вздохнул:

— Увы, Полины больше нет...

Они замолчали. В наступившей тишине слышалось лишь тяжелое прерывистое дыхание доктора Зингера.

— Ты помнишь, как он оказался у нас в лабора-

тории? — прервал молчание Мак-Харрис. — Я имею в виду Доминго Маяпана.

В груди доктора Зингера захрипело, он попытался откашляться, но тщетно.

— Ты сам его взял, Эдуардо, — наконец произнес он. — Маяпан пришел к нам, имея на руках диплом лучшего выпускника Эдисоновского института. В те времена ты... ты зазывал к себе молодых ученых со всех университетов Америки...

Хрипы становились громче. Казалось, в груди у него клокочет. Прошли томительные секунды, прежде чем Зингер снова заговорил:

— И правильно сделал, хотя Доминго был не так уж молод. Он тебе понравился, ты сказал, что питаешь к нему особые симпатии, как к земляку.

— Земляку?! — Багровая щека Мак-Харриса задрожала. — Я родился в Техасе, ребенком переселился сюда...

— Нет, нет... — Доктору Зингеру явно все труднее становилось говорить. — Речь шла о Кампо Верде... Помнишь, Эдуардо, котловину, где мы пробурили первую скважину? Сколько зелени, господи, сколько там было зелени! И как давно это было! В какой-то другой жизни...

Он замолчал, в комнате слышались только мучительные хрипы, болью отдававшиеся в душе.

Мак-Харрис медленно поднялся со стула, молча зашагал по часовой. Здоровый его глаз был закрыт, стеклянный неподвижно смотрел перед собой. Президент «Альбатроса», очевидно, пытался восстановить в памяти давно стершиеся образы. Зелень Кампо Верде, быть может... Или ту давнюю, другую жизнь...

Но вот он снова приблизился к кровати, где лежал Зингер.

— Почему ты считаешь, что его убили? Возможно, он покончил с собой?

— Бряд ли... — чуть слышно ответил Бруно Зингер. — Он никогда бы на это не пошел. В нем было столько стойкости, оптимизма... И он очень дорожил жизнью. У него были большие цели. Быть может, другие фирмы пытались купить его... он стоил больших денег... А он отказался...

Несчастный, задохнувшись, не смог далее продолжать. Хрипы становились все громче. И вдруг мне показалось, что он смотрит на меня. Впрочем, я мог и ошибиться...

— Он поддерживал связь со Штатами? — спросил Мак-Харрис.

Бруно Зингер с шумом вдохнул в себя воздух. Свежий, пахнувший хвоей воздух. Но его легкие по-прежнему разрывались.

— У него там были друзья... Среди них Эллиот Джонс, тот, кто придумал синтетическое мясо.

— А с немцами из «Рур Атома»?

— Он вел переписку со всеми институтами, которые занимались проблемами энергетики.

— Даже с Островом?

Этот хрип, этот ужасный хрип!

— Едва ли. С Островом трудно поддерживать контакты. Тебе это известно, Эдуардо... — Доктор Зингер скосил измученные глаза в сторону Командора. — Полковник давно сделал их практически невозможными.

— А с индейцами?

— Какими индейцами?

— Из Кампо Верде.

В глазах Зингера блеснуло недоумение.

— В Кампо Верде давно нет индейцев. Вот уже двадцать два года. Там сейчас пустыня.

— А каких политических взглядов придерживался этот Маяпан? — неумолимо продолжал Мак-Харрис допрос, хотя силы доктора Зингера заметно иссякали.

— Он... любил свободу, Эдуардо.

— Какую свободу?

Зингер ответил не сразу: все его тело сотрясилось от резкого, разрывающего грудь кашля, из уголка рта потянулась струйка крови.

— Какую свободу? — Мак-Харрис уже кричал.

— Свободу для всех людей, Эдуардо... И свою... своего народа... В первую очередь своего народа. Он любил свой народ...

— Он имел доступ к моему сейфу?

По лицу несчастного разлилась землистая бледность, он задышал еще тяжелее.

— Возможно... ведь ты приказал ничего от него не скрывать... Он... он достиг исключительных успехов в синтезировании...

Зингер задохнулся. Мак-Харрис тряс его за плечи:

— Чего? Синтезирование чего?

Умирающий еле слышно произнес:

— Концентраата...

И умолк.

— Врача! — крикнул Мак-Харрис.

Вошедший врач, бросив взгляд на доктора Зингера, с оттенком упрека негромко произнес:

— Я предупреждал вас, сеньоры. Вы переусердствовали.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Мак-Харрис.

Врач равнодушно пожал плечами:

— Скончался...

— Убрать! — распорядился Командор, а Мак-Харрис кинулся к интерфону:

— Лидия! Открой мой сейф в лаборатории! Не знаешь? 77 77 22. Найди записи опытов, проводившихся на экспериментальной базе лет двенадцать-четырнадцать назад Доминго Маяпаном. Немедленно доставь их сюда. Лично! Под охраной!

Я был настолько обессилен бессонной ночью, что

мозг отказывался воспринимать происходящее в его истинных масштабах. Не удивительно, что сейчас мне трудно восстановить в памяти последовательность, в какой разворачивались дальнейшие события. Но главное я помню хорошо.

Вошел дежурный офицер и доложил, что, несмотря на принятые меры, координаты радиофонного поста 777722 установить не удалось. Пост либо безостановочно перемещается, либо под этим номером скрывается множество аппаратов, размещенных в самых разных уголках страны.

Приехавшая Лидия сообщила, что папки с записями экспериментов Маяпана исчезли.

Между тем диктор телевидения сообщил, что, как стало известно, профсоюз рабочих химической промышленности, обеспокоенный последними событиями, намерен объявить однодневную забастовку.

Вслед за этим сообщением на телеэкране появилось предупреждение о передаче особой важности. И я вдруг стал свидетелем уличной манифестации. Мне и раньше говорили, что за любой сколько-нибудь подозрительной манифестацией власти ведут наблюдение и контрольные полицейские камеры производят видеозапись, но прямую передачу с места событий я видел впервые.

По узкой, затянутой густым туманом улице, среди перевернутых автомобилей и разбитых витрин двигалась длинная колонна людей. Многие из них закрывали лица влажными платками, другие были в масках. Над головами плыли наспех написанные плакаты: «Освободите наших отцов и сыновей!» «Командор, открой двери "Конкисты"!» «Дорогу энергану!» По обе стороны колонны вполне миролюбиво — невероятное зрелище! — шагали полицейские с автоматами, а впереди, возглавляя манифестацию, шествовал юный лейтенант. Из-за масок и прижатых к лицу платков

возгласы манифестантов были еще слышны, но можно все же было различить отдельные слова: «Требуем чистого воздуха и воды!» «Покончим со стайфли!» Бесстрастный голос полицейского наблюдателя пояснял:

— Манифестация возникла стихийно на площади Санта-Мария. Прохожие стали расхватывать обнаруженные в ларьке коробки с энерганом. К ним присоединились жители соседних домов, и вскоре люди начали делить энерган между собой. Наши камеры неотступно следуют за манифестантами. Силы порядка пытались разогнать толпу, но она начала ломать и опрокидывать машины, разбивать витрины. Командир полицейского отделения, лейтенант Диего Оро, судя по виду индеец, не только отказался отдать приказ стрелять, но и сам возглавил толпу. Сейчас манифестация направляется к замку «Конкиста». Колонна непрерывно растет. Вот она вступила на проспект Дель Принчипе...

— Санто! — вдруг воскликнул Мак-Харрис. — Бруно Зингер еще здесь?

— В морге, — хмуро отозвался полковник.

— Как же так? — В голосе Мак-Харриса звучало наигранное возмущение. — Ведь доктор Зингер похищен динамитеросами! И тело его, до неузнаваемости обезображенное, подброшено террористами где-то на проспекте Дель Принчипе.

Я поймал на себе взгляд Командора и прочитал в нем свой смертный приговор. Слишком многое довелось мне увидеть и услышать в эту кошмарную ночь, а по глубокому убеждению полковника молчать умеют только мертвые. Ничего не сказав, он вышел из часовни. Через несколько минут он вернулся и деловым тоном сообщил:

— Вы правы, сеньор Мак-Харрис. Тело нашего видного ученого, доктора Бруно Зингера в самом деле

нашли на проспекте Дель Принчипе. Убийцы дорого заплатят за это чудовищное преступление. Я распорядился подобрать останки несчастного.

Манифестанты двигались по проспекту Дель Принчипе. И тут случилось такое, что мои усталые, воспаленные глаза восприняли как сцену из игрового фильма: метрах в двадцати впереди колонны, на широкой проезжей части виднелось темное пятно. Быстрый наезд камеры, и вот уже видно, что это труп Зингера, избитого, истерзанного до неузнаваемости и уже без перевязок. Диего Оро вскинул правую руку, колонна остановилась, смолкла. В сопровождении нескольких человек лейтенант подошел к трупу, наклонился, всмотрелся в лицо, вынул из внутреннего кармана убитого регистрационную карточку. Пробежав ее глазами, он выпрямился.

— Это доктор Бруно Зингер! — крикнул он. — Главный специалист «Альбатроса»!

По толпе пронесся гул.

В ту же минуту из окна соседнего здания раздался голос, усиленный мегафоном:

— Динамитеросы! Не смейте посягать на жизнь доктора Зингера! Бросьте оружие! Приказываю: всем руки вверх и лицом к стене! Повторяю: не посягайте на жизнь доктора Зингера!

В ответ прозвучал слабый голос лейтенанта:

— Мы не динамитеросы! Зингер обнаружен на мостовой, он мертв...

— Молчать! Руки вверх! — прогремел мегафон.

Лейтенант потянулся к кобуре, но не успел выхватить пистолет и, пронзенный пулей, упал навзничь на тело доктора Зингера.

Началась бессмысленная, кровавая бойня, которая надолго останется в истории нашей страны как «Расстрел на проспекте Дель Принчипе». Люди Командора, заняв удобные позиции, расстреливали мани-

фестантов почти в упор, убивая сотни людей, оттесняя тысячи других назад, к площади Санта-Мария. Оператор хладнокровно продолжал съемку, а мы трое наблюдали за происходящим на экране в благоухающей свежим воздухом часовне: я, потрясенный, не веря собственным глазам, Командор — криво усмехаясь, Мак-Харрис — с невозмутимостью уверенного в своей победе дьявола.

Вошел дежурный офицер и доложил, что при столкновении с группой динамитеросов было обнаружено тело Бруно Зингера, к сожалению замученного насмерть. Убийцы уничтожены при попытке атаковать силы порядка.

— Опубликуйте специальное коммюнике об этом происшествии! — распорядился Мак-Харрис. — И устройте торжественные похороны нашего незабвенного доктора, с венками и всем прочим.

Он позвонил в резиденцию Князя, чтобы сообщить печальную весть, но оказалось, что наш повелитель находится на лыжной прогулке.

— А теперь, — сказал Мак-Харрис, — прежде чем приступить к самому главному, нам предстоит еще одна небольшая операция. Санто, работающие у нас индейцы доставлены сюда?

В часовню ввели человек двадцать, все с характерными приметами своего племени: смуглые, скуластые лица, черные волосы и угольно-черные глаза. Это были курьеры, уборщики, грузчики, испуганно застывшие перед хозяином «Альбатроса». А тот начал допрос почти по-отечески, дружелюбным тоном:

— Ну вот что, друзья, мы с вами старые приятели. Вместе трудимся для общего блага, дышим живительным воздухом «Альбатроса», а теперь вместе оказались под ударом безумцев, выпускающих так называемый энерган, чтобы мы остались без крова, без хлеба, воды и кислорода. Поэтому я говорю с полной от-

кровенностью: кое-какие следы ведут в нашу фирму. Да, да, не удивляйтесь, в «Альбатрос», точнее — в одну из лабораторий «Альбатроса». Только что на улице обнаружен труп всеми нами уважаемого доктора Зингера, которого похитили динамитеры. Зингер — один из немногих, кто мог бы пролить свет на тайну энергана. Теперь остались только вы. Я задам вам несколько вопросов, и вы ответите мне искренне, раскроете передо мной свое сердце, ничего не утаивая. Договорились? Лгать и запираяться бессмысленно.

Индейцы усердно закивали.

— Пусть тот, кто работает у меня больше двенадцати лет, поднимет руку.

Таких оказалось трое. Мак-Харрис показал им фотографию из пластмассовой папки.

— Вы знаете этого человека?

Все трое ответили утвердительно: это Доминго, который когда-то был главным в лаборатории и утонул в Рио-Анчо.

— У него были друзья?

— Да. Самым близким другом был доктор Зингер, да будет земля ему пухом. Они никогда не разлучались, толковали про свою науку и пили вместе кофе.

— А за пределами лаборатории? Были у него родные, жена, дети?

— Кажется, у него был сын, взрослый парень, очень красивый.

— Где он сейчас?

— Наверно, учится где-то. Доминго говорил, что сделает из него знаменитого химика, который сумеет даже молоко сотворить из воздуха.

— И бензин из воды? — ввернул Мак-Харрис.

— Про такое мы от него не слышали, — в один голос ответили индейцы.

Мак-Харрис не настаивал.

— А теперь вопрос ко всем. Не замечали вы, чтобы

по ночам или по воскресеньям, в праздники кто-либо входил в лабораторию, возился с химикатами или работал с приборами?

— Да, да, конечно! — прозвучал дружный ответ. — Мы частенько видели доктора Зингера. Он иногда ночи напролет проводил в лаборатории.

— Один?

— Один, сеньор. Один-одинешенек. Только просил варить ему кофе.

— А вам не случалось видеть, чтобы он выносил из лаборатории какие-нибудь бумаги?

— Да, сеньор. Он всегда уходил с набитым портфелем.

— Ну, спасибо! — сказал Мак-Харрис. — Вы слабые ребята. Но так как сведения, которые вы сообщили, не должны пока выйти за пределы этих стен, да и для того, чтобы обезопасить вас от возможной мести со стороны динамитеросов, вам придется остаться в замке. Всего на несколько дней. Командор позаботится, чтобы у вас ни в чем не было недостатка, в том числе и в воздухе.

Когда индейцы выходили из комнаты, в их глазах светилась робкая надежда.

— Итак, господа, мы продвинулись еще на один шаг. — Мак-Харрис был явно доволен собой. — Как, по-твоему, Санто, недурно я справляюсь с делом?

— Как заправский полицейский! — похвалил Командор, но в его голосе я уловил тень насмешки.

— Жаль, что Бруно Зингера больше нет с нами... Да пребудет с ним милосердие божье. Он унес с собой в могилу важную тайну. Но мы до нее доберемся. Вот что, Санто, пошли-ка своих людей к нему домой. Пусть проверят, не прячут ли динамитеросы чего-нибудь у него в подвале. И пусть доставят сюда любую бумажонку, тетрадку, папку, какую только обнаружат!

Командор тут же отдал необходимые распоряжения.

— А теперь, мой дорогой друг Искров, — обратился Мак-Харрис ко мне, — займемся, наконец, вами. Надеюсь, вы позволите мне называть вас своим другом. За эти несколько дней мы вместе пережили столько, что, можно сказать, навеки соединили наши судьбы — к счастью или к несчастью для обоих... Отныне вы главная фигура в нашей борьбе против Маяпана. Если только он — главная фигура в лагере тех, кто угрожает нам энерганом.

На экране появился сигнал, предваряющий важные сообщения. А вот и первое:

«Сегодня в полдень вспыхнула забастовка рабочих химической промышленности. Руководство профсоюза еще не сформулировало окончательно свое отношение к энергану. Часть лидеров категорически возражает против его использования, так как, по их мнению, это обрекло бы на безработицу не менее двух миллионов человек».

Новое сообщение:

«Сегодня к полудню на биржах Нью-Йорка, Мюнхена, Амстердама, Брюсселя, Парижа, Токио, Рио-де-Жанейро, Милана и Буэнос-Айреса произошло новое, катастрофическое падение курса акций «Альбатроса». Паника с каждым часом нарастает».

И еще одно:

«Нефтяные компании стран Азии, Африки и Америки выражают свою солидарность с компанией «Альбатрос» в ее борьбе против так называемого энергана и готовы оказать президенту «Альбатроса» необходимую поддержку. В качестве первого шага они предоставляют «Альбатросу» краткосрочный заем в размере одного миллиарда долларов для пресечения попыток биржевых спекулянтов обесценить его акции».

Обожженная щека Мак-Харриса слегка дрогнула:

— Полюбуйтесь-ка на этих деятелей, — презрительно бросил он. — Видите, Искров, как напугал их ваш маленький жрец.

Между тем на телеэкране появлялись все новые строки. Они отражали психоз, охвативший не только Веспуччию, но и весь мир, и соединяли в себе одновременно растерянность, страх, неверие и надежду. Последним передали следующее обращение:

«Федерация борцов за чистоту планеты обращается к создателям энергана с призывом предоставить в ее распоряжение патент на производство этого вещества или лицензию на его распространение. Федерация принимает на себя обязательство производить и распространять энерган исключительно в мирных целях, надеясь, что он будет способствовать очищению планеты от вредных веществ, которые угрожают жизни на Земле. Федерация готова уплатить создателям энергана символическую сумму в размере одного доллара, а в случае если они будут настаивать на уплате в рамках норм международной торговли, согласна объявить международную подписку, которая, по самым скромным подсчетам, даст сумму в 500 миллионов долларов. Федерация надеется на положительный ответ. По поручению федерации президент профессор Луис Моралес».

Экран погас. Мак-Харрис с раздражением произнес:

— Левые на теряют времени. Полмиллиарда долларов! Или один символический доллар! Как трогательно! Помяните мое слово, скоро подадут голос разные религиозные секты, дамские благотворительные общества, юные бойскауты... Надо отдать должное нашему сиятельному Князю — его идея опередила всех этих краснобаев. Он прав: есть лишь два способа обезвредить энерган — завладеть им, купить или

уничтожить. Мы его купим, однако не за пятьсот миллионов, а иначе... И посредником в этой сделке будете вы, Искров.

Хоть в глубине души я и ожидал чего-нибудь в этом роде, признаться, предложение отнюдь не пришлось мне по вкусу. Я понимал, что с каждым часом меня все сильнее затягивает клубок сложных взаимоотношений «бизнес — политика — полиция», причем я становлюсь пешкой в этой игре, бессильный принять самостоятельное решение. Мой мозг уже не в состоянии был охватить весь ход событий последней недели. Помимо собственной воли я стал свидетелем зловещих маневров, кровавых допросов и убийств, провокаций, обмана. Проник за кулисы, в ту потайную сферу, где решаются судьбы миллионов людей. Более того, стал не только свидетелем, но как бы и соучастником происходящего. Согласись я и дальше оставаться орудием в руках Мак-Харриса, безропотно исполнять его волю, я стал бы презирать себя. С твердым намерением отказаться, чего бы мне это ни стоило, я ответил:

— Не понимаю вас, сеньор Мак-Харрис. Я всего лишь рядовой журналист. Никогда не занимался бизнесом. Не имею ни малейшего представления о финансовых операциях. Прошу вас, не рассчитывайте на меня, я могу лишь провалить ваши планы.

— Но, дружище, — удивленно, но вполне доброжелательно сказал он, — от вас этого никто и не требует. Финансовые переговоры, заключение сделки я беру на себя. В отличие от вас у меня достаточный опыт на ниве бизнеса. Ваша задача единственно в том, чтобы установить личный контакт с Доминго Маяпаном и прочими деятелями «Энерган компани», выяснить их требования, выслушать ответ — и только. Кроме вас, никто с этой миссией не справится.

Должно быть, я проявил преступное легкомыслие, но в ту минуту все мои сомнения, страхи и угрызения

совести испарились. Снова встретиться со старым индейцем, познакомиться с человеком по имени Белый Орел, своими глазами увидеть, где они обитают и работают, как производят энерган, проникнуть в организацию, которая распространяла новое горючее, не оставляя никаких следов, — такая ошеломляющая перспектива точно хлыстом подстегнула мое журналистское рвение. А возбужденная фантазия рисовала продолжение повести. Нет, не вымышленной повести, а документального репортажа, рожденного самой действительностью. К тому же я тешил себя мыслью, что участием в переговорах с создателями энергана хоть как-то смогу помочь нашему безумному миру.

Впрочем, только ли эти соображения перевесили чашу весов? Скорее всего, решающую роль сыграла та жажда приключений, которую прежде я утолял с помощью книг и утратил в эпоху страха, покорности, террора. И безработицы.

— Но как же мне найти Доминго Маяпана? — спросил я, полностью капитулировав перед Мак-Харрисом.

— У меня родилась одна идея, как выразился бы наш обожаемый Князь, — с улыбкой ответил он.

И тут меня словно кто-то дернул за язык:

— А если я сбегу? Или останусь у Маяпана?

Полуопущенное веко над стеклянным глазом приподнялось, в здоровом глазу сверкнула насмешливая искорка.

— Вы никогда этого не сделаете, Искров. Вы человек разумный, я это понял, когда впервые увидел вас. Вы реалист. Вы не сбежите, потому что это бессмысленно...

«Реалист»! Нередко это слово служит синонимом труса и приспособленца.

— Кроме того, — как бы между прочим вставил Командор, — ваши дети вот уже два дня находятся в

доме Службы безопасности на Снежной горе... Не волнуйтесь, чувствуют они себя превосходно, ни в чем не нуждаются, им там куда лучше, чем на жалкой туристской базе министерства просвещения. Если хотите, можем отправить туда и вашу супругу. Разумеется, она будет нашей желанной гостьей...

Это не люди, а сущие дьяволы!

— Надеюсь, с ними не случится ничего плохого, — с трудом выговорил я.

— Какие могут быть сомнения! — воскликнул Мак-Харрис. — А если во время вашей миссии вы столкнетесь с осложнениями и с вами что-то случится... Ну, скажем, что-то непредвиденное... мы позаботимся, чтобы ваши близкие до конца своих дней ни в чем не знали недостатка. Слово Эдуардо Мак-Харриса. Договорились?

Я промолчал.

Недаром же он назвал меня реалистом.

Часть третья

Белый Орел и Алехандро Маяпан

1. Миссия в Тупаку

Над нами было небо — изумительное, лазурное небо. Последний раз я видел такое небо семь лет назад, когда пролетал над Огненной Землей. Чистое, словно только что родившееся, солнце медленно плыло за нами, и его лучи пронизывали самолет насквозь.

А под нами был такой же необозримый, как небо, смог, затянувший землю серым, грязным полотнищем.

Кое-где оно было потоньше, и тогда можно было видеть, что мы летим над пустыней, вдалеке от городов и селений. Иногда проглядывали контуры кирпичнокрасных скал, похожих на древние пирамиды, глубокие каньоны между ними и даже тонкие извилистые ленты шоссеиных дорог. Но затем стайфли вновь плотно заволакивал все вокруг — верный признак, что мы пролетаем над промышленными районами.

Неуклюжий самолет медленно продвигался вперед. Это был один из последних могикан самолетостроеия восьмидесятих годов, обслуживавший дешевые авиалинии между Америкосити и горными областями в глубине страны. Такими самолетами пользуются в основном индейцы — жители Скалистого массива, рабочие-нефтяники, мелкие государственные служащие. К услугам апперов современные ракетопланы, обладающие в пять-шесть раз большей скоростью.

Пассажиры нашей допотопной машины, почти все в грубошерстных цветных пончо, жевали кукурузные лепешки домашней выпечки и отхлебывали из плоских фляжек воду, которую они прихватили в своих затерянных в горах селениях. Эта вода, разлитая в бутылки с яркими этикетками, продается в Америкосити в специализированных магазинах вместе с консервированным воздухом со Снежной горы.

Кроме меня в самолете было человек семь белых, главным образом техники с нефтепромыслов в Тупаку. Я выдавал себя за коллекционера древних индейских памятников, вздумавшего ознакомиться с последними находками археологов. Темные очки, острая борода, светлые волосы и плоский чемоданчик придавали мне вид заправского Джеймса Бонда, знаменитого шпиона-супермена, которым лет сорок назад увлекались мальчишки.

Признаться, я был в приподнятом настроении, хотя и понимал, что моя миссия может окончиться весьма

печально. Но я радовался тому, что вырвался из стальных щупальцев Мак-Харриса и Командора, нахожусь далеко от «Конкисты» и того безумия, какое охватило Америго-сити. Чем ближе мы подлетали к Тупаку, тем больше высвобождался я из липкого кошмара последних дней и вновь чувствовал себя прежним Теодоро Искровым — энергичным, уверенным в себе журналистом, который, бывало, ради эффектного репортажа забирался в самые жгучие точки планеты. Мне предстояло увидеть моего знакомого с Двадцать второй улицы, alias Доминго Маяпана, и попытаться выяснить, что таится за всей этой историей с энерганом.

— Не желаете ли отведать лепешки, сеньор? Вкусная, жена испекла на дорогу...

Мой сосед справа, хилого вида индеец в цветном пончо поверх чистой рубахи и надвинутом на глаза сомбреро, протягивал мне лепешку. Я отломил кусок и подумал: уж не этот ли человек проводит меня к жрецу? А может, вон тот, что сидит в дальнем углу и не сводит с меня угольно-черных глаз? Или красотка-стюардесса, которая, проходя мимо, всякий раз дарит меня обольстительнейшей улыбкой? Я терпеливо ждал. И перебирал в уме все, что случилось со мной за последние недели и привело меня сюда, в этот раздрызганный самолет, в качестве представителя «Альбатроса», посланца самого Мак-Харриса.

...Поначалу я не мог и вообразить, каким образом он установит связь с жрецом. А он избрал самый простой и надежный способ: выпустил меня из «Конкисты», отослал домой без охраны, без слежки и, возможно, даже распорядился не прослушивать мой телефон. Этим он доказал, что хорошо знает человеческую природу, умеет влезть в шкуру своего противника и предугадать ход его мыслей.

Мак-Харрис не сомневался, что Доминго Маяпан

имеет в «Альбатросе» сообщников, которые информируют его обо всем. Разумеется, они рассказали ему о кровавой расправе над персоналом лаборатории, а также о том, что я нахожусь в «Конкисте». Те же люди наверняка сообщат ему и о том, что я на свободе. Более того, Мак-Харрис сделал так, чтобы о моем освобождении узнали газеты. Теперь он ждал ответных действий со стороны Двадцать второй улицы.

Первые дни после освобождения были для меня крайне неприятными. Журналисты осаждали мой дом, умудрились проникнуть даже в спальню. Однако обескураженные моим молчанием вскоре очистили территорию, и я мог спать спокойно. В целях конспирации я решил отпустить усы и бороду и теперь просиживал у телефона в ожидании нужного звонка. Как полагал Мак-Харрис, Доминго Маяпан непременно даст знать о себе. Ведь я был его единственной живой связью с «Альбатросом» и к тому же побывал в лапах Командора — следовательно, располагал важной информацией.

Расчет Мак-Харриса оправдался. На шестой день рано утром зазвонил телефон, и в трубке раздался мягкий, на этот раз мальчишески-восторженный голос жреца:

— Сеньор Искров, вы? Рад, что вы целы и невредимы.

— Я тоже рад вас слышать, доктор Доминго Маяпан.

— О, вам уже известно мое имя? Похвально. Впрочем, не так уж и трудно было его узнать, верно?

— Да, доктор Маяпан, нетрудно, — не без горечи сказал я, вспомнив изуродованное лицо Бруно Зингера. — Хотя кое для кого это кончилось трагически...

— Да, да, — сочувственно отозвался он. — Мне бесконечно жаль... Я не допускал, что они посягнут на

Бруно. Могли бы обойтись без этого. Но вы не пострадали?

— Нет.

— Так я и думал... Ну, сеньор Искров, какие задачи возложил на вас сеньор Мак-Харрис на сей раз? — Маяпан негромко засмеялся. — Держу пари на коробку энергана, что он жаждет вступить в контакт со старым жрецом и сделать ему потрясающее предложение прежде, чем «Альбатрос» пойдет ко дну.

Один ноль в его пользу.

— Он и в самом деле хочет встретиться с вами, — подтвердил я. — Хочет выяснить ваши намерения, чтобы знать, на какие ответные действия он может пойти в интересах народа.

— Какáя трогательная забота о народе!

— У Мак-Харриса совершенно конкретные предложения.

— Его предложения всегда конкретны. Даже очень. Мак-Харрис человек деловой, он никогда не тратит время на пустопорожние разговоры и неосуществимые планы. — Маяпан помолчал. Послышались приглушенные голоса — должно быть, он переговаривался с кем-то, прежде чем продолжать: — Мне тоже хочется встретиться с вами, сеньор Искров. Не только потому, что буду рад поблагодарить вас за лестный портрет, которым вы удостоили меня в своей повести, и за услугу, которую вы этой повестью оказали «Энерган компани», но еще и потому, не стану таить, что мы опять в вас нуждаемся... Что делать, волею судеб вы оказались свидетелем великого перелома в науке и, как мне кажется, в судьбе нашей страны. Вы нам нужны не менее, чем Мак-Харрису. В сущности, вы нужны Истории.

У меня по спине пробежал озноб: от торжественных слов о моей роли в Истории мне стало не по себе.

— Буду счастлив, если хоть теперь окажусь на

высоте своего долга перед Историей, — сказал я, заставив себя усмехнуться. — Потому что до сих пор был лишь марионеткой в ваших руках.

— Вы сожалеете об этом?

— Смотря по тому, какая роль мне уготована.

— Убежден, что она придется вам по душе. Ваш телефон прослушивается?

— Меня заверили, что нет.

— Возможно. Но если нас и подслушивают, тем лучше. Передайте Санто... Вам, конечно, известно, кого я имею в виду? Да, да, нашего общего знакомого, Командора. Так вот, передайте ему, что если мы обнаружим хоть какую-нибудь слежку, ни о каких контактах с Мак-Харрисом и речи не будет. Мы оставляем за собой право поступать по собственному разумению, невзирая на последствия.

— Я передам ему ваши слова.

— Рад, что с этим вопросом мы покончили. — В голосе Маяпана вновь послышались веселые мальчишеские нотки. — А теперь, сеньор Искров, с вами желает поговорить человек, известный вам по рассказам других людей и столь ярко описанный вами в повести.

Я наострил уши: мне впервые предстояло услышать еще одного представителя «Энерган компани».

— Добрый день, сеньор Теодоро Искров, — прозвучал в трубке теплый, бархатный баритон. — Рад с вами познакомиться, хоть и заочно.

У меня бешено забилося сердце — этот голос с мягкими обертонами, которые придавали ему такой волнующий оттенок, я уже однажды слышал! Именно он в то роковое воскресенье оповестил по радио «Динамитеро» о том, что энерган поступает в продажу! Не знаю почему, возможно из-за многозначительного предварения Маяпана, я связал этот баритон с образом индейца с набережной Кеннеди: мне живо представил-

ся статный красавец с длинной черной гривой, огненным взглядом и величественной походкой толтекского вождя.

— Я тоже рад познакомиться с вами, — сказал я. — Видимо, я говорю с человеком по имени Белый Орел.

Обладатель приятного баритона засмеялся, от чего его голос зазвучал еще бархатистее, напомнив своими интонациями голос Маяпана:

— Романтика, сеньор Искров, романтика... Белый Орел! Звучит героически. Мое настоящее имя гораздо скромнее. Впрочем, надеюсь, что вскоре у нас будет случай увидеться. А теперь послушайте меня внимательно: способны ли вы предпринять довольно продолжительное и дальнее путешествие?

— Лишь бы не до созвездия Андромеды! Не выдерживаю космических скоростей. У меня морская болезнь.

— Мы знаем, как с ней справиться. Превратим вас в концентрат, поместим в коробку из-под энергана, и в таком виде вы отправитесь в путь. А когда прибудете на место, растворим концентрат в воде, и вы восстановитесь в прежнем обличье.

— Вот каких высот науки вы достигли!

— Почему бы и нет? При любезном посредничестве «Альбатроса»... Успокойтесь, вам не придется лететь на Андромеду. Ваша цель немного ближе...

— Куда же? — нетерпеливо спросил я, предвкушая увлекательный вояж.

— Узнаете позже.

Я не настаивал.

— Сеньор Белый Орел — вы позволите так себя называть? — у Мак-Харриса есть к вам одно требование, — сказал я.

— Требование? Не слишком ли дерзко с его стороны?

— Вернее сказать, предложение, — поспешил я по-

правиться, хотя, как мне хорошо помнилось, Мак-Харрис произнес именно слово «требование». — Он предлагает, чтобы впредь до вашей с ним встречи вы прекратили... как бы это выразиться... продвижение энергана.

— Согласен! — тотчас ответил Белый Орел. — Пусть «Альбатрос» зализывает свои раны. Мы не из тех, кто топчет поверженного противника.

Вот в этом и была твоя роковая ошибка, милый Агвилла *, именно в этом...

Впереди показались белые, острые, как готические башни, заснеженные вершины Скалистого массива, а за ними конусовидная громада — вулкан Эль Волкан, главная достопримечательность Тупаку. Индейцы прильнули к иллюминаторам: ведь это был Эль Волкан, дающий людям тепло и плодородную почву, но порой и разрушающий их жилище, Эль Волкан, испокон веков вздымающий к небесам белый дым и время от времени изрыгающий огонь, освобождая свое раскаленное чрево.

Индейцы оживленно затараторили: наконец-то дома, вдали от столицы — омерзительного города, где нечем дышать, а когда хочешь промыть глаза, тебе вместо воды дают ватку, смоченную какой-то пахучей жидкостью.

При виде родных мест мой сосед пришел в такое возбуждение, что протянул мне флягу, на дне которой плескалась вода. Я отхлебнул. Это была минеральная вода «Эль Волкан» — предмет роскоши, доступный только апперам. Один ее стакан стоил три доллара.

Из динамика донесся голос стюардессы:

* Агвилла — орел (исп.).

— Вниманию пассажиров, через полчаса самолет произведет посадку.

В оставшиеся перед приземлением минуты я вновь мысленно вернулся к дням, предшествовавшим моему отъезду.

Белый Орел сдержал свое слово: поток энергана быстро иссяк. Это внесло некоторое успокоение, зато породило новую беду — энерган появился на черном рынке. Счастливицы, успевшие сделать запасы чудодейственного вещества, спешили перепродать зерна по фантастическим ценам. И хотя цены намного превышали стоимость обычного горючего, люди предпочитали энерган бензину — он был экономичнее, чище, да и отпадала надобность в дополнительных емкостях.

В свою очередь Командор прекратил преследование тех, кто пользовался новым горючим. Правда, он конфисковал немалые количества энергана, оставшиеся на многих предприятиях, невзирая на протесты владельцев, для которых зеленоватые зерна были поистине манной небесной.

Словом, в Америго-сити наступило относительное спокойствие. Пресса, радио, телевидение со смешанным чувством досады и облегчения на разные лады разрабатывали тему: «Все на свете имеет конец, и чудеса в том числе...» Журналисты писали:

«Надо полагать, запасы энергана иссякли, и мы вновь возвращаемся к привычной рутине — синтетическим продуктам, искусственным запахам и сверхдорогому бензину. Увы, «Альбатрос» несокрушим».

Акции «Альбатроса» вновь поползли вверх и почти достигли прежнего уровня. По этому поводу Дидерих Мунк не замедлил поздравить Мак-Харриса.

Только Федерация борцов за чистоту планеты хранила молчание.

Такое положение вещей вполне устраивало Мак-Харриса. Я убедился в этом, когда накануне отъезда посетил его кабинет на сто десятом этаже. Он был настроен философски.

— Как видите, Искров, все имеет свое противоядие. Даже энерган. Однако я не оболющаюсь. Я знаю, что предстоят новые осложнения, но уверен, что рано или поздно мы их преодолеем. Созданное человеком может быть человеком разрушено, а разрушенное человеком может человеком же быть восстановлено. Таково мое жизненное кредо. Что касается дальнейших ходов, то сейчас все зависит от вас — вы человек умный, но вас ждет встреча с не менее умными людьми.

При нашей беседе присутствовал Командор. Потягивая французский коньяк, мы обсудили возможные варианты предстоящих контактов с Доминго Маяпаном и таинственным Белым Орлом. Волнующим по-прежнему оставался вопрос: что же такое энерган — сенсация, эхо которой быстро заглохнет, или же его можно производить в неограниченных количествах в доступных производственных условиях? Если верно последнее, то мне предстоит выступить посредником крупнейшей сделки, масштабы которой превосходят массовую продажу Сальвадору американских самолетов или покупку Бразилией двадцати атомных электростанций Дидериха Мунка. Сделка, которая может иметь непредсказуемые, роковые последствия не только для человечества, но вообще для жизни на планете.

Анализируя мой телефонный разговор с Маяпаном и Белым Орлом, Командор предположил, что конечным пунктом моей поездки могут быть южные штаты Америки — Хьюстон или Даллас или же другие крупные центры нефтяной промышленности. Он еще раз заве-

рил меня, что я буду полностью свободен в своих действиях.

— Можете успокоить этого Маяпана, мы не станем следить за вами. Глупо было бы из-за полицейской рутины или ненужного любопытства срывать столь важные переговоры.

На прощанье он передал мне привет от моих сынишек, которые, по его словам, чувствовали себя отлично на Снежной горе, в доме Службы безопасности.

Я горячо поблагодарил его. Он принял мою благодарность как должное, даже глазом не моргнул.

Дома меня ждал взволнованный Панчо. Он был испуган, хоть и напускал на себя вид отважного конспиратора. Поманил меня во двор, затолкнул в гараж, но и здесь сохранял заговорщический вид.

— У меня есть кое-что для тебя, — шепнул он, вынимая из кармана небольшой конверт.

— Что это?

— Понятия не имею. Принес какой-то индеец, просил передать тебе в собственные руки.

Я вскрыл конверт. В нем лежал паспорт на имя Мартино Дикинсена и удостоверение Торговой палаты Америкосити о том, что Мартино Дикинсен занимается торговлей старинными рукописями и антиквариатом. И небольшая записка, где печатными буквами значилось:

«В пятницу днем сядете на самолет в Тупаку. Остановитесь в гостинице «Эль Волкан». Записку сожгите. Доктор М.»

Стюардесса оповещала, что через десять минут самолет произведет посадку на аэродроме Тупаку.

— Прошу пристегнуть ремни и не курить.

Я загасил сигарету и вспомнил, с каким упреком

взглянул на меня профессор Моралес, когда я при нем закурил:

— Можно ли пускать ядовитый табачный дым, когда наша бедная страна и без того корчится в предсмертных судорогах стайфлита?

2. Миссия в Тупаку и встреча с Луисом Моралесом

Я не хотел принимать его у себя дома, я вообще никого не хотел видеть перед отъездом, но он так обрывал телефон, таким умоляющим тоном уговаривал Клару, что я сдался.

Профессор Луис Моралес — президент Федерации борцов за чистоту планеты, выдающийся биолог и медик. За открытие вируса стайфлита и антитела, которое легло в основу стайфлизолоа, ему была присуждена Нобелевская премия. В последние годы он отошел от медицинской практики и целиком отдался делу охраны планеты от губительного загрязнения. «Что толку оперировать по пять стайфлитозных больных в день, когда на улицах умирают сотни других? — говорил он. — Необходимо искоренить само зло, стайфли, а заодно и всю синтетику, пагубную для естественного развития человечества!»

Личность Моралеса вызывает одновременно и восхищение и сострадание. Быть может, поэтому, даже когда его деятельность высмеивают в прессе, самого Моралеса изображают с нимбом святого вокруг головы. Он возглавляет общество идеалистов, ставящих своей целью словом изменить реальность. Подобно энтузиастам, ведущим борьбу с алкоголем посредством брошюр, бесед и наглядных картинок, между тем как алкоголизм растет в геометрической прогрессии, борцы за чистоту планеты пытаются повлиять на сознание людей, привлечь их внимание к загрязнению природы.

И это в условиях, когда вокруг, как грибы, вырастают новые промышленные чудища, изрыгающие дым, копоть, ядовитые вещества, порождающие стайфли, ибо их владельцам нужны прибыли, да и людям не обойтись без еды, питья, одежды. Порочный круг, из которого, казалось бы, нет выхода...

Энтузиастов оздоровления среды немало, но они не обладают внушительными силами, их называют донкихотами. Не удивительно, что апперы не удостоивают их внимания. У них нет средств, нет влияния в правящих кругах. Правда, в последние годы, когда стайфли стал особенно опасным и стайфлитозные заболевания угрожают даже плоду в материнской утробе, федерация сумела провести два закона по охране окружающей среды, но они так и остались на бумаге. Впрочем, если бы даже они и вступили в силу, особой пользы от них вряд ли можно было ожидать. Слишком далеко зашло дело. Единственное, что удалось осуществить, — это периодически отправлять детей в горы. Разумеется, за плату.

И все-таки профессор Моралес не сдавался и с упорством ученого-экспериментатора, способного исследовать особенности какого-нибудь вируса на протяжении нескольких десятков лет, продолжал свои попытки воздействовать на сознание людей.

Сейчас он сидел напротив меня — старомодно одетый пожилой человек, поразительно похожий на знаменитого доктора Швейцера, гуманиста середины века, который забирался в африканские джунгли, чтобы лечить негритят от холеры. У него лицо пророка, глаза проповедника, руки хирурга. Услышав его слова о ядовитом дыме, я смял сигарету в пепельнице. Признаться, не без сожаления — не часто случается курить натуральный табак.

— Чем могу служить, профессор?

— Я приготовил длинную речь, но сейчас, когда

увидел вас, все громкие слова вылетели у меня из головы.

— Мой вид так изменил ваши намерения? — удивился я.

Глаза под насупленными бровями улыбались, и это придавало суровому лицу профессора выражение безграничной доброты.

— Вы представлялись мне продажным писакой, одним из прислужников Мак-Харриса... особенно когда я прочел вторую часть вашей повести. В ней вы практически зачеркнули правду, какая содержалась в первой.

— Что же заставило вас изменить свое мнение?

— Я почувствовал, что вы неплохой человек и не бесчестный. Но вам, вы уж извините, не хватает принципиальности, вы чересчур импульсивны. Видимо, это и толкает вас на ложный путь, неправильные поступки. Типичный холерик.

Мне не впервые приходилось слышать о себе подобные слова, и, если быть до конца честным, такая характеристика имеет под собой основания. Я знаю свой главный недостаток (впрочем, недостаток ли это?): горячность, возбудимость, которую кое-кто склонен называть неустойчивостью характера...

— Быть может, вы и теперь ошибаетесь, профессор? — сказал я.

После всего, что стряслось в последние дни, мне важно было знать, что думает обо мне такой человек, как Моралес.

— Едва ли. Не забывайте, что я медик и знаю человеческую природу. Поэтому буду с вами совершенно откровенен.

— Очень рад.

Я чуть было не добавил: «Только не рассчитывайте на откровенность с моей стороны».

Он пристально посмотрел на меня. Я с трудом выдержал его взгляд.

— Вы, вероятно, слышали, — начал он, — о нашем обращении к создателям энергана.

— Слышал, — подтвердил я, вспомнив часовню в «Конкисте». — Символический доллар или пятьсот миллионов.

— Однако ответа мы до сих пор не получили.

— Искренне сожалею.

— И начинаем опасаться, что нас кто-то опередил.

— Кто же? — спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

— Тот, у кого больше денег, чем у нас, неизмеримо больше.

«Как вы правы!» — чуть было не сорвалось у меня с языка, но я промолчал: не исключено, что нас подслушивают. Заверения шефа полиции немногого стоили.

Профессор Моралес снова испытующе посмотрел на меня, пытаясь в моем молчании угадать ответ на свой вопрос.

— Не стану вас допрашивать, — сказал он. — Я ведь не полицейский. И здесь не «Конкиста». Я лишь спрошу вас как человек человека: вы можете помочь нам?

Я еле сдержался, чтобы не воскликнуть «да», и в свою очередь спросил:

— Как прикажете понимать ваши слова?

— Очень просто. Вы единственный, кто имел прямой контакт с Двадцать второй улицей, по крайней мере так вы утверждали в своей повести. Допустим, что вы вновь установите такой контакт. Еще раз получите от них письмо или старый жрец каким-то образом обратится к вам. Особенно после того, как вы побывали в «Конкисте»... Это ведь не исключено?

Я с трудом сдержал улыбку: Моралес почти слово

в слово повторял гипотезу своего противника Мак-Харриса.

— Скажите, профессор, разве федерация отказалась от своих традиционных средств борьбы? Я имею в виду борьбу за умы и сердца людей.

— Нет, от этого мы никогда не откажемся. По нашему глубочайшему убеждению, это самые верные и эффективные средства. Сердце, завоеванное убедительным словом, неизмеримо дороже сердца, приобретенного силой. Но, увы, средства убеждения, которыми мы располагаем, не столь скорые, а сейчас времени терять нельзя: планета на пороге гибели.

— Вы не преувеличиваете, профессор?

Он взглянул на меня так, словно удивился моему недомыслию.

— И это спрашиваете вы, автор повести «Энерган»? Да разве вам неизвестно, что самые плодородные земли уже бесплодны, реки и источники отравлены, что в морях и океанах флора и фауна уничтожены, а воздух в городах скоро станет полностью непригодным для легких и нам придется постоянно носить кислородные маски? Разве вы не видите, что стайфли разъедает мрамор и бронзу, каменные здания — будь то старые или возведенные недавно, разрушает произведения искусства и легкие младенцев? Что из-за этого чудовищного смога вполнину снижена активность ферментов, играющих жизненно важную роль в обмене веществ? Что леса чахнут, животный мир в них гибнет, что на планете почти не осталось птиц? Неужели вам неизвестно, что самолеты, летающие на высоте нескольких тысяч метров, сжигают сотни тонн кислорода, а опустошенные леса не в состоянии его восполнить? Разве вы не знаете, какие губительные последствия имеют испытания атомного оружия и до какой степени биосфера Земли насыщена радиоактивными веществами? Вам никогда не приходилось слышать

об авариях на атомных станциях, в результате которых все живое гибнет на сотни километров вокруг? Неужели вам надо напоминать о том, что загрязнение атмосферы сокращает озоновый пояс Земли — защитную броню от солнечной радиации? И что тепловой баланс планеты необратимо нарушен? Увы, единственная надежда сейчас на чудо, и это чудо — энерган!

Надежда...

Надежда, которую Мак-Харрис хочет уничтожить в зародыше!

Профессор Моралес произнес свою обличительную речь на одном дыхании, со страстью и вдохновением проповедника. И хотя в его аргументах не было для меня ничего нового — иные из них я и сам использовал в своей повести, — в эти минуты они подействовали на меня как удар током.

— Допустим, что я и в самом деле свяжусь с Двадцать второй улицей и сумею убедить их отдать патент на производство энергана федерации, — задумчиво произнес я. — Что дальше?

— Как что? — изумился Моралес. — Неужели вы не понимаете, какую услугу сможете оказать нашей несчастной планете? Да вам за это памятник при жизни поставят!

— Вы полагаете, что, получив патент, сумеете наладить производство энергана и распространять его по обычным торговым каналам?

— Почему же нет, сеньор Искров?

«Этот большой ученый наивен, как ребенок, — подумал я. — Но, черт подери, до каких пор реализм будет отождествляться с низменным практицизмом и приспособленчеством? До каких пор Санчо Панса будет брать верх над Дон-Кихотом? Однако как объяснить этому человеку с лицом пророка, что если федерация отважится изготовить хотя бы несколько килограммов энергана, ее тут же разорвут на куски нефтяные аку-

лы, волки из «Рур Атома» и прочие хищники?»

— Разве вы не видели, профессор, какую реакцию вызвало в этом зверином логове появление энергана? Не слышали о расстрелах на проспекте Дель Принчипе? О переполненных тюрьмах? О грозных предупреждениях Командора? О нефтяных магнатах и Дидерихе Мунке?

На все мои вопросы Моралес ответил с присущей ему убежденностью:

— Если нам удастся изготовить и распространить хотя бы несколько килограммов энергана, народ пойдет за нами, и Командор будет сметен!

«Осторожнее, профессор, тут могут быть установлены микрофоны!» — подумал я, а вслух сказал:

— Вы говорите те же слова, что и Рыжая Хельга.

— В случае необходимости мы и действовать будем, как она! — твердо сказал он.

Я негромко кашлянул. Он понял намек, скользнул взглядом по стенам, словно отыскивая спрятанную аппаратуру, и торопливо продолжил:

— Я, разумеется, не политик, наша деятельность вообще не имеет никакой политической окраски, она преследует единственную цель: охрану биосферы. Мы экологи, не более того. Но я совершенно убежден, что когда федерация станет законным владельцем энергана, каждый разумный человек, включая Командора и всех прочих — от «Альбатроса» до «Рур Атома», будет с нами. Потому что речь идет о самом существовании человечества, в том числе Мак-Харриса и Дидериха Мунка, о жизни их детей...

Знал ли этот доверчивый человек, в каких условиях живут Мак-Харрис и Мунк, каким воздухом они дышат, какую воду пьют, какой пищей питаются? Допускал ли, что их никак не волнует судьба человечества? Нет, судя по всему, профессор Моралес, прославленный ученый и страстный приверженец

красивой идеи, не очень разбирался в человеческой природе. Но сердце его было преисполнено любви к людям.

— Вы верите в разум, — сказал я. — В человека.

— Верю! Твердо верю. И кроме того... — он умолк, снова взглянул на стены и продолжал вполголоса, опасаясь микрофонов: — Кроме того, «там», насколько мне известно, пытаются, и небезуспешно, жить по законам разума.

Уж не ослышался ли я — профессор Моралес делает политические выводы! Ну и ну! Ведь «там» означало «на Острове» и в тех странах, одно упоминание о которых вело напрямик в застенки «Конкисты». Я промолчал, а он не отступался:

— Вы обещаете помочь нам, сеньор Искров?

— Боюсь, что я не скоро увижу людей, о которых вы говорите, — бесстыдно солгал я. — Но если увижу, то попытаюсь...

— Вы даете мне слово?

— Да.

Я более не заботился, подслушивают нас или нет. А потом сделал то, что удивило меня самого и полностью подтвердило мнение профессора Моралеса о Теодоро Искрове: заполнил чек на пятьдесят тысяч долларов — полученный от Мак-Харриса гонорар — и протянул ему. Я ведь человек импульсивный...

— Для вашей федерации, — сказал я. — На печатание брошюр и плакатов.

Он, ничуть не удивившись, сунул чек в бумажник. Даже не поблагодарил. Затем вынул из кармана доллар:

— Возьмите, — сказал он. — И передайте жрецу с Двадцать второй улицы.

Едва самолет приземлился на аэродроме Тупаку, индейцы ринулись к трапу. И я взял свой чемоданчик,

в котором лежали документы на имя Мартино Дикинсена, две сорочки, смена белья, зубная щетка. Я думал о том, что если и в самом деле увижу жреца, непременно расскажу ему о федерации.

Потому что дал слово настоящему Человеку.

3. Тупаку и Эль Волкан

Когда-то этот аэродром был одним из самых оживленных и по-современному оборудованных в стране. Он обслуживал область, которая еще два-три десятка лет назад была центром туризма. Сюда приезжали отовсюду, чтобы побродить по живописным плато Скалистого массива, вскарабкаться на его крутые вершины, увидеть руины древних индейских царств, купить глиняных дощечек, а в довершение всего подняться к кратеру вулкана и бросить на счастье монетку.

Нынешний аэродром — это несколько полуразбитых взлетных дорожек, по которым с трудом, подсакивая на ухабах, катятся самолеты. Три-четыре машины и автобуса дожидались редких гостей — туристы почти не заглядывают в эти края из-за смога, который завладел городом и окрестностями. Вместо мастерских, где изготовляли сувениры, и лавчонок, полных глиняных статуэток, сейчас высятся заводы по производству синтетических продуктов, металлургический комбинат, обогатительные фабрики для цветных металлов и другие промышленные предприятия. Деревья на улицах высохли, травы не стало, озеро превратилось в грязное болото, куда не смеют сунуться даже чудом уцелевшие лягушки... И куда ни кинь взгляд — всюду нефтяные вышки, а по шоссе и железным дорогам на нефтеочистительные заводы и в порт Америкосита мчатся тысячи цистерн с нефтью «Альбатроса».

За последние недели я уже привык к воздуху,

богатому кислородом, а в кабинете Мак-Харриса на сто десятом этаже и в часовне «Конкисты» — даже к воздуху, напоенному сосной, поэтому стайфли подействовал на меня особенно угнетающе. Конечно, можно было надеть маску, но я боялся, что тогда те, с кем я должен встретиться, меня не узнают. Я даже не все лицо закрыл мокрым платком и нарочно вертел головой, чтобы меня заметили. Напрасно — никто ко мне не подошел.

Индейцы торопливо рассаживались в автобусах, стремясь поскорее уехать к себе в горы. Нефтяники взяли такси. Укатила и стюардесса, и индеец в шерстяном пончо. Перед тем как подняться в автобус, он успел мне сказать, что в его родном пуэбло («Называется "Тьерра Калиенте", то есть горячая земля, сеньор») есть множество интересных находок.

— Думаю, они вас заинтересуют. Несколько лет назад ученые из Британского музея вели неподалеку раскопки и нашли под землей уйму камней и глиняных сосудов. Спросите Боско, по прозвищу Эль Камино* — так меня называют из-за того, что я много разъезжаю, сеньор.

Я обещал при случае непременно заглянуть к нему. И, остановив такси, отправился в город.

Осторожности ради я время от времени оборачивался — нет ли за мной «хвоста», однако ничего подозрительного не заметил. Таксист тоже не обращал на меня особого внимания. В машине одурманивающе пахло бензином, но когда я хотел открыть окно, шофер остановил меня:

— Не открывайте, сеньор, за окном еще хуже.

— Очень пахнет бензином.

— А как же? Снова перешли на бензин. Всего десять дней и прожили по-человечески... Мы получали

* Эль камино — дорога (исп.).

энерган из Америго-сити. Но запасы кончились, и теперь опять вонища.

— Много здесь было энергана? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Да, немало. Правда, часть прибрала к рукам полиция, часть — дельцы с черного рынка, а остальное мы израсходовали. — Он тоскливо вздохнул. — Славное времечко было, доложу я вам! Ни тебе очередей перед заправкой, ни запаха, к тому же дешежка!

— Может, опять появится? — словно бы невзначай обронил я.

— Вряд ли, сеньор, вряд ли... — Таксист бросил на меня быстрый взгляд, как бы проверяя, можно ли быть со мной откровенным. — С того дня, как прикончили доктора Зингера, знаменитого химика из «Альбатроса», энергана больше нет. И не будет.

— По-вашему, это он изобрел энерган? — Я изумился: такой версии мне не доводилось слышать.

— А кто же еще, сеньор? Он ведь был самым большим ученым в Америго-сити, работал в самой большой в мире лаборатории. Только он и мог придумать такую замечательную штуку.

— Но зачем ему было это делать втайне? Да еще поплатиться собственной жизнью?

Хотя кроме нас в машине никого не было, таксист наклонился ко мне и шепнул:

— Потому что он был динамитеросом.

— Динамитеросом?! Доктор Зингер?

— Ну да. Это все знают.

— Почему же тогда динамитеросы его убили?

Он хмыкнул:

— Вы и вправду верите, что его убили динамитеросы?

— По крайней мере так сообщала полиция. Да и газеты...

— Оставьте вы это жулье, газетчиков! Сегодня пи-

шут одно, завтра другое... Взять хотя бы Теодоро Искрова, того, кто первый написал про энерган. Я трижды перечитывал его повесть, на первой части просто обмирал от удовольствия, зато вторая часть настоящее барахло. Тоже, между прочим, динамитерос.

— Кто? — Я чуть не подскочил.

— Тедди Искров, кто же еще! Он потому и написал эту свою вещичку, чтобы заранее разрекламировать энерган и помочь доктору Зингеру распродать его. А когда наш всемогущий Санто слопал того беднягу с потрохами, этот горе-писака лапки кверху и насочинял всякого вранья. Вот так оно и есть, сеньор, так оно и есть, не удивляйтесь!

Я более ничему не удивлялся. Только поправил на носу очки и плотнее прикрыл лицо платком. И ломал себе голову, пытаюсь понять: уж не Мак-Харрис ли распространяет эту версию, пытаюсь развеять легенду о старом индейце и Белом Орле и тем самым навсегда похоронить «надежду человечества», которой он боится пуще всего на свете. Доктор Зингер — динамитерос! Теодоро Искров — динамитерос! Не правда ли, удобнее всего сделать динамитеросов козлом отпущения, приписать им все бедствия современной цивилизации. Террористы, убийцы, поджигатели, похитители, кровопийцы, воры! Рыжая Хельга — фанатичка, ненавидящая род человеческий, Эль Капитан — главарь секты безумцев... Очень, очень удобно! Так удобно, что если бы динамитеросов не было, их следовало выдумать.

Мы подъехали к самому большому в городе отелю «Эль Волкан». Вход был ярко освещен, но, к счастью, когда я расплачивался и мне пришлось отнять платок от лица, таксист смотрел на деньги, а не на меня. В последнее время я довольно часто маячил на телеэкране, а бородка вряд ли очень уж изменила мою внешность, поэтому, подхватив чемоданчик, я быстро нырнул в подъезд. Таксист проводил меня задумчивым

взглядом. «Не кинется ли он в полицию с доносом, что Теодоро Искров, крупный динамитерос, прибыл в Ту-паку с неизвестной миссией?» — мелькнуло у меня в голове.

Однако в холле меня никто не задержал и даже не удостоил особого внимания. Я записался в книге приезжих под именем Мартино Дикинсена, снял номер на тридцать первом этаже — с постоянным поступлением кислорода и даже с душем, который за серебряную монету давал воду в течение минуты. Телефон там тоже имелся, и я битых два часа прождал в надежде, что он зазвонит. Но никто не звонил, и я спустился в ресторан поужинать. Как и всюду в стране, здесь кормили только синтетическими белками. Я почти не притронулся к еде — во рту еще сохранился вкус жареного натурального картофеля, которым Клара накормила меня перед отъездом. И снова принялся ждать.

Но никто не подошел к моему столику, кроме официанта — высоченного индейца в смокинге, который едва застегивался на его мощной груди. Он молча подавал мне блюда и только под конец, заметив, что принесенный торт остался нетронутым, осведомился, не пожелаю ли я чашку натурального кофе. А пока я наслаждался ароматным напитком, за соседним столиком мне без устали улыбался какой-то в дымину пьяный лысый толстяк с умопомрачительно ярким галстуком-бабочкой. Должно быть, подыскивал собутыльника.

Я устал, меня клонило ко сну, не хотелось навязчивого общества, но курносый толстяк бесцеремонно, без разрешения, пересел ко мне и с места в карьер начал пространно рассказывать, как днем поднимался к кратеру Эль Волкана, кинул в дыру доллар и сколько натерпелся при этом страху...

— Глядишь, из-за меня может произойти земле-

трясение, а? — смеялся он залихватным, заразительным смехом.

Назвался он Дугом Кассиди, сказал, что он из Нью-Йорка, преподает испанский язык, а в Веспуччию приехал, чтобы усовершенствоваться в испанском и еще потому, что прочие туристские объекты ему не по карману.

— И честно говоря, здесь дышится лучше, чем в Нью-Йорке. Не верите? В Нью-Йорке такой смог, что, когда выходишь из дому, впору надевать космический скафандр и освещать себя фарами, ха-ха! А в Токио, в Токио вы бывали? Там еще хуже. Хоть бери с собой нож и при каждом шаге вспарывай смог — идешь, точно в туннеле... Хи-хи-хи! А нарезанный кубиками смог можно пустить на переработку как вторичное сырье для получения ценных химикалиев, ха-ха!

Бывал ли он в Америкосити? Только разок, проездом, от одного рейса до другого.

— А вы, осмелюсь спросить, чем занимаетесь? Антиквариатом? Старинными рукописями? Как интересно! Я иногда заглядываю к букинистам, покупаю кое-какие книжонки, например об этом забавном индейском храме, где разные фигурки, весьма поучительные для нашего брата, хи-хи.

Неумолчная трескотня американца быстро мне наскучила, и я поднялся к себе — правда, лишь после того, как пообещал ему встретиться на другой день и вместе побродить по городу: ему, мол, любопытно посмотреть на предметы старины.

Придя к себе в номер, я снял пиджак и включил телевизор. Передавали обзор важнейших событий последних дней: отъезд Князя и его супруги в соседнюю страну для заключения военного пакта с тамошним диктатором; дебаты в ООН по вопросу запрещения испытаний атомных бомб; очистка от нефти залива у берегов Америкосити и, конечно же, результаты «Аферы

"энерган"». Крупным планом на экране проплывали разбитые машины, якобы заправленные энерганом, взорванные паровые котлы, сгоревшие гаражи. Показали также груды коробок с зернами энергана, которые конфисковала полиция. Диктор вещал о том, что власти не знают, как от них избавиться. Если утопить в море — вода будет отравлена, поджечь — может произойти мощнейший взрыв. Кое-кто предлагал зарыть зерна в бывших соляных шахтах под Снежной горой. Но, как стало известно, военные затребовали энерган для изготовления особых зажигательных бомб. Итак, средство, предназначенное для спасения человечества, превращалось в орудие его уничтожения...

В заключение еще раз показали многолюдные похороны Бруно Зингера. Во главе торжественной процессии шествовал Мак-Харрис в трауре, с ним рядом сын, тоже в черном — тоненький, длинношей юноша с бесцветными волосами. А следом все научные сотрудники, которых в ту кошмарную ночь привезли в «Конкисту». Произносились речи о вкладе покойного в отечественную науку, о его открытиях в области химии. Предавались анафеме динамитеросы, посягнувшие на жизнь одного из самых выдающихся сыновей отечества... Большинство присутствовавших были в защитных масках, их снимали лишь для того, чтобы выразить соболезнование безутешной вдове и бросить в свежую могилу горсть земли.

Неожиданно все вокруг закачалось, зашаталось, задрожало. В первое мгновение я не мог понять, что происходит. Откуда-то снизу донесся грозный гул — казалось, тысячи катков через десятки этажей пробиваются ко мне из земных недр. Слышался оглушительный скрежет, будто кто-то вспарывал гигантскими ножницами металлические конструкции небоскреба. Дверь в ванную бешено захлопала. Телевизор на низкой подставке закачался из стороны в сторону. Упал

на пол и вдребезги разбился графин с водой, по полу взад-вперед, в одном ритме с подземными толчками, заскользили ручейки.

Я вскочил, заметался по комнате, выглянул в окно. Здания напротив отеля качались, словно детские картонные игрушки. Городской Индикатор стайфли изгибался, как пружина. Внизу в панике проносились машины, толпы людей бежали к соседней площади.

А над небоскребами, далеко-далеко позади, взлетал к небу багровый огненный столб и, не достигнув звезд, распадался на бесчисленные ручейки из лавы, искр, раскаленных камней и светлого дыма. Дух захватывало от этой величественной красоты! Началось извержение Эль Волкана.

Однако было не время для восторгов: в коридорах отеля раздались сигналы тревоги. Голос из динамиков предупреждал постояльцев о необходимости немедленно спуститься вниз и направиться к площади Фонтанов. Пользоваться лифтом категорически запрещалось. «Без паники, — повторял голос. — Отель построен с соблюдением всех сейсмических правил. Без паники! Пользуйтесь лестницами! Быстрее, быстрее!»

Как ни странно, я не испытывал страха. Мной овладело какое-то тупое недоумение и чувство беспомощности, парализовавшее способность двигаться. Должно быть, потому, что я плохо переношу землетрясения. Случись пожар, его можно погасить, при наводнении можно выплыть. Когда же тебя застает землетрясение, ты просто лишен возможности что бы то ни было предотвратить. Остается только гадать: рухнет твой дом или соседний? Где разверзнется под ногами земля?

Сейчас раздумывать было некогда. Подгоняемый металлическим голосом, я бросился к лестнице. К счастью, она была очень широкая, к тому же и приезжих мало: отель пустовал. Тем не менее кругом

слышались крики обезумевших от страха людей. Сорокаэтажное здание по-прежнему раскачивалось, подземный гул не стихал. По лестнице с визгом бежали дети. Я тоже побежал.

Площадь Фонтанов, куда стекался народ, была забита постояльцами отеля, случайными прохожими, полицейскими. Кое-кто был одет наспех, а кто и вовсе выскочил в пижаме или в халате. Некоторые догадались захватить с собой чемоданы. Мой же остался в номере. К моему крайнему удивлению, жители соседних домов оставались у себя, а многие даже не без насмешки наблюдали из окон за паникой среди приезжих. И самое удивительное — нигде никаких разрушений, если не считать нескольких рухнувших дымовых труб.

Землетрясение прекратилось так же внезапно, как и началось. И вскоре по проспекту вновь заставали машины, местные жители зашторили окна, погасили лампы и улеглись спать. Но вулкан продолжал изрыгать огонь — старик Эль Волкан гневался. К счастью, на сей раз его гнев был недолгим. Под утро языки пламени над кратером сникли и превратились в безопасное красноватое сияние удивительной красоты.

Из отеля донесся голос, усиленный мегафоном:

— Администрация просит гостей вернуться в номера.

Швейцары с видом знатоков объясняли, что землетрясения здесь случаются часто, на них и внимания не обращают, только приезжим это в новинку.

Перед тем как подняться в номер, я решил зайти в бар глотнуть чего-нибудь для поднятия настроения. Высокий табурет у стойки оседлал Дуг Кассиди. Мне он показался еще пьянее, чем прежде. Он заключил меня в объятья:

— Теодоро, дружище, какое счастье, что ты жив-здоров!

С какой стати он так нежно меня лобызал и называл своим другом, я не понял, но тоже ему обрадовался. Мы расстались с ним после трогательных прощальных объятий, условившись о встрече в ресторане за завтраком.

Когда я наконец поднялся к себе, то обнаружил, что мой чемодан открыт. Вынутый из кармана пиджака бумажник валялся на кровати, но все деньги и документы на имя Мартино Дикинсена, коммерсанта из Америкосити, были на месте. Вероятно, вор не успел хорошенько порыться в моих вещах, его спугнули подземные толчки.

4. Поездка в Теоктан

До утра я так и не сомкнул глаз, хотя толчков больше не было и никто меня не беспокоил. Торопливо побрившись, я опустил в автомат серебряную монету, постоял блаженную минуту под душем и спустился вниз.

Холл бурлил: постояльцы жаловались, что пока они находились на площади Фонтанов, в их вещах рылись и у некоторых похищены ценности. Администратор уверял, что такого у них никогда не бывало, обещал обратиться в полицию.

— Но, сеньоры, умоляю, ни слова газетчикам, вы же знаете эту публику, им ничего не стоит раструбить на весь мир, что в нашем отеле...

Я не стал ждать, пока явится полиция, поспешил вернуться в номер и попросил, чтобы завтрак принесли наверх.

Вскоре с подносом в руках появился официант — тот самый великан, который обслуживал меня накануне. На подносе были натуральный кофе, аппетитные

булочки с сыром, масло, бутылка минеральной воды «Эль Волкан». Пожелав мне приятного аппетита, официант ушел.

Без промедлений я накинулся на принесенные яства. Кто знает, когда еще доведется побаловать себя такой едой? И вдруг мне бросилась в глаза коробка из-под сигарет, лежавшая за кофейником. Я чуть не вскрикнул от неожиданности — на коробке виднелась наклейка с белым орлом!

Я торопливо вскрыл ее. Сверху лежал сложенный вчетверо тонкий листок, на котором печатными буквами было написано следующее:

«На площади Фонтанов вас ждет джип ТЕ 151 А. Поездите по Теоктану. Сделайте вид, что разыскиваете рукописи. Покупайте бензин. Записку уничтожьте. М.»

Под листком лежал ключ — от машины, как я понял, а под ним зерна, не меньше тысячи штук. На целую тонну горючего!

Я настолько разволновался, что забыл о завтраке. Значит, Маяпан помнит! Значит, он прекрасно осведомлен, где я нахожусь и что делаю!

Порвав листок на мелкие клочки, я спустил их в унитаз и поспешил выйти из отеля. Второпях забыл попрощаться с Дугом Кассиди — неучтивость, которая дорого мне потом обойдется!

В ближайшей книжной лавке я купил карту Тупаку. Район Теоктан, расположенный на южных склонах Скалистого массива, тянется вплоть до подножия Эль Волкана. Это огромное пространство, прорезанное красными линиями местных дорог и усеянное черными точками селений, пуэблосов. Пожалуй, для закупки антиквариата трудно придумать более бесперспективный район, чем Теоктан. Но, вероятно, для моей миссии это значения не имело.

С картой в руках я направился к площади Фонта-

пов. На углу среди десятков других машин стоял джип TE 151 A — мощный скалолаз, а на переднем сиденье лежала маска «Нефертити», одна из последних моделей. Чуть менее отвратительная на вид, чем все прочие. Я сел за руль и покатил, держа курс на гору.

Дорога сначала шла по равнине — унылому, почти пустынному пространству, где пыхтели насосы нефтяных вышек. Тут хоть какое-то движение еще было. Но когда шоссе сузилось и вступило в ущелье вдоль небольшой речушки, машин почти не стало видно. Лишь изредка навстречу попадались цистерны с водой из горных источников для специализированных магазинов в Тупаку. Когда высота достигла полутора тысяч метров, я снял маску. Дышать стало легче, но зрелище впереди и по сторонам дороги наводило уныние. Некогда превосходное шоссе было в ухабах и ямах, камнях и осыпях. Справа вилось узкое, когда-то глубокое русло реки, сейчас оно превратилось в вереницу грязных небольших канавок и луж, заполненных мутной, маслянистой водой. На противоположном берегу, слева от меня, высились сероватые, подрытые внешними потоками скалы, а сверху, с отчаянием умирающего, вцепившись корнями в расщелины, росли некие подобия деревьев — оголенные, без листьев и плодов. Создавалось впечатление, что здесь прошел огненный смерч.

Первый признак населенного пункта появился лишь через сто с лишним километров: на маленькой, прогнившей деревянной табличке дорожного указателя значилось ПУЭБЛО ЭЛЬ СОЛ — деревня Солнце. Я забрался уже на высоту 1800 метров. Воздух был сравнительно чист, светило неяркое солнышко, но пейзаж оставался прежним — камни, серые, тусклые рощицы, ржавая земля. И никаких следов цивилизации — ни линий электропередачи, ни телеграфных или телефонных столбов.

Но вот впереди показалась сама деревушка: десятка два глинобитных хижин по берегам реки. В мутных лужах барахтались голые ребятишки и два костлявых пса. У порогов старики в лохмотьях курили крошечку из листьев и стеблей кукурузы. Из немытых окон выглядывали женщины.

Лавка находилась в самом центре деревни. Перед входом стоял огромный манекен в парадном облачении вождя древних индейцев — плащ из шкуры ягуара, расшитая набедренная повязка, на голове перья, длинное копье в руке.

Я притормозил. К машине тут же бросилась детвора с криками:

— Доллар, сеньор, один доллар! Есть красивые глиняные таблички!

Хозяин лавки отогнал их и любезнейшим тоном пригласил меня внутрь:

— Прошу вас, сеньор! Что прикажете, сеньор?

Я попросил бензина. Он тут же наполнил мне бак, причем самым естественным образом, без тени какой-либо таинственности. А у меня в кармане лежали зерна энергана!

Кроме бензина в лавке можно было купить соль, керосиновые лампы, мыло и сувениры. В глубине виднелась дверь. Разглядывая таблички, я все ждал, что она откроется и оттуда выйдет мой знакомый старый индеец. Или Белый Орел — такой, каким я его себе представлял: смуглый, черноволосый, с красивым, гордым лицом. Но дверь была закрыта, а таблички оказались фабричного производства.

И все же я, как мог, тянул время, чтобы люди Маяпана — если они здесь были — узнали о моем приезде. Обратившись к хозяину, я спросил, нельзя ли перекусить. Мне подали кукурузную кашу. Когда попросил попить — принесли разведенную в воде, неприятно пахнущую кукурузную муку. Потом я прошелся

по деревне. Мальчишки бежали следом, все еще рассчитывая выклянчить у меня хоть несколько центов. По пути я то и дело заглядывал в хижины и всюду видел беспросветную нищету, голых ребятишек с вздутыми животами и огромными, голодными глазами. При виде их я вспомнил собственных сыновей, которых Командор держал заложниками, и сердце у меня сжалось.

Убедившись, что ждать бессмысленно, я сел в машину и покатил дальше. Перед тем как рвануть с места, не забыл, по примеру туристов, бросить горсть мелочи ребятне, вприпрыжку бежавшей за джипом.

Чем выше взбирался я по разбитой дороге, тем суше и пустынней становились горы. Встречных машин больше не было, однообразие пути прерывалось только небольшими селениями — средоточиями нищеты и горя. За годы работы в газете мне довелось немало поколесить по свету, но я даже отдаленно не мог представить себе, что нищета способна достичь таких унижительных для человеческого достоинства форм. Здесь, на этой высоте, и кукуруза не росла, люди питались зернами и корнями дикорастущих растений, молотыми желудями, травой. Молодых мужчин не было вовсе — они спускались в равнину, надеясь найти работу на предприятиях «Альбатроса».

Почти в каждой деревушке имелась лавка, но, кроме манекена у входа, некоторого количества соли да подделок под предметы старины, а кое-где бензина, там ничего нельзя было найти. Я усердно заправлялся бензином, покупал вещи, не имевшие никакой ценности, набивал багажник ненужными табличками и все время ждал — не покажется ли откуда-нибудь из-за угла мой знакомец, а потом катил дальше, вперед и вверх, обескураженный, теряя надежду на встречу. Меня не оставляло чувство, что я нахожусь в каком-то нереальном мире, в окружении декораций, созданных

больным воображением художника-параноика.

За неделю с небольшим я объехал весь южный склон Скалистого массива. Ночевал в машине, побывал почти в четырех десятках селений, по крайней мере раз семнадцать заливал в бак бензин, истратил сотни долларов на ненужные подделки под старину. Подолгу прохаживался перед индейскими хижинами. Бесперомонно заглядывал в них, впитывая в себя картины человеческого горя... Все напрасно. Никаких намеков на встречу с Маяпаном. Одно утешение — слезки тоже не было. Иногда я часами ехал в полном одиночестве по проселочным дорогам, не встречая по пути ни единой живой души. За все время мне не встретился ни один полицейский — впрочем, что делать полиции в этом забытом богом краю?

Сидя за рулем и исправно слушая известия по радио, я ломал себе голову — верно ли я понял указание, полученное от М.? А может, Командор, подслушав мой разговор с Белым Орлом, сумел затянуть в свои сети нужных мне людей с Двадцать второй улицы и тем самым лишил всякого смысла мою миссию?.. Меня неотступно мучила мысль о Кларе, не знавшей, что со мной. Думал я и о мальчиках, о Панчо, о Лино Баталли, который рискнул напечатать мою повесть, о Джонни Салуде, который собрался сделать из нее сенсационный сериал на телевидении, о профессоре Моралесе, который возложил на меня свои надежды по спасению человечества...

Единственно, о ком я не думал, был Мак-Харрис. Он остался где-то далеко-далеко, в мгlistых глубинах прошлого, и только когда джип врезался в слой стайфли, передо мной вновь возник отвратительный облик этого человека с его стеклянным глазом и зловещей усмешкой...

Перед тем, как попасть в пуэбло Тьерра Калиенте,

я провел ночь у подножия склона, обращенного в сторону Эль Волкана. Жуя кукурузную лепешку, я не сводил зачарованного взора с величественной пирамиды вулкана — огнедышащая вершина упиралась в звездное небо, а могучее дыхание исходило из самых недр земли. И мне чудилось, будто я растворяюсь в воздухе, сливаюсь с мерцающими на земле огоньками и уношусь в бесконечность Вселенной, где нет ни житейских страстей, ни «Альбатроса», ни энергана...

Неожиданно машина вздрогнула, толчок был едва ощутим, но джип тронулся с места, и я поспешил подложить под колеса камни. С ужасом вспомнилась ночь в отеле, зловеющий гул, бегущие в панике люди... Мысль беспорядочно перескочила дальше, и в памяти возник Дуг Кассиди, который обнимал меня и бормотал сквозь пьяные всхлипывания: «Теодоро, дружище, какое счастье, что ты жив-здоров!»

Я оцепенел: он назвал меня Теодоро!

А ведь я представился ему как Мартино Дикинсен, это я помнил отчетливо. И в разговоре с ним старался контролировать каждое свое слово, хотя он был мертвецки пьян. И все-таки он назвал меня моим настоящим именем.

К тому же — раскрытый чемодан... Брошенный на кровать бумажник...

Но ведь нигде — ни в моих личных вещах, ни в бумагах — ничто не выдавало меня. Значит, кто-то обо мне знал. Плохим же я оказался Джеймсом Бондом, никудышным.

И еще долгие часы, пока сон не сморил меня, мозг раскаленным угольком жгла загадка, и я не находил ей объяснения...

Проснулся я на заре и без промедлений отправился в одно из самых отдаленных селений Теоктана — Тьерра Калиенте. Именно туда приглашал меня Боско Эль Камино, индеец в красивом пончо, который был моим

соседем в самолете и угостил минеральной водой.

Селение, расположенное почти на западном склоне Скалистого массива, примыкает к району Эль Волкана. Бросалось в глаза, что пейзаж здесь имеет иные контуры и краски — нет зазубренных утесов и ржавой земли, исчезли сухие, безлистые рощицы. Передо мной простиралось узкое, холмистое плато, некогда залитое лавой, а ныне одно из немногих плодородных мест в этих краях. С обеих сторон его словно поддерживают стремительно сбегаящие вниз, почти отвесные стены, у подножия которых проглядывают зеленые островки — все, что осталось от буйных джунглей. Становилось жарче, в воздухе отчетливо улавливался запах сероводорода. А вот и первые гейзеры — веселые фонтаны с шипением выбрасывали высоко вверх горячую воду и тут же опадали, чтобы вновь взметнуться и повторить все снова и снова в энергичном ритме, отмеряющем безграничность времени. Горячая вода разбегалась по маленьким водоемам: местные жители использовали их для купания и стирки белья.

Тьерра Калиенте выгодно отличалось от селений, какие я успел повидать в Теоктане. Начать с того, что оно превосходило их по размерам, а крепкие, беленные известью домики радовали глаз. Стены их увешаны гирляндами кукурузы и табака, на окнах цветные занавески, дети бегают в рубашонках, и в довершение всего на площади возвышается церковь с высоким крестом. Неподалеку от селения велись раскопки, о которых с такой гордостью упоминал в самолете мой попутчик.

Я затормозил возле лавки и только вышел из машины, чтобы разузнать, где мне найти Боско, как увидел его прямо перед собой. Он улыбнулся мне без тени удивления, словно именно меня и поджидал.

— А-а! Знакомый сеньор! — воскликнул он. — Добрый день, сеньор, как поживаете?

Я очень ему обрадовался. За последние девять дней это было первое знакомое лицо, и я с удовольствием принял приглашение отведать коктейль, который Боско тут же приготовил из минеральной воды и кукурузной водки.

На его вопрос, как идут мои закупки, я показал ему кое-что из своих приобретений. Он засмеялся и сказал, что это подделки, все здешние торговцы мошенники, так и норовят вытянуть из тебя последний цент, но ничего не поделаешь, им тоже надо как-то сводить концы с концами, а вот если я хочу увидеть настоящие древние таблички, он рекомендует мне посетить развалины возле Эль Торренте.

— Эль Торренте? — переспросил я. — Поток? Впервые слышу это название.

— Да, сеньор, о нем мало кто знает, уж больно далеко, да и добираться туда трудно. Это внизу, на дне ущелья. Говорю об этом сеньору потому, что сеньор специалист и непременно должен там побывать.

Боско сделал такой упор на слове «непременно», что я решил последовать его совету. Никогда прежде не доводилось мне слышать про развалины возле Эль Торренте, но я отлично знал, что вся область Тупаку усеяна руинами древних поселений, многие из них так и гнили в неизвестности, разъедаемые временем и стайфли.

Боско принялся подробно объяснять мне, как туда добраться: до Ичена на джипе, потом пешком вниз по Белой Стене до котловины, где протекает Эль Торренте.

— Там трудновато, но вы пройдете, сеньор, я вижу, вы крепкий... А внизу уже просто.

— Вы так полагаете?

— Да, не беспокойтесь, зато вы найдете там все, что ищете... Не забудьте надеть подходящую обувь.

— Нет у меня такой обуви.

— Какой размер ноги у сеньора? Сорок второй? Пожалуйста, сеньор! С вас двенадцать долларов.

Я заплатил требуемую сумму, а взамен получил мягкие спортивные туфли — в самый раз бегать и лазать по скалам. Надев их и пройдясь немного, я попросил заправить джип бензином.

В ответ Боско Эль Камино запер дверь лавки, достал из-под прилавка пластмассовое ведро, налил туда роды, вынул из ящика коробку с белым орлом на этикетке и бросил в ведро десятка полтора знакомых мне зерен.

Повеяло холодом.

— Такой «бензин» у меня и самого есть, — я вынул коробку, которую оставил мне официант в гостинице. — Подарок Доминго Маяпана.

— Он вас ждет, — сказал Боско.

И мы оба с облегчением рассмеялись.

5. Вперед, к Эль Торренте

Раскопки Ичена раскинулись на широком пространстве неподалеку от Тьерра Калиенте. Помню, какую сенсацию произвела в свое время находка остатков древней индейской цивилизации. Это случилось после очередного сильного землетрясения в районе Эль Волкана. В Ичен ринулись толпы археологов, криптографов, журналистов, киношников. Не отставали от них и туристы. На какое-то время Тьерра Калиенте стала самым популярным местом в Веспуччии. В подземельях чудом сохранившихся дворцов и храмов нашли бесценные сокровища, и среди них груды табличек с письменами, отражавшие отдельные моменты бурной и жестокой истории древнего народа. Были обнаружены помещения с превосходно сохранившимися черепами...

Однако очень скоро находки были вывезены, скуд-

пый бюджет исследователей исчерпан, археологи разъехались, и Тьерра Калиснте вернулась к своей скучной повседневности. Местные жители попытались привлечь публику горячими источниками, заключили в трубы два-три гейзера — ведь в табличках упоминались минеральные ванны, где древние вожди и жрецы лечили ревматизм, а женщины — бесплодие. Но ядовитый смог подползал уже и в эти края. К тому же туристов отпугивала близость вулкана. И со временем развалины вновь покрылись землей и сорной травой.

Оставив джип у высокой стены храма, я осторожно двинулся по тропинке, еле заметной в густом кустарнике. Начался достопамятный спуск к Эль Торренте. Более трудного подвига мне совершать не приходилось. И по сей день, вспоминая о нем, я невольно закрываю глаза от страха.

Тропу, по которой я продвигался, скорее следовало назвать тропкой: вытесанная в высокой отвесной Белой Стене извивающаяся лента не превышала метра в ширину, а местами суживалась сантиметров до тридцати. Справа взмывала ввысь каменная стена, до блеска отполированная дождями, слева зияла пропасть — дна ее я не видел, но глубину определил по звуку скатывавшихся вниз камней: метров семьсот-восемьсот, не меньше.

Я осторожно продвигался вперед, нащупывая резиновыми подошвами почву и чувствуя, как бегут по спине струйки холодного пота. Из страха остушиться не смотрел ни вверх, ни вниз, ни по сторонам, только перед собой, на извилистую каменную черту, загипнотизированный ее необычной белизной, и шел, шел, проклиная индейских жрецов, энергетический кризис и себя за то, что ввязался в эту историю.

Признаться, я страшно боюсь высоты; когда мне приходится бывать в небоскребах, я избегаю даже подходить к окнам. И склонен думать, что причиной моих

злоключенный послужил кабинет на сто десятом этаже, куда привел меня Лино Баталли, чтобы продемонстрировать самому Мак-Харрису удивительные зерна энергана. Кто знает, находишь этот проклятый кабинет где-нибудь пониже, я, возможно, и устоял бы перед натиском дьявола с железной рукой...

От напряжения ноги, казалось, не гнулись и стали чужими, я то и дело спотыкался о камешки — они скатывались в пропасть, а я машинально считал: раз, два... На какое-то мгновение приваливался к скале, облизывал пересохшие губы, взмокшая от пота спина невыносимо зудела, но я не смел шевельнуть рукой — было такое чувство, что вот-вот сорвусь, упаду, еще шаг — и покачусь вслед за камешками: раз, два... Но какая-то неведомая сила подталкивала меня вперед, вниз, а губы сводила насмешливая улыбка: вы ведь жаждали приключений, сеньор Искров, извольте, вот вам и приключения; вы же мнили себя эдаким современным Джеймсом Бондом, суперменом, которому ничего не стоит ходить по канату, протянутому над пылающими зданиями, без скафандра плыть под водой не один десяток километров, управлять самолетом с отломанным крылом, гнать машину на двух колесах по перилам моста... Это Бонд мог одной рукой взломать тюремную решетку, вползти в раскаленную добела металлическую трубу и вылезти оттуда причесанным, гладко выбритым, в ослепительно белых перчатках, готовым к новым подвигам...

Нет, я не Джеймс Бонд.

Мне было страшно.

Сколько длился этот безумный спуск, не знаю — может, минут тридцать, может, два часа. Знаю только одно: когда наконец я ступил на дно пропасти, у меня не было сил, и я рухнул на траву, закрыв глаза.

Очнувшись, я увидел склонившуюся надо мной фигуру рослого мужчины. И мгновенно понял, кто это:

разумеется, вслед за Боско Эль Камино должен был появиться и великан-официант. Только на сей раз на нем был не форменный смокинг, а одежда, какую носят местные индейцы, хотя и она была ему узковата в груди.

— Досталось вам, сеньор Дикинсен? — спросил он, взглянув на тропку. Точно вышитая тонким, петляющим швом, она терялась где-то высоко вверху.

Великан озабоченно сказал:

— День ото дня из-за дождей и ветра становится все круче и опасней.

И добавил:

— Меня зовут Эль Гранде *...

Как будто его могли звать иначе!

— Вы отдохнули? Впереди долгий путь.

Я кивнул. После головокружительного спуска по Белой Стене меня уже ничто не могло испугать.

— А развалины Эль Торренте? — спросил я.

— Это далеко, сеньор. Надо спешить, времени у меня в обрез.

«Кого еще предстоит мне встретить, — подумал я. — Может, Дуга Кассиди?»

Долгие часы нам никто не попадался навстречу. Первое время мы шли по воде, теплой, пахнувшей сероводородом. Все вокруг в этой узкой котловине казалось чистым и нетронутым: смог, убивающий все живое, сюда еще не проник. Судя по всему, и нога человека ступала здесь редко. Куда ни глянь — гибкие лианы, зеленые деревья, свежий кустарник, высокая трава, в которой сновали ящерицы. К своему немалому удивлению, я увидел даже обезьян. Испуганные появлением двуногих существ, они вопили у нас над головой. К счастью, вопреки утверждению профессора

* Эль Гранде — большой (исп.).

Моралеса на нашей планете еще не все живое уничтожено.

Выбравшись из потока на берег, мы шли, утопая в трясине, а немного погодя углубились в густой лес с невероятно колючими растениями. Моя одежда вскоре превратилась в лохмотья, лицо было испарапано в кровь. Над головой настырно жужжала мошкара, кружили яркие бабочки. Стало очень жарко, над болотами поднимались тяжелые испарения. Идти становилось все труднее. Я совсем выбился из сил, и Эль Гранде не раз приходилось вытаскивать меня из липкой, засасывающей тины.

На одном из поворотов, когда мне казалось, что больше я не сделаю и шагу, раздался возглас:

— Пароль?

— Двадцать два — семьдесят семь, — крикнул в ответ Эль Гранде.

Из-за кустов вышел пожилой индеец с автоматом в руках.

— Сильно вы запоздали, — укоризненно сказал он. Но мой несчастный вид заставил его отказаться от дальнейших упреков.

— Проголодались, наверно. Пошли!

С этими словами он повел нас через полянку, которую не сразу можно было разглядеть за кустарником.

Там меня ждал еще один сюрприз — лошади! Да не одна, а три! В последний раз я видел их в детстве, да и то в зоопарке. Этот вид животных давно истреблен: тех, кого не успел отравить стайфли, съели люди... Я долго вертелся возле них, ласково похлопывал по шее, заглядывал в большие, грустные глаза, словно они были из тех первых шестнадцати коней, которых Эрнандо Кортес некогда привез из Европы и которые повергли в панику стотысячную армию вождя ацтеков Монтесумы.

Мы наскоро перекусили и вновь двинулись в путь,

теперь уже верхом и в сопровождении нового знакомого, назвавшего себя Педро Коломбо. Я прежде не ездил верхом, и на первых порах это доставляло мне удовольствие, но часа через два от непривычной езды у меня затекли ноги и заболела спина.

Ехали долго. Стало темнеть. Я понятия не имел, куда мы направляемся. Вокруг по-прежнему плотной стеной стоял лес и не было ни души, если не считать обезьян и ящериц да злющих комаров, которые тучами, с громким жужжанием вились вокруг нас.

Остановились мы среди высоких пальм. Часы показывали восемь вечера. Педро Коломбо вынул кукурузные лепешки и термос с горячим кофе. Я смертельно устал и мечтал только об одном — хорошенько выспаться.

...Мне снилось, что я все еду и еду верхом. Болит спина, ноги затекли, я монотонно покачиваюсь в седле, лошадь устало сопит.

Разбудил меня глухой, ритмичный стук, словно где-то неподалеку работал двигатель. Я открыл глаза. Пальмы исчезли. Я лежал под кустами, сквозь которые пробивался свет электрической лампочки, тускло освещавшей низкую, увитую лианами стену.

— Пароль? — донесся из-за кустов громкий голос.

— Семь семь — двадцать два, — ответил Эль Гранде.

На этот раз из-за кустов вышли двое индейцев с автоматами наперевес.

— Опоздываете! — сказал один из них и помог мне подняться.

Сам я подняться не мог: тело одеревенело, ноги колесом, словно я только-только сполз с седла. И снова в памяти всплыл неустрашимый Джеймс Бонд, умудрявшийся скакать верхом даже на тиграх. Смешно и глупо... Но мне было не до смеха, я изо всех сил старался выпрямиться, так как уже не сомневался, что с

минуты на минуту мне предстоит долгожданная встреча с Доминго Маяпаном и — кто знает? — с Белым Орлом.

Эль Гранде шел впереди, я следом за ним. Пройдя под низкой каменной аркой, он пересек неосвещенное пространство, в глубине которого высилось нечто вроде постамента, подошел к какой-то двери, распахнул ее и пропустил меня вперед.

От ослепительно яркого света я зажмурился.

Двигатель продолжал мерно стучать.

Когда наконец глаза привыкли к свету и я поднял голову, то увидел перед собой человека, которого сразу узнал.

6. Белый Орел

Первое, что меня поразило, были глаза. Неправдоподобно большие, необычно широко расставленные, с иссиня-черными яркими зрачками, они занимали почти треть лица.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, в моем воображении всплывают прежде всего эти черные, сверкающие глаза, их пристальный, немигающий взгляд, казалось, пронизывает вас насквозь и видит все, что у вас на душе.

Высокий покатый лоб и нос с легкой горбинкой придавали его профилю контур птичьей головы. Копна золотисто-русых волос, резко очерченный рот, худощавое, стройное тело. Широкоплечий, а руки женственные, с длинными, тонкими пальцами. Короче, я видел перед собой человека лет тридцати, который, подобно Франкенштейну *, был как бы составлен из «деталей», принадлежащих разным расам.

* Франкенштейн — искусственный человек, герой одноименного романа Мэри Годвин и ряда фантастических фильмов.

Позже я узнал, что так оно и было: в жилах Белого Орла течет кровь индейцев и англосаксов — явление нередкое для Веспуччии.

Яркая внешность Белого Орла несколько контрастировала с поношенными брюками, спортивными туфлями и клетчатой рубашкой, карманы которой топорщились от блокнотов и карандашей.

— Добро пожаловать в Эль Темпло, сеньор Искров, — произнес он теплым баритоном, знакомым мне по телефонному разговору, и улыбнулся мальчишеской улыбкой, вмиг растопившей суровость лица.

Я заметил, что на щеках и на подбородке у него три ямочки. Он протянул мне руку.

— Понравилась вам поездка по Теоктану?

— Понравилась — не самое подходящее слово. Тяжелое впечатление...

К нам приблизился невысокий пожилой человек. Это был мой знакомец, Доминго Маяпан. Я не сразу заметил его и юношу, до тех пор стоявшего в стороне. Маяпан обнял Белого Орла за талию и с улыбкой спросил:

— Ну, как вам мой первенец, сеньор Искров? Не правда, ли, орел?

— Отец!

— Видите? Не выносит, когда его так называют, хотя это принято по нашим законам. Ведь теперь он вождь племени. В детстве мать называла его Монти.

— Монтесума?! — невольно воскликнул я, живо вообразив себе облик вождя ацтеков. По моим понятиям он должен был выглядеть в точности так.

— О нет! — снова улыбнулся Маяпан. — Вовсе не Монтесума. Его мать и слышать не хотела об этом имени. Слишком претенциозное, по ее мнению. Монти — это ласкательное от Монтегю: пока он жил в Штатах, его звали Монтегю Робинсон. Фамилия Маяпан там не звучит... А Робинсон — девичья фамилия Евы, моей

покойной жены. По образованию Монти химик.

Обернувшись к стоявшему чуть поодаль юноше, он не менее ласковым жестом погладил его по голове и слегка подтолкнул вперед:

— А это мой младший, Алехандро... Алехандро Маяпан. Запомните это имя, когда-нибудь оно прогремит на весь мир. Алехандро криптограф.

Я пожал юноше руку, он улыбнулся широкой, открытой улыбкой и сказал:

— Отец обожает хвалить своих сыновей.

Вот уж никогда бы не подумал, что это отец и сын. Если у Белого Орла было немало общего с Доминго, особенно глаза, то по внешнему виду Алехандро — типичный англосакс: светловолосый, светлоглазый, порывистый, непосредственный.

Заметив мой недоуменный взгляд, Доминго поспешил объяснить:

— Алехандро — вылитая мать. Ева слыла первой красавицей в Кампо Верде.

Опять Кампо Верде! Какая же трагедия разыгралась на этом Зеленом поле, название которого всплывало всякий раз, когда речь шла об ушедших из жизни? На мгновенье мне показалось, что еще несколько минут — и передо мной раскроется роковая тайна. Однако Белый Орел (я и впредь буду называть его так, имя Монти совершенно не соответствовало виду и осанке этого современного индейского вождя) вполголоса произнес:

— Пойдемте, сеньор, вам следует принять ванну. Да и устал, наверно, изрядно. Эль Гранде хоть кого способен вымотать.

И повел меня в дом.

Я не археолог и не историк, но с первого взгляда понял, что передо мной комплекс очень древних сооружений, относящихся, возможно, к эпохе легендарных толтеков. Правда, в тот вечер мне почти ничего не уда-

лось рассмотреть толком. Белый Орел отвел меня в аккуратно прибранную комнату современного вида, где стояли кровать, стол, стул. Рядом находилась ванная. С потолка свисала электрическая лампа, в шкафу висело платье, разложено белье, на столе — телефон.

— Это ваша комната, сеньор. Если вам что-нибудь понадобится, звоните, все будет немедленно доставлено.

— Телефон 77 77 22?..

Он заулыбался всеми своими ямочками:

— Этот номер доставил вам немало неприятностей, верно?

— Не мне, другим. «Конкиста» не знает пощады...

— Да... У нас будет время потолковать и об этом. А пока отдыхайте: через два часа я за вами зайду на ужин.

Оставшись один, я поспешил сбросить с себя грязные лохмотья, некогда бывшие моей одеждой, и нырнул в ванну. Она была наполнена теплой минеральной всдой — вероятно, из источников, питавших гейзеры вблизи Тьерра Калиенте. Водомера здесь не было, поэтому я позволил себе вволю поваляться в ванне, чего не делал уже много лет. И даже не задумался над тем, каким образом современная ванна со всем оборудованием оказалась тут, в заброшенном краю, к тому же в грандиозном сооружении древних толтеков! «У нас еще будет время потолковать...» Превосходно!

Я переоделся — новые брюки, клетчатая рубаша, спортивные туфли, надо думать, здешняя униформа. Даже сам Доминго был одет так же. Чувствуя себя обновленным, прилег. И даже не пытался о чем-либо думать.

Ужинали мы в просторном помещении, вероятно трапезной былых властителей: стены были покрыты орнаментом с изображением важных особ за едой. Во многих местах бросались в глаза заплатки из цемента — очевидно, новые владельцы не давали себе труда или

же не имели возможности реставрировать здания.

За столом нас было шестеро: Маяпан с сыновьями, Эль Гранде, Педро Коломбо и я. Если не считать двух людей из охраны, стоявших за дверью, никого больше я не видел. Подавали к столу Белый Орел и Алехандро. Что же касается Эль Гранде, то он сидел как гость.

Сразу после ужина он и Педро Коломбо ушли. На прощанье великан стиснул мне руку своей огромной ладонью:

— Надеюсь когда-нибудь вновь увидеться с вами, сеньор Дикинсен. Здесь или в отеле «Эль Волкан». Для вас у меня всегда найдется чашечка настоящего кофе.

Нам довелось еще раз увидеться — много позже, незадолго до его гибели...

Какое-то время разговор не клеился, хотя Алехандро просто ерзал от нетерпения. Я понял, что хозяином положения здесь считается Белый Орел. Наконец он обратился ко мне:

— Сеньор Искров, мы в курсе событий, разыгравшихся после второго августа в Америкосити. Вы, конечно, помните: именно тогда произошла ваша встреча с моим отцом...

Как будто я мог забыть этот день!

— Однако нам хотелось бы услышать обо всем из ваших уст, — продолжал он, бросив быстрый взгляд на Алехандро. — Видите ли, у нас небольшие расхождения в оценке некоторых фактов. А вы очевидец и к тому же главный герой...

— Какой я герой! — с горечью проговорил я. — Не герой, а марионетка в ваших руках... и в руках Мак-Харриса... Слуга двух господ, если можно так выразиться.

— Со временем вы поймете, что это не так. Вы сыграли большую роль — хотя бы уже тем, что сделали достоянием потомков рассказ о нашей великой битве.

— Но я почти ничего не знаю!

— До конца ее не знает никто... в том числе мы сами. Хотя рассчитываем, что все будет так, как мы задумали.

— Мне ваши замыслы неизвестны. Я могу лишь догадываться...

— Мы откроем вам наши замыслы. Для того, собственно, и пригласили вас — чтобы обсудить дальнейшее ваше участие. Потому что считаем вас, сеньор Искров, нашим союзником.

— Сеньор Белый Орел... — перебил я.

— Друзья называют меня Агвилла Бланка * или просто Агвилла, — в свою очередь перебил он меня. — А мы с вами уже друзья, не так ли?

Я неуверенно кивнул — было трудно столь фамильярно обращаться к человеку, который казался мне необыкновенным.

— А меня вы можете называть Анди, — сказал Александр. — Запомнили? Анди. И на «ты». Идет?

— В таком случае я для вас просто Тедди.

Анди поднял бокал с кукурузным напитком и чокнулся со мной:

— Договорились, дружище! На всю жизнь!

Мы осушили бокалы. Анди с необыкновенной легкостью перешел со мной на «ты» и называл не иначе, как Тедди. Агвилла же почти до последней минуты держался официально. Так и не дал мне местечка в своем сердце. Из гордости или застенчивости — не знаю. И если он еще жив и когда-нибудь прочтет эти строки, пусть знает, что я полюбил его...

— Вы считаете меня своим союзником, — сказал я, возвращаясь к прерванному разговору. — Но могу ли я действовать заодно с вами, зная, что мои жена и дети в руках Командора? Каждый мой шаг, так или

* Агвилла бланка — белый орел (исп.).

иначе противоречащий интересам Мак-Харриса, означает для них гибель.

— Знаю, — сказал Агвилла. — И сделаю все, чтобы они не пострадали.

— Не представляю, каким образом.

— Есть способы...

— Вы не знаете Мак-Харриса!

— Я не знаю Мак-Харриса? — Агвилла рассмеялся и стал удивительно похож на своего отца. — Вряд ли кто знает его лучше меня, хотя видел я его всего несколько раз и к тому же давно... И все-таки расскажите нам обо всем. Обо всем!

Я мысленно перенесся в «Конкисту». Вспомнил, как Мак-Харрис, уставив на меня свой безжизненный глаз, требовал: «Сейчас вы расскажете нам обо всем, что произошло с вами начиная со второго августа! Мы должны уничтожить эту Надежду в самом зародыше. Прежде, чем она проникла в сознание людей...» И вот сейчас я у истоков этой Надежды, и тот, кто ее породил, тоже требует от меня отчета о происшедшем.

— Расскажите, каким образом вы обнаружили номер нашего радифона, как погиб мой старый учитель Зингер. Мой брат его не знал и Мак-Харриса тоже никогда не видел. Он был малышом, когда... Впрочем, говорите, сеньор Искров, прошу вас.

Он сказал «прошу», но черные глаза не просили, а приказывали, и мне оставалось только повиноваться. Я говорил долго, до глубокой ночи, несмотря на усталость.

Доминго Маяпан и Агвилла слушали молча, но Анди, натура пылкая, нетерпеливая, то и дело перебивал меня, забрасывая вопросами. Его интересовало все: и политическая жизнь Веспуччи, и соотношение сил между Мак-Харрисом и Командором, между Командором и апперами; он расспрашивал о профессоре Моралесе, о забастовке рабочих-нефтяников, хотя, как мне

казалось, все это не имело прямого отношения к энергану. К моему удивлению, Анди был неплохо осведомлен о положении в стране и делал неожиданные выводы из вполне безобидных, на мой взгляд, фактов. Достаточно сказать, что в забастовке нефтяников он усмотрел страх перед энерганом, боязнь потерять работу. Удивительно, но эти же доводы приводил и Мак-Харрис. Формулируя свои выводы, Анди с торжеством поглядывал то на отца, то на брата.

— Анди помешан на политике, — с некоторой досадой проговорил Агвилла. — Он слишком полагается на толпу, а толпа идет туда, куда ее поведут. Как историку моему брату полагалось бы знать это лучше других. После революции 1789 года французский народ намеревался распространять по Европе новые идеи, а через некоторое время тот же народ побежал, точно стадо овец, за Наполеоном покорять другие страны... А Гитлер? Одураченные немцы, сражавшиеся в Берлине до последнего патрона? Нет, политика — дело ненадежное. Оставим ее Эль Капитану и Рыжей Хельге.

Анди порывисто вскочил:

— Да я вовсе не на стороне динамитеров, пойми же наконец! Они разделяют народ, провоцируют столкновения, создают ненужные осложнения... И нельзя целиком оставлять политику Рыжей Хельге... — он улыбнулся, — как бы ни была она хороша собой.

— Я вовсе не нахожу, что она так уж хороша, — возразил Агвилла. — Если судить по тому, что мы видели по телевидению, в ней есть что-то отталкивающее. К тому же эта вечная сигарета в зубах...

— Нравится она нам или нет, но Рыжая Хельга оказывает безграничное влияние на Эль Капитана, а тем самым на всех левых экстремистов. Последний же арест и освобождение сделали ее чуть ли не национальной героиней. Шутка ли — заставить пойти на попятный самого Командора!

— Ее обменяли на министра обороны,—напомнил я.

— Разве это не свидетельство ее веса в политической жизни страны, особенно в кругах экстремистов?— настаивал Анди. — Лично я не сомневаюсь, что ее авторитет будет расти не только в этих кругах, но и в народе, который ты, Агвилла, поносишь совершенно напрасно.

Старший брат положил на стол руку, и младший тут же умолк.

— Я думаю так, — сказал Агвилла. — Предоставим экстремистам всех толков самим выпутываться из той каши, которую они заварили. Если наш энерган поможет им, тем лучше. У нас пока свои проблемы, ими мы и должны заниматься. Я хотел бы еще послушать сеньора Искрова. Впрочем, вы, должно быть, устали и хотели бы лечь? Ну, конечно, как это негостеприимно с моей стороны! Но у нас так редко бывают гости... — Он поднялся. — Продолжим завтра.

Откуда-то снизу донесся глухой гул, напоминавший звуки низкого органного регистра. Лампа под потолком заходила ходуном. Я вздрогнул. Агвилла улыбнулся:

— Не обращайтесь внимания, сеньор Искров. Здесь такое случается ежедневно. Но не зря же мои далекие предки строили жилища с такими толстыми стенами и придавали дворцам и храмам форму пирамид. Нам ничего не грозит. Можете спокойно ложиться спать. Доброй вам ночи. Не торопитесь рано вставать, я все равно буду очень занят, по крайней мере до полудня. Если только... — Он снова заулыбался всеми своими ямочками —... если только вам не захочется помочь нам. Увы, рабочих рук не хватает. А между тем в Веспучии безработица...

Смутно представляя себе, в чем может заключаться моя помощь, я все же вежливо сказал:

— С удовольствием помогу. Доброй ночи!

Я долго не мог уснуть, сквозь дремоту перебирал в

уме все, что увидел и услышал в этот вечер. Главного я по-прежнему не знал, многого не понимал, в еще большем сомневался. Но одно уяснил: в этой необычной семье, состоявшей из чистокровного индейца, истинного ученого, и двух его сыновей от смешанного брака — химика с авторитарными наклонностями вождя и историка, придерживающегося революционных взглядов, — в этой семье нет единодушия в вопросах политики. Они и сами не знали, какие формы должна принять их борьба. Более того, между ними назревал конфликт чреватый осложнениями.

Причины же, побудившие их вести эту борьбу, и ее конечные цели пока оставались для меня загадкой.

7. Я получаю ответы на некоторые вопросы

В ту ночь впервые за последние два десятка лет я спал в комнате с открытым окном, без кислородной установки, без кислородомера, не слыша шипенья струящегося по трубам столь необходимого для жизни, но столь дорогостоящего воздуха.

И впервые с тех пор, как я появился на свет, меня разбудило лошадиное ржанье.

Я выглянул в окно: в просторном, залитом солнцем дворе Агвилла и Анди сгружали с трех лошадей большие, тяжелые мешки. Перед каменной аркой входа стояла стража.

Когда разгрузка кончилась, лошадей увели, а братья, бзвалив на спину по мешку, куда-то их понесли. Видимо, нести пришлось далеко, потому что вернулись они примерно через полчаса, вспотевшие, тяжело дыша. Снова взяли по мешку и снова двинулись в путь.

Первым меня заметил Анди.

— Привет, Тедди! — крикнул он. — Что смотришь?

Помогай! Думаю, даже толтекам не приходилось таскать таких тяжестей — у них были рабы.

— Я тоже ваш послушный раб, — ответил я и направился было к двери, но Агвилла остановил меня:

— В следующий раз, сеньор Искров, сначала поешьте. Завтрак на кухне, рядом со столовой.

Завтрак был скромный: кукурузные лепешки, чай из лесных трав, синтетический сыр. Зато кухонному оборудованию могла позавидовать самая взыскательная хозяйка: современная плита, огромный холодильник, мойка-автомат с горячей и холодной водой, всевозможные сушилки, шкафы и шкафчики, приборы — словом, все что нужно. Как им удалось все это сюда доставить? Неужели по той тропке, по которой спускался я? Вряд ли...

По другую сторону коридора была еще комната. В полуотворенную дверь я увидел новейшее электронное оборудование: три мощных радиофона, несколько телемониторов, два передатчика, миникомпьютер, назначения которого я не знал, набор инструментов, радиодетали... Выведенные в окно антенны исчезали из виду высоко над крышей. Среди всех этих машин и приборов я увидел Педро Коломбо, который что-то ковырял отверткой, то и дело поглядывая на телеэкраны. Он заметил меня:

— Доброе утро, сеньор! Заходите! Как спалось? Здесь шумновато, наш генератор работает всю ночь.

— Доброе утро, Педро. Я прекрасно спал, — вежливо ответил я, не сводя глаз с мониторов.

Все пять экранов показывали разные изображения. На одном я увидел Белую Стену со сбегаящей вниз тропой, той самой... Невидимый объектив полз по ней, высматривая каждый камешек, каждую птаху, то и дело отъезжая, чтобы охватить общим планом всю гигантскую скалу.

Заметив мое изумление, Педро включил звук, и до

меня долетело завывание ветра, шум скатывающихся в пропасть камней. Даже мышь не могла бы проскользнуть незамеченной по этой тропке.

Весь второй экран занимала современная химическая лаборатория. Среди множества колб и труб различного диаметра и размера виднелись сосуды с зеленоватым веществом, между которыми сновал худощавый человек в белом халате.

Третий экран показывал шахту, с виду почти не отличавшуюся от шахты обыкновенного лифта, четвертый — огромный склад, сверху донизу заставленный ящиками.

На пятом экране виднелся узкий, глубокий, затянутый дымкой испарений провал. Сквозь пар можно было разглядеть узкоколейку и вагонетку, стоящую на рельсах. Педро прибавил звук, и я услышал резкий свист, словно из котла под колоссальным давлением вырывался пар.

— Знакомая дорога, сеньор? — Педро, улыбаясь, кивнул на первый экран.

— Вижу, вижу... — сказал я и подумал, каким же я выглядел жалким, когда полз по этой тропке вниз. — Значит, я все время был у вас на мушке!

— Так уж положено, сеньор. Но держались вы молодцом. Да и мы были готовы в любую минуту броситься к вам на помощь.

Я не решился спросить об остальных изображениях, Педро же о них словом не обмолвился. Но уже одно то, что он позволил мне заглянуть в пункт связи Эль Темпло, свидетельствовало либо о том, что мне полностью доверяют, либо — вероятнее всего — о том, что я для них совершенно не опасен.

Хотя я был предоставлен самому себе и никто не мешал мне выйти из дому, я предпочел вернуться в отведенную мне комнату. Однако когда примерно час спустя вновь послышалось лошадиное ржанье, я выбе-

жал во двор. Братья Маяпаны сгружали мешки. Я поспешил им на помощь, взвалил на себя мешок и чуть не рухнул под его тяжестью. Он оказался явно не под силу человеку, который двадцать лет жизни дышал ядовитым стайфли и питался почти исключительно искусственной пищей. Мешок был набит каким-то черным сыпучим веществом. Энерганом?

Попшатываясь, я поплелся вслед за братьями.

Шли мы, думаю, минут пятнадцать, но, согнувшись под тяжестью непосильной ноши, я не смотрел по сторонам. Знаю только, что какое-то время мы шли длинными коридорами, миновали полутемные залы, потом поднимались по истертым каменным ступеням, местами чуть ли не ползком пробирались под низкими проемами. Какое уж тут любопытство, я мечтал лишь об одном — чтобы скорее кончился мучительный переход.

Но вот наконец мы подошли к массивной железной двери. Агвилла коснулся ладонью левого верхнего угла, и дверь бесшумно отворилась. В глаза ударил яркий свет. Я вошел, с огромным облегчением сбросил мешок на пол и только тогда позволил себе оглядеться.

Мы находились в лаборатории — той самой, которую я уже видел на телеэкране. Сейчас она выглядела гораздо внушительней и смахивала скорее на небольшой химический завод. Кроме множества стеклянных трубопроводов, колб и огромных шаров, где весело булькала жидкость самых разных цветов и оттенков, в глубине помещения я заметил бассейн с темным густым веществом. Его без устали размешивали серебристые лопасти, то и дело всплывали и лопались пузырьки, по желобу в бассейн сыпался угольно-черный порошок. Под высокими сводами лаборатории негромко жужжали мощные вентиляторы. Наверное, в древности это помещение служило храмом. Со стен смотрели окаленные, полустертые лики божеств. Над входом отчетливо проступал фриз с изображением крылатого

змея. Позади стеклянных шаров, освещенных пляшущим светом, возвышался огромный алтарь, украшенный астрономическими знаками.

— Добро пожаловать, сеньор Искров, — услышал я мелодичный голос доктора Маяпана.

Одетый в белый халат, он сидел перед небольшим контрольным пультом, наблюдая за десятками мигающих лампочек и приборов на табло.

— Как вам нравится наш заводик? — В его тоне звучала явная гордость.

— Здесь вы и производите энерган? — растерянно спросил я, ошарашенный всем увиденным в Эль Темпло.

Казалось невероятным, что здесь, в этой подземной лаборатории, созданы те огромные количества энергана, которые наводнили Америго-сити, грозили расшатать экономику Веспуччий и повергли в панику даже нефтяных магнатов других стран.

— Нет, — ответил Маяпан, — здесь лишь завершающий процесс. Сырье поступает из другого пункта. — Он показал на мешки. — Гремучий песок.

Я вспомнил галерею и вагонетку на экране монитора. Не рискуя расспрашивать, где находится «другой пункт», все же не удержался:

— Скажите, доктор...

— О, вы уже больше не называете меня жрецом, — Маяпан укоризненно улыбнулся. — А жаль, мне было приятно. Древние жрецы, видимо, кое в чем были умнее нас, современных ученых. Так что вас интересует?

— Буду до конца откровенен. Как мне кажется, вы стараетесь показать мне все... или почти все: где обитаете, где производится энерган, как ведется наблюдение за внешним миром. Вам не приходит в голову, что по возвращении я могу вас выдать? Или вы решили избавиться от меня?.. А может, оставить здесь навсегда?

Глаза за очками лукаво блеснули:

— Но ведь вы наш друг, сеньор Искров! Мы вам доверяем. И не собираемся «избавляться» от вас, как вы выразились, или удерживать тут надолго. Вы нужны нам там!

— Человек — существо слабое, доктор. Особенно, когда он попадает в змеиные ямы «Конкисты», а его детей держит заложниками Служба безопасности... По-неволе заговоришь!

Ко мне неслышно подошел Агвилла. Лицо его дышало гордостью, смешанной с презрением.

— Именно этого мы и добиваемся от вас, сеньор Искров! Хотим, чтобы по возвращении в Америго-сити вы говорили, писали, рассказывали обо всем, что видели тут, до мельчайших подробностей. Чтобы возвести миру, и Мак-Харрису в первую очередь, что в недрах Скалистого массива, в бывшей резиденции толтекских властителей Второй династии, производится вещество, которое навсегда покончит с «Альбатросом», уничтожит самого Эдуардо Мак-Харриса, его приближенных и приспешников, его заводы, танкеры, небоскребы, всю его империю.

Он умолк, но воздух, казалось, был насыщен напряжением от его беспощадных слов.

— Но что будет, если он заявится сюда? С солдатами, ракетами, самолетами?

— Без нашего разрешения сюда никто явиться не может, — с непререкаемой уверенностью сказал Агвилла. — Никто! Если все же каким-то чудом сюда и проникнет вооруженная до зубов армия...

Взрыв мальчишеского хохота Анди не позволил ему закончить фразу:

— Мой возлюбленный брат, могущественный вождь толтеков, изволит гневаться. Берегись, Тедди!

Агвилла слегка нахмурился, видимо, ему пришлось

не по душе шутка Анди. Но он тут же взял себя в руки.

— Видите, сеньор Искров, какими непочтительными становятся младшие братья, если старшие в детстве не колотили их хорошенько? — с улыбкой сказал он.

Доктор Маяпан с горечью произнес:

— Увы, у моих сыновей не было времени ни для драк, ни для детских игр... Они расстались рано — один уехал на север, другой на восток, к морю, и долгие годы были разлучены. Зато теперь не перестают спорить по любому поводу: кому первому отправиться в рискованную разведку по Теофану, кому взвалить на себя мешок потяжелее и даже, представьте себе, сеньор, кому бить штрафной в футболе.

Агвилла улыбнулся краешком губ:

— Отцы не всегда видят собственных детей в истинном свете. Лично мне наше детство представляется куда более интересным, чем у других мальчишек. Но не будем больше об этом говорить. Если не возражаете, сеньор Искров, пойдёмте, я покажу вам нашу мастерскую.

Я не заставил себя ждать.

«Мастерская» оказалась современным, полностью автоматизированным предприятием. Агвилла познакомил меня с производственным процессом, который, впрочем, так и остался для меня тайной. Я с детства ненавидел химические формулы и из всего школьного курса запомнил лишь O_2 и H_2O , да и то потому, что вынужден ежемесячно выкладывать за них немалые деньги. Но одно я усвоил: именно здесь гремучий песок превращается в зерна, которые, растворяясь в воде, становятся высокооктановым горючим. И ещё кое-что стало мне ясно: чтобы достичь этого, Доминго Маяпану пришлось трудиться двадцать два года, Агвилле — двенадцать, а Алехандро помог им тем, что сумел прочесть письма Эль Темпло.

— Сразу после Кампо Верде, — рассказал Агвилла, — отец занялся химией. До той поры он был простым крестьянином, выращивал кукурузу, одно время работал мотористом на нефтяных промыслах. Вообразите, сеньор Искров, в тридцать лет засесть за учебники! Без единого цента в кармане отец отправился в Штаты и поступил в Институт Эдисона. Я поехал с ним. По ночам он работал в одной из лабораторий «Тексико-нефть», а днем учился. Из последних сил. Жили мы в крохотной каморке на окраине Далласа, стряпали на плитке, чаще всего гороховую похлебку. До сих пор не выношу ее запаха! Я тоже хотел работать, чтобы помочь отцу, но он не позволил. Единственное, что от меня требовалось, — отличные оценки в школьном дневнике, и я как послушный сын приносил их. Хотя один я знаю, чего мне это стоило... особенно в первые годы, когда перед глазами неотступно стояли картины пережитого в Кампо Верде... Они преследовали меня во сне, голова раскалывалась от кошмаров, днем они мерещились мне в школе. Особенно тяжело было видеть, как мои одноклассники хвастались своими мамами или выходили с ними на прогулку...

Кампо Верде! Опять это Зеленое поле!

— Годам к шестнадцати я немного успокоился, — продолжал Агвилла. — К тому времени отец стал дипломированным химиком и возглавил одну из лабораторий «Альбатроса».

— А где был Алехандро?

— Он оставался на попечении Педро Коломбо. Какое-то время жил здесь, в Эль Темпло, а когда подрос, уехал на Остров, где занялся языками, историей, археологией. За четыре года сумел получить два университетских диплома. Он у нас способный... Жаль только, что помимо знаний, набил себе голову политической.

— Тебе бы тоже не помешало пожить там несколько месяцев... — ввернул Анди.

— Мое место здесь! — резко бросил Агвилла и, обращаясь ко мне, продолжал: — Пока Анди зубрил санскрит и другие древние языки, мы с отцом перебрались из Далласа в Америго-сити. Там, в лаборатории «Альбатроса», он и открыл формулу нового вещества.

С той же отцовской нежностью, с какой он накануне представлял мне своих сыновей, доктор Маяпан обнял Агвиллу и взъерошил его золотистые волосы:

— Наш Белый Орел скромничает. Формулу открыл он. Я лишь провел подготовительную работу, синтезировал реагент для обогащения гремучего песка. Долгих пять лет бились мы над этим с доктором Зингером, провели свыше трех тысяч опытов. Все они записаны в дневнике...

— ...который своевременно исчез из секретного сейфа Мак-Харриса, открывавшегося шифром 77 77 22! — заключил я, осененный догадкой.

— Именно так оно и было, — подтвердил Маяпан. — Вот этот дневник. — Он вынул из-под груды бумаг несколько толстых тетрадей с выпцветшими обложками. — Все свое свободное время мы отдавали гремучему песку. Проводили в лаборатории субботние и воскресные дни, праздники, оставались там даже под Новый год — так были увлечены фантастической задачей. Казалось, вот-вот блеснет разгадка. Но до нее было еще далеко.

— Мак-Харрис не чинил вам препятствий?

— Эдуардо очень доверял Бруно Зингеру. К тому же он полный профан в химии. Он полагал, что мы заняты поиском новых способов синтеза углеводородов. Как ни странно, это было не так уж далеко от истины.

— А чем в это время занимался Агвилла? — Мне хотелось узнать от него как можно больше.

— Учился на химическом факультете в Америго-

сити. Но, разумеется, этого было недостаточно, и последние два курса с ним занимался сам Бруно Зингер.

— Когда же вам, наконец, удалось найти нужную формулу, доктор Маяпан «покончил с собой»!

— Совершенно верно. На берегу Рио-Анчо мы обнаружили полуразложившийся труп — должно быть, один из тех, кто пал жертвой стайфлита, он ведь очень быстро делает свое дело. Нам пришла в голову мысль одеть мертвеца в мое платье, в карман положили мои документы и сбросили тело в реку. Я как сейчас помню тот вечер. Удушливый смог проникал во все щели, все живое попряталось под крышу. В лаборатории остались мы трое: Бруно, Агвилла и я. И когда из трубки закапали первые капли долгожданного энергана, мы с Бруно не смогли удержать слез. Клянусь честью, сеньор Искров, мы плакали от радости. Агвилла устоял. Он вообще никогда не плачет. Только однажды — тогда, в Кампо Верде... А в тот вечер, в лаборатории, он не сводил глаз с пробирки, где набралось граммов десять зеленоватой жидкости, и, словно заклинание, твердил: «Берегись, Мак-Харрис, твой час пробил...»

— И, разумеется, ошибся, — вздохнул Агвилла. — Ровно на двенадцать лет. На долгих двенадцать лет... Это произошло второго августа нынешнего года.

— Почему же потребовалось столько времени?

— Потому что десятью граммами нового горючего Мак-Харриса не сломить, — ответил Агвилла. — Он добывает сотни миллионов тонн нефти и диктует свою волю миллионам людей. Требовалось наладить массовое производство энергана, а мы понятия не имели, где взять гремучий песок.

— Но ведь первые граммы вы из него получили? — недоумевал я.

— Стоп! — воскликнул Анди. — Это уже новая тема, а се хватит на десять телевизионных серий, как раз для твоего приятеля Джонни Салуда. Хочешь, я

расскажу ее за... один символический доллар?

— Идет!

Над дверью лаборатории замигала желтоватая лампочка, из динамика донесся голос Педро Коломбо:

— Я здесь.

Агвилла коснулся рукой верхнего угла двери, она открылась.

— Мы тут заболтались, — сказал он, — а лошади ждут. Пошли!

8. Алехандро Маяпан и гремучий песок

Пять раз перетаскивали мы тяжелые мешки со двора в лабораторию. На обратном пути Анди рассказывал мне о гремучем песке и «Песне». Он был взволнован, обрывал фразы на полуслове, то и дело останавливался перед какой-нибудь каменной фигурой, чтобы объяснить ее назначение. Время от времени он усаживался на стертые ступени пирамиды, пытаясь втолковать мне математическую закономерность движения небесных тел. Он любил и досконально знал Эль Темпло. Вот что я узнал от него.

Эль Темпло нельзя назвать руинами в археологическом смысле слова: большая часть стен и кровля достаточно хорошо сохранились, что позволило уберечь от разрушительного действия времени и многое из того, что находилось внутри. Почти все здесь было выполнено из камня — от полов до крыш храмов, от дворов до скульптур. Этот комплекс построек некогда составлял охотничью резиденцию царей Второй династии. По причинам, пока еще неясным, она была покинута, причем все, что только можно, было заранее вывезено. Скорее всего, поблизости появился опасный враг, и по неписаным законам древних толтеков резиденция была засыпана. Остальное довершило время. Еще и сегодня, если не считать прохода под аркой, раскопанного Ко-

ломбо и расширенного Анди, земля прячет от глаз человека эту жемчужину толтекской архитектуры.

— Ты, верно, знаешь, что слово «толтек» означает «мастер-строитель», — добавил Анди.

— Однако резиденцию кто-то обнаружил, — заметил я.

— Педро Коломбо. Он слышал о ней от своего отца, а тот от своего. Педро утверждает, что его род ведет начало от древних толтеков, в давние времена обитавших в этих местах. Более того, он убежден, что и мой отец принадлежит к этому роду, иными словами, мы с Агвиллой — далекие потомки и наследники правителей Второй династии. Разумеется, все это не более как легенда. Но в один прекрасный день Педро отрыл туннель, который ввел его внутрь Эль Темпло. По закону племени он сообщил об этом моему отцу. С этого все и началось.

— Что ты имеешь в виду?

Анди задержался перед барельефом, изображавшим человека, из груди которого вырывают сердце.

— У моих предков были жестокие нравы. Взгляни-ка. Они вырывали сердце у живых людей и приносили в жертву своим кровожадным божествам. Но обрати внимание, какое мастерство исполнения! Таких скульптур теперь нет.

Он задумался.

— Меня привели сюда трехлетним малышом, — помолчав, сказал он.

— В три года?! Как же ты смог добраться?

— Пешком. В ту пору у нас еще не было лошадей, вообще ничего не было. Но что оставалось делать? После Кампо Верде мне некуда было деться. Отец и Агвилла бежали на север, а меня Педро Коломбо привел сюда. Тропа тогда была пошире, чем теперь, но трехлетнему ребенку она казалась дорогой ужаса. Педро вел меня за руку, он не решался нести меня — боялся,

как бы мы оба не полетели в пропасть. Сначала я плакал от страха, кричал, потом умолк... Помню ли я этот спуск? Педро так часто о нем рассказывал, что он всегда у меня перед глазами. Иногда мне даже снится, будто я иду по тропе, глаза круглые от страха, ноги не слушаются. А Педро осторожно тянет меня за собой и все приговаривает, как хорошо внизу, какая там чудесная свежая вода, сколько игрушек... «Может, мы и маму увидим, только, пожалуйста, не капризничай, Анди, иди, мой мальчик, иди...» По-моему, к тому моменту, когда мы, наконец, оказались внизу, я повзрослел. Да, да, именно повзрослел. Года на три. Но мамы внизу не было... Ее вообще не было в живых...

Наступила долгая пауза. Глядя на каменного человека, у которого исторгают из груди сердце, я пытался найти связь между этим барельефом и рассказом Анди.

— А доводилось тебе снова проходить по Белой Стене?

— Не один раз. И даже с грузом на спине: нес разную аппаратуру и мало ли что еще...

Что именно, он не сказал.

— А потом? — настаивал я как ребенок, нетерпеливо ожидающий продолжения сказки.

— Потом было легче. Сначала, кроме нас с Педро, тут никого не было, потом пришли Эль Гранде и другие. Через некоторое время появился отец, но снова ушел. А когда я обнаружил гремучий песок, он стал бывать здесь все чаще, уже вместе с Агвиллой.

— А что это, собственно, такое — гремучий песок?

— Спроси отца, он объяснит и покажет формулу, она занимает целую страницу. Я знаю только, что это какое-то необычное углеводородное соединение, которое образовалось благодаря исключительным природным условиям.

— Где же ты его обнаружил? — спросил я, ожидая в

ответ услышать «в туннеле под горой» или что-либо в этом роде, но Анди коротко сказал:

— В вазе.

— Вазе?!

— Да, в большом красивом керамическом сосуде, в каких древние хранили пищу и воду. Здесь много таких. Видишь ли, Тедди, с той минуты, как я ступил сюда, все здесь — лес, вода, обезьяны, а главное, Эль Темпло — стало для меня родным домом, детским садом, парком для прогулок, магазином игрушек, театром, зоопарком, всем! Целых семь лет провел я тут, на пространстве площадью в один квадратный километр. Я начал с того, что разведаль окрестности, потом стал забираться в развалины, все глубже и глубже, и передо мной открылись шедевры древнего зодчества и искусства. Нет, там не было золота и других сокровищ, наши предки во время бегства, должно быть, унесли их с собой. Не сочти это за нескромность, но первооткрывателем Эль Темпло я смело могу назвать себя. Девятилетним мальчишкой я с фонарем в руке взбирался на пирамиду, карабкался на террасы, бродил вокруг статуй, очищал от праха тысячелетий фриз и фрески, освобождал от наслоений выбитые на стенах барельефы и письма. Я обшарил каждый уголок, каждый камень, каждое отверстие, ничего не боялся, даже змей. Наверно, тогда-то я и влюбился в археологию, хотя не подозревал, что мое увлечение носит такое название. Педро выучил меня читать и писать по-испански, Эль Гранде — по-английски и по-французски, один старик, его уже нет в живых, дал мне кое-какие представления о древних индейских наречиях. После каждого похода наверх они приносили мне разные книги и журналы — по археологии, истории, криптографии. Я выучил наизусть биографию Шампольона, который первый расшифровал египетские иероглифы, по ночам мне снились Кортес и Монтесума, я мог часами читать на па-

мать отрывки из трудов Стивенса и Кедруда, открывших останки древних индейских цивилизаций в Центральной Америке, знал в подробностях об удивительных находках Томпсона *. Однако здешние письма оставались для меня безгласными. Вскоре они завладели мной безраздельно. Я целыми днями просиживал над завитушками, черточками, квадратиками, кружочками, мучительно пытался понять, что означают профили людей, улитки, птичьи клювы, однорогие морды. Они стали моей страстью, моей судьбой. И предопределили дальнейшую жизнь, как, впрочем, и все остальное.

— А где же гремучий песок? — нетерпеливо спросил я. — Как ты нашел вазу?

— Сразу видно журналиста! — рассмеялся Анди. — Пока не выкачает все из человека, не успокоится. Ладно, ладно, расскажу и об этом. Во время моих скитаний по Эль Темпло я постоянно натыкался на урны, вазы, кувшины с окаменевшими остатками провизии: зернами кукурузы и какао, солью. На каждом сосуде помимо рисунков имелись и надписи. Как-то раз, роюсь в земле возле помещения, которое древним служило кухней, я наткнулся на хорошо сохранившуюся запечатанную вазу. Вскрыл ее и увидел, что она заполнена каким-то черным порошком. Сначала мы приняли его за потемневшую от времени кукурузную муку и собирались выбросить. Но кому-то из нас, уже не помню кому, пришло в голову, что это, возможно, каменный уголь. В тот же вечер, когда мы готовили на костре пищу, я присыпал головешки этим порошком. Мы чуть не взлетели на воздух — он оказался сильнее динамита. Мы называли его «гремучим песком», мастерили из него ракетницы, устраивали фейерверки. Использовали его и

* Э. Х. Томпсон — американский археолог, открывший развалины Чичен-Ица, древнего города майя в Юкатане.

при расчистке туннелей, для расширения пещер. Однажды мы попробовали смешать его с водой...

— Получилось горючее?

— Порошок выпал в осадок, который мы тут же выплеснули. И не будь отца и Агвиллы, запасам гремучего песка наверняка пришел бы конец. Они отчитали меня за то, что мы занимались всякими глупостями, а остаток забрали с собой. Уж не знаю, сколько раз они принимались разгадывать надписи на вазе, но им это не удалось. Впрочем, мне тоже, хоть я бился над этим не один месяц. Единственное, о чем мы догадывались, что это, должно быть, стихи: знаки размещались одни под другими четкими рядами. Отец перерисовал их, пытался показать знакомым криптографам — тоже безрезультатно. Именно тогда он переехал в Америго-сити и начал работать в лаборатории «Альбатроса». Найденный порошок очень его заинтересовал, он занялся его исследованиями — сначала один, потом вместе с Бруно Зингером. Позже к ним присоединился Агвилла. Остальное ты знаешь: как были получены первые капли энергана, радость отца, мнимое самоубийство и приезд сюда, чтобы найти источник песка, его месторождение.

— Вам это удалось?

— Не сразу. Я уже учился на Острове, а отец с братом несколько лет подряд тщетно искали тут вокруг. Все перерыли, дошли даже до соляных шахт восточнее Скалистого массива. Никаких следов. А я почему-то верил, что разгадка скрывается в надписи на вазе, — мы называли ее «Песней». И не ошибся. Мы нашли Ясимьенто — месторождение порошка — после моего возвращения с Острова.

— Сколько же времени ты прожил на Острове?

— Мне было одиннадцать, когда друзья отца переправили меня туда на моторной лодке. Конечно, это было рискованно, но все-таки не так страшно, как при спуске с Белой Стены. Береговая охрана Веспуччии

нас обнаружила и открыла огонь. Пулеметной очередью продырявило борт, ранило моториста, мы чуть не пошли ко дну. На наше счастье, в тот день был особенно густой смог, он скрыл нас, как дымовая завеса. — Анди засмеялся: — Редчайший случай, когда от стайфли была польза. Под его прикрытием мы благополучно добрались до места. Приняли меня как своего, прикутили, я нашел новых друзей, новую родину. Там закончил школу, университет, стал археологом и лингвистом.

— И пристрастился к политике?

— Да, и это тоже. К неудовольствию моего брата. Сам-то он напичкан романтическими бреднями о могущественных вождях племени, о древнем толтекском царстве... Что поделаешь, это у него реакция на то, что произошло в Кампо Верде... Вернулся я уже дипломированным филологом. Прошло совсем немного времени, и мне удалось расшифровать надпись на вазе, а затем и другие надписи на стенах, камнях, глиняных табличках.

— Расскажи, что же выяснилось?

— «Песня», как я и думал, оказалась стихотворением, небольшим, но очень поэтичным. Если хочешь, я тебе его когда-нибудь прочту.

— О чем же оно, если не секрет?

— Об Ясимьенто и о том, как мои далекие предки использовали гремучий песок для праздничных огней. А сейчас Агвилла и отец с его помощью собираются сокрушить Мак-Харриса.

— А ты?

— Я?.. Помогаю им по мере сил и возможности. Как и подобает верноподданному Белого Орла... — Анди явно чего-то не договаривал. — Хотя, по-моему, энерган можно использовать для иных, более нужных целей в интересах всего человечества. Конечно, не у нас, а там, на Острове... У нас он рано или поздно окажется в руках военных, а уж они найдут ему при-

менение. Ты, верно, знаешь: часть энергана попала на военные склады. По телевидению показывали. Увы, такова участь многих открытий и изобретений с незапамятных времен. Алчные руки военных завладевают ими, и вместо того, чтобы служить человеку, они становятся средствами массового уничтожения. К сожалению, отец и Агвилла, особенно он, полностью не отдают себе отчета в этой опасности. Они ослеплены ненавистью... — Он вздохнул. — Хотя, как знать? Может, они и правы. Может, я не в состоянии их понять, слишком мал был тогда, в Кампо Верде, и нет во мне такой же жгучей жажды мести.

Он замолчал. Вскоре мы вернулись к прерванной работе. Во дворе нас ждали лошади. Мы взяли каждый по мешку и направились в лабораторию — в храм кроважного толтекского божества.

9. Урок психологии

Вечер я снова провел в столовой в обществе Доминго Маяпана и его сыновей. На сей раз к нам примкнул Педро Коломбо.

Я смертельно устал от непривычной работы. Никогда прежде не приходилось таскать такие тяжести, как эти мешки с песком. Анди утешал меня:

— Тедди, людям умственного труда такой труд полезен, выпрямляет позвоночник. Поработаешь тут недельку-другую, так окрепнешь, собственная жена не узнает.

Моя жена, мои дети... Где-то они сейчас? Школьные каникулы давно кончились, мальчикам пора бы вернуться домой. А они, должно быть, еще там, в руках Службы безопасности. А Клара? Наверно, с ума сходит от тревоги. Если только ее тоже не увезли туда...

— Увы, Анди, — ответил я. — Здесь-то я могу стать

даже Геркулесом, но в Америго-сити стайфли быстро меня скрутят!

Мы заговорили о смоге, этом подлинном биче рода человеческого. И тут я вспомнил профессора Моралеса и передал его просьбу. Оказалось, они о ней уже знали, но, видно, хотели узнать подробности. Я рассказал о профессоре, о его визите ко мне, постарался передать его тревогу за судьбу Земли, а в заключение, стараясь, чтобы это не выглядело слишком сентиментально, выложил на середину стола серебряный доллар.

— Символический доллар. Плата за патент на производство энергана или лицензию на его распространение.

Агвилла повертел монету в руках и мягко улыбнулся:

— Самая дорогая плата, какую я получал когда-либо в жизни, но, к сожалению, я не могу принять ее, — и он пододвинул доллар ко мне. — Вернете профессору. Передайте, что я искренне сочувствую их движению и хотел бы помочь, но не могу — во всяком случае пока — выполнить его требования, даже в обмен на все сокровища мира.

— Почему? — глупо спросил я, хотя заранее знал ответ.

— Потому что энерган нужен мне пока для других целей. Мы боремся с Мак-Харрисом, а не с кучкой либерально настроенных апперов. За Мак-Харрисом стоит Командор. И армия. И даже, к нашему большому сожалению, рабочие-нефтяники, которые ополчатся на нас, если мы снова выступим...

Анди с досадой перебил:

— Опять рабочие! Когда ты, наконец, поймешь, что они могут стать твоими самыми верными союзниками?

— Пока это не так.

— Потому что они не знают! Разъясни им свою цель, и я уверен, они будут на твоей стороне.

— А как прикажешь им объяснить? Выступать по радио? По телевидению? Да нас тут же засекут!

— Но ведь сеньор Искров именно для того и пришел сюда, — раздался голос старого Маяпана.

— Кто ж ему там позволит заниматься пропагандой! К тому же еще неизвестно, согласится ли он на это.

Я молчал, несколько ошарашенный спором, разгоревшимся вокруг моей особы.

— Мы не для того вызвали сюда сеньора Искрова, — возразил Агвилла. — Предоставим пропаганду Рыжей Хельге. Она свое дело знает. Сеньор Искров находится здесь в качестве нашего рупора и свидетеля. Он должен исполнять функции, которые мы возложили на него второго августа.

Итак, я был лишь «рупором», «свидетелем», «исполнителем функций». Не слишком лестные эпитеты для многоопытного журналиста, вообразившего, будто он трудится во имя высшей цели — спасения человечества! Или на худой конец разрабатывает собственную золотую жилу... Впрочем, пусть будет так, решил я. Если уж мне отведена роль рупора высокой идеи, почему бы не возвестить о ней всему миру уже испытанными средствами? Может, я и в самом деле смогу стать апостолом Надежды, той самой Надежды, которую стремится уничтожить Эдуардо Мак-Харрис.

— Будьте со мной откровенны, — обратился я к своим собеседникам, — не щадите моих чувств. Конверт с рекламным объявлением попал ко мне случайно?

Все трое дружно рассмеялись.

— О нет, сеньор Искров, — ответил доктор Маяпан, — у нас не бывает случайностей. Нам был нужен такой человек, как вы.

— Что вы имеете в виду?

— Человек, соответствующий определенным требо-

ваниям: не только превосходный журналист, но и отзывчивый, порядочный человек, к тому же стесненный в средствах, а еще лучше — в данный момент не имеющий работы.

— Не понимаю.

Доктор Маяпан протер стекла очков и устремил на меня взгляд лукавых глаз:

— Сейчас поймете. Отзывчивость позволила бы ему ощутить справедливость нашего дела. Порядочность — написать о нас правду. А мы знали, вы пишете правду. Мы ознакомились с вашими статьями, знаем, из-за чего вы лишились места, — по правде сказать, это окончательно перевесило чашу весов в вашу пользу. О вашей квалификации свидетельствовали репортажи с Огненной Земли, чувствовалось, что вы на стороне повстанцев. Нам нужен был также человек, испытывающий материальные трудности, такой клюнет на дешевое горючее, которое мы ему предложим на Двадцать второй улице. И наконец, нам было известно, что вы в последнее время брались за любую работу, лишь бы заработать лишний доллар, и, следовательно, соблазнитесь возможностью опубликовать сенсационный материал об энергане.

— Иными словами, вы не только хорошие химики и криптографы, но и тонкие психологи. А я-то думал, что действую по собственной инициативе!

— Не сердитесь, сеньор! — сказал Агвилла. — У нас не было иного выбора. Да и вряд ли вы сейчас раскаиваетесь в том, что тогда... гм...

— ...клюнул на вашу удочку! — закончил я.

— Нет! — энергично протестовал он. — Мы не рыбаки, вы не жирная рыба. Сейчас мы все служим одному делу.

— Между прочим, оно все еще до конца мне неизвестно.

— Скоро вы все узнаете. Но прежде я хотел бы послушать, если, разумеется, это вас не затруднит, о чем с вами говорил Мак-Харрис. К чему, собственно, сводятся его предложения?

Прежде чем ответить, я попытался хорошенько вспомнить, что именно меня просил Мак-Харрис передать Доминго Маяпану. И наконец сказал:

— Он ждет предложений от вас — ведь вы первыми нанесли удар. Но прежде всего его интересует, что вы намерены сделать с ним.

— Разве он не догадывается? — удивился Агвилла.

— О чем?

— О Кампо Верде?

— Понятия не имею. Так же, как и о том, о чем ему следовало бы догадаться. Знаю только одно: когда Бруно Зингер перед смертью упомянул о Кампо Верде в связи с именем доктора Маяпана, Мак-Харрис не проявил никакого волнения.

— Умеет владеть собой, — сказал Маяпан.

— Он тебя не узнал, отец! — возразил Агвилла.

— Возможно. Он ведь не узнал меня и тогда, когда я переехал из Далласа в Америкосити. В Кампо Верде он в темноте не разглядел меня. Мне тогда было двадцать девять лет, волосы еще не поседели, лицо не покрылось морщинами. Очков я в ту пору не носил, да к тому же был похож на трубочиста.

— Доктор Зингер молчал, — сказал я. — До самого конца.

Доминго Маяпан встал:

— Друзья! Помянем Бруно Зингера — моего старого друга и большого ученого. Он пожертвовал собой ради нашего общего дела.

Когда мы снова сели, Агвилла обратился ко мне своим обычным, приказным тоном:

— Я хотел бы услышать конкретно, сеньор Искров: чего хочет Мак-Харрис?

— Купить вас, — лаконично ответил я.

Все трое дружно рассмеялись и снова стали членами одной сплоченной семьи, которую ничто не в состоянии разъединить.

— Чего еще от него ожидать! — сказал, справившись с приступом смеха, доктор Маяпан. — Он только это и умеет, покупать и продавать.

— И, думается, не за символический доллар, — бросил Агвилла.

— Право назвать сумму он предоставляет вам.

— Какое благородство!

— Он передал со мной незаполненный чек, сказав, что цифру вы можете проставить сами. Но добавил: она не должна превышать половины его основного капитала.

— То есть — двадцати миллиардов.

— Что-то в этом роде.

Наступило молчание.

— И еще, — продолжал я, — в том случае, если вы располагаете возможностью производить энерган в достаточных количествах на протяжении двадцати лет, Мак-Харрис предлагает вам стать его компаньонами и обещает за этот срок удвоить ваш пай.

— Заманчивая перспектива, — насмешливо произнес Анди. — Компаньоны «Альбатроса»! Кто бы мог подумать, а? Хотя я и враг плутократии, но перед таким предложением устоять трудно... Стану добропорядочным буржуа, отращу брюшко, женюсь на скромной барышне из хорошей семьи, если повезет — на сестре Князя, по воскресеньям буду ходить в церковь и окончу свои дни благочестивым христианином в санатории на Снежной горе.

— Анди, прекрати свои шуточки! — оборвал его старший брат.

— Хорошо, будем говорить серьезно. Послушай,

Тедди, а если мы не примем эти соблазнительные предложения, что тогда?

— Мак-Харрис грозитя уничтожить вас. Так он сказал. Рано или поздно уничтожит. Обнаружит ваше местопребывание, проникнет в ваше логово — так он выразился, — поставит на ноги полицию, армию, но своего добьется.

— Что еще? — спросил Агвилла. В его черных глазах плясали злые огоньки.

Я пытался припомнить, о чем еще Мак-Харрис говорил в своем кабинете той памятной ночью.

— Он просил передать, что сделает это не только ради блага народа Беспучии, но и всего человечества. Сказал, что сам убедился в преимуществах энергана по сравнению с другими источниками энергии, особенно в том, что касается загрязнения окружающей среды. Энерган поможет покончить со стайфли, и во имя этой благородной цели он готов предоставить в ваше распоряжение все свои предприятия. Если потребуется, он перестроит и переоборудует их для массового производства энергана. И народ будет вечно вам благодарен за это...

— Нет, вы только послушайте! — воскликнул доктор Маяпан. — Эдуардо Мак-Харрис в роли филантропа! С каких это пор он так печется о благе народа?

— Как же ты не понимаешь, отец: со второго августа, — отозвался Агвилла. — Превосходно, право, превосходно! Значит, Мак-Харрис созрел.

Спросить, для чего именно созрел Мак-Харрис, я не решился, меня волновало другое:

— Что же мне ответить ему, когда я вернусь?

Агвилла резко выпрямился. В его позе не было ничего нарочитого, но она была исполнена такого величия, какое было подстать истинному вождю племени толтеков, Великому Белому Орлу.

— Вы расскажете ему о том, что уже видели здесь и что вам предстоит увидеть. Идемте!

Я послушно последовал за ним.

По пути Агвилла заглянул в комнату связи, поинтересовался новостями. Из слов оператора я понял, что пикап прибыл по назначению, а моторная лодка загружается. После чего мы направились по туннелю к Эль Темпло. Однако на сей раз меня вели иным путем. Вместо того чтобы вступить на подножие пирамиды, мы свернули в сторону и по боковой лестнице спустились глубоко вниз. Долго петляли по низким коридорам, шлепали по зловонным лужам, пока, наконец, не подошли к железной двери, похожей на дверь лаборатории. Агвилла дотронулся до верхнего угла слева, дверь бесшумно открылась, и мы вошли внутрь. Агвилла включил электрический свет — здесь его экономить не было нужды.

Мы стояли в огромной пещере. Насколько я мог понять, это была природная пещера, одна из тех, что в изобилии встречаются под Скалистым массивом и служат складами провизии и военного имущества. Пещера, в которой мы находились, была до самого свода заставлена ящиками и коробками с эмблемой белого орла. В глубине виднелся подъемник.

И тут я понял, что именно эту картину я уже видел накануне на экране монитора!

— Здесь две тысячи тонн энергана, — сказал Агвилла. — Можете сами подсчитать, какому количеству горючего это соответствует.

Я не мог скрыть своего удивления.

— Когда вы успели изготовить столько?! С такими скудными подсобными средствами и в небольшой лаборатории?

— Терпение! — сказал Агвилла и повел меня дальше.

Примерно в полчаса ходьбы отсюда находилась

другая пещера, а рядом несколько пещер поменьше. Все они доверху были набиты коробками с зернами энергана.

— Здесь собрано несколько тысяч тонн, — сказал Агвилла.

Мы повернули назад. Возможно, были и другие склады, но мне их не показали. Дорогой Агвилла рассказывал:

— Все, что вы видели, — плоды четырех лет работы. С того дня, как Анди расшифровал надпись на вазе. Пожалуй, и четырех лет нет — ведь первые месяцы ушли на строительство лаборатории, налаживание транспорта и прочее. Признаться, тяжело пришлось. Все, без преувеличения все — от стакана воды до сверлильных станков — пришлось переносить на руках или на спине, лошадей сюда спустить было невозможно. Мы карабкались по Белой Стене, ножами прокладывали в джунглях путь, по пояс тонули в трясине, людей вместе с поклажей сносило потоками. Нас кусала мошкара, преследовали хищные звери, мы сутками не спали, работали без отдыха, голодали... Трое погибло — двое сорвались со стены, третьего ужалила змея. Особенно трудно было доставлять металлические секции для обогатительного бассейна... Так продолжалось до тех пор, пока не прорыли новые туннели. Наконец оборудовали лабораторию и получили первые партии энергана, а с ним и электроэнергию. Сейчас мы вырабатываем несколько тонн зерен в сутки.

— Поразительно! И есть возможность получить больше?

— Лошади не выдерживают нагрузки. Но десять тысяч тонн энергана — это не пустяк! И наверху примерно столько же.

«Видимо, их сейчас выгружают из машины и моторной лодки», — мысленно добавил я, а вслух сказал:

— Такими темпами вы сможете весь мир обеспечить энерганом.

— У нас мало людей. Вы сами видели.

— Почему же вы не привлечете еще?

— Из соображений безопасности. К тому же далеко не каждый способен одолеть дорогу к Ясимьенто. Что же касается лично меня, то мне вполне достаточно тех запасов зерен, которыми я располагаю сегодня. Дальше будет видно.

— Агвилла, разрешите задать вам один вопрос, на который вы можете и не отвечать. Нужный песок добывают только в Ясимьенто?

— Пока да. Но мы с отцом работаем над другим сырьем, оно доступнее, его месторождения богаче. Как правило, они находятся в тех районах Земли, где тектонические процессы сходны с нашими, а таких много: в Мексике, Японии, Индонезии, на Камчатке, даже в Италии. По сравнению с ними наш Ясимьенто беден... Хочу надеяться, что решение не за горами.

— Но это замечательно! Вы отдаете себе отчет, что если ваши попытки завершатся успешно, то вы на пути к тому, чтобы разрешить энергетическую проблему на нашей планете! Спасти человечество от ядовитых загрязнений воздуха! Преобразить облик Земли! Превратить пустыни в сады!

От волнения я не находил слов, но Агвилла, угадав мое состояние, задумчиво произнес:

— В данную минуту, сеньор Искров, человечество не слишком интересует меня. Да и что такое человечество? Мак-Харрис, апперы, генералы? Или полицейские, которые не задумываясь способны вырвать сердце из груди живого человека? Солдаты, в «патриотическом» порыве стреляющие в собственных отцов? Ученые, за несколько тысяч сребреников создающие новое смертоносное оружие? Торговцы, бесстыдно грабящие людей, писаки, стоящие на задних лапках перед

апперами, продажные журналисты... Это тоже человечество?

Я перебил его:

— Но, Агвилла, человечество — это еще и дети, и женщины, обыкновенные люди, труженики, те, кто в поте лица создает материальные блага...

— Оставьте свою дешевую пропаганду для других, сеньор Искров. Кому-кому, а вам полагалось бы знать истинное положение дел в мире. Вот вы говорите «труженики», а они из страха перед энерганом бастуют. Крестьяне припрятывают молоко, которое у них есть, пусть в небольших количествах, и сбывают его на черном рынке. Разве они при этом думают о голодающих детях? А женщины... Женщины продают себя тем, кто дороже заплатит...

Я снова перебил его:

— Вы любили когда-нибудь, Агвилла?

К моему немалому удивлению, невозмутимый Белый Орел, умеющий подавлять других своей язвительной надменностью, вдруг залился краской. До кончиков ушей. До корней буйных волос. Смутился, как девушка.

— Женщины меня не интересуют, — сказал он внезапно осипшим голосом. — И без них хватает забот... Что касается любви... — Он улыбнулся так, что отчетливо обозначились ямочки на щеках и подбородке, и стал таким привлекательным, что, ручаюсь, ни одна женщина перед ним не устояла бы, — о любви я читал в романах. Пустое занятие...

10. Кампо Верде — земной рай

Из обхода пещер мы вернулись поздно ночью, но Доминго Маяпан и Анди еще не спали. Мы нашли их в комнате у Педро Коломбо перед монитором, который держал под наблюдением Белую Стену. Доктор Мая-

пан махнул нам рукой, и мы присоединились к ним.

Сначала я ничего не мог разглядеть — экран заволгло сероватой дымкой, но звук был отчетливый. Лаяла собака. С каждой минутой лай все усиливался, словно животное приближалось к нам.

— Свет! — приказал Агвилла.

В то же мгновение мощный луч прожектора пополз к пещере. Вот он достиг тропинки и выхватил какое-то существо, стремительно мчавшееся вниз. Коломбо повернул рычажок, изображение укрупнилось: это и в самом деле была собака, большая, откормленная собака.

— В пуэблосах таких нет, — сказал Педро Коломбо.

— Ты прав, — задумчиво подтвердил Агвилла. — Гаси!

Прожектор погас, в непроглядном мраке слышался собачий лай, он звучал все громче и громче.

— Отпустим? — спросил Анди.

— Ну, нет, — ответил Агвилла. — Рассмотрим поблизи. Включай!

Коломбо нажал какую-то клавишу, яркая полоса молнией прорезала темноту, вонзилась в тропинку и погасла. Собака жалобно заскулила от боли, потом затихла, и в наступившей тишине мы слышали, как тяжелое тело покатилося в пропасть. Затем все смолкло.

— Сеньор Искров, — обратился ко мне Агвилла, — ваша машина все еще наверху?

— Вероятно... если ее никто не угнал.

— Я не подумал об этом, — пробормотал он. — Ошибка. Вернуть машину в Тупаку! Немедленно! И принесите мне пса!

Педро Коломбо кивнул в знак повиновения.

Мы пробыли около телеэкрана еще какое-то время, но никаких происшествий больше не было, и мы ушли. На сей раз хозяева повели меня не в столовую, а в помещение, где я еще не бывал.

— Наша библиотека, — сказал Анди.

Боги, какая это была библиотека! Стены огромного зала, в прошлом служившего, вероятно, местом торжественных приемов, украшенные фресками и скульптурами, от пола до потолка были заставлены книгами. Чего только тут не было. Детские сказки и произведения великих классиков, фантастика и поэзия — от древних времен до наших дней. Но особенно широко была представлена научная литература, в первую очередь книги по химии, физике и горному делу, монографии, посвященные нефти, бензину, атомной и солнечной энергии, космическим лучам; книги по географии и астрономии. И едва ли не все, что относится к археологии и криптографии: легенды и истинные факты, исторические сведения и конкретные находки. Я увидел собрание бесценных средневековых рукописей и современные стереоальбомы, оттиски иероглифов и подлинные папирусы...

Тут же стояла изящной формы ваза около метра высотой. Ее поверхность была испещрена черточками, кружочками, птичьими головами, изображением длинноносых мужских профилей на фоне дымящихся горных вершин.

— Вот наша «Песня», — сказал Анди.

Я ожидал услышать стихи, но он сказал:

— А сейчас мы покажем тебе фильм.

Нажатием кнопки он разместил на стене небольшой экран и установил сзади проектор.

— Предупреждаю, Тедди, фильм документальный, никаких постановочных или монтажных фокусов. И старый — снят двадцать два года назад. Но, полагаю, тебе будет интересно. Думаю, ты вспомнишь свою поездку по Теоктану.

Как будто я мог забыть Теоктан, тонущие в грязи селения, бедные хижины, голых ребятишек с вздувшимися животами!

Мы сели. Агвилла принес кукурузный напиток. Но никто не притронулся к стаканам ни во время демонстрации фильма, ни после. Мы не сводили глаз с экрана. Изредка Агвилла бесстрастным голосом давал краткие пояснения, словно все происходившее в фильме его не касалось.

Фильм был снят на цветную, порядком выцветшую пленку и не смонтирован, а просто склеен, поэтому некоторые кадры повторялись по нескольку раз, в особенности те, где была запечатлена Ева.

Начинался он с придорожного знака, на котором значилось: КАМПО ВЕРДЕ — 10 км. Потом камера (снимали явно с машины) помчалась по широкому шоссе, дорога то шла между высоких, поросших густым кустарником склонов, то, вырвавшись из них, вбегала в узкое ущелье, прорезанное прозрачным горным потоком, где молодые женщины стирали белье, то подымалась на округлое плато, откуда открывалась панорама заснеженных вершин, и, снова спустившись в долину, бежала вдоль тучных пастбищ. Навстречу мчались легковые машины и грузовики, люди приветственно махали руками.

Неожиданно из-за поворота нашим глазам открылась долина, от красоты которой у меня перехватило дыхание. Пейзаж казался ненатуральным — ощущение было такое, словно он написан кистью художника идилического семнадцатого века.

Долина, со всех сторон замкнутая зелеными холмами, с розовеющими фруктовыми деревьями в цвету, была почти идеальной круглой формы. Ее пересекала речка с двумя рядами тополей по берегам, их стройные шеренги уходили далеко-далеко и скрывались в ущелье между островерхими скалами.

Дома были словно из сказки: белоснежные стены, террасы, зеленые ограды. И кругом сады, сады... В самом центре возвышалась церковь — изящное строение

с крестом, устремленным в неправдоподобно голубое небо. И всюду — на террасах, на стенах, во дворах — виднелись клетки с певчими птицами. Казалось, я даже слышу, как прозрачный воздух наполняется симфонией радости, хотя фильм был немой.

Машина с кинокамерой подъехала к калитке одного из домов. Во дворе светловолосый мальчуган лет десяти качал рукоять насоса. Заметив машину, он выбежал ей навстречу. Камера крупным планом показала мокрое личико, огромные черные, широко расставленные глаза, нос с легкой горбинкой и ямочки на щеках и на подбородке.

— Это я, — раздался в тишине голос Агвиллы.

Мальчуган протянул руки к камере и, видимо, завладев ею, стал снимать сам, потому что в неожиданно качнувшемся кадре появился человек лет тридцати с худым лицом индейца и смеющимися глазами. Он погрозил мальчику пальцем и, обернувшись к дому, что-то крикнул.

Дверь дома отворилась, и на пороге появилась женщина.

Я не любитель пышных сравнений, особенно когда речь идет о красивых людях или красивых вещах, но должен признаться, что красивее этой женщины я никогда не видел. Она была олицетворением Красоты. Платье из тонкой ткани подчеркивало совершенство фигуры. А лицо... Возможно, именно такой представлялась Вагнеру Изольда, когда он создавал своего «Тристана»: тяжелые золотистые волосы, свободно спадающие до пояса, лучистые голубые глаза, резко очерченные сочные губы. И ямочки... От нее исходила такая стихийная сила, я бы сказал — энергия любви, что, несмотря на побитую, холодную пленку и расстояние в два с лишним десятка лет, даже меня окатило горячей волной восхищения.

— Мама, — прошептал Агвилла. — Мама...

Об этом нетрудно было догадаться — хотя бы потому, что она передала свою красоту сыновьям.

Женщина держала на руках малыша, как две капли воды похожего на нее. Он тут же соскользнул наземь, подбежал к камере и, широко улыбаясь, уставился в объектив.

— Алехандро, — объяснил Агвилла.

Камера описала полукруг и нацелилась на ворота. За воротами стояла машина — небольшой пикап, из тех, на каких индейцы привозили в Америго-сити овощи на базар. В те времена, когда простые люди еще покупали овощи... Из машины выпрыгнул пожилой человек. Когда он приблизился, мне почудилось, что я вижу двойника Агвиллы, только постарше. Тот же рост, размах в плечах, такие же черные пронзительные глаза, орлиный нос, над покатым лбом грива седых волос. Он шел величавой поступью, но без тени позерства: величавость исходила из самой сущности этого человека.

— Мой дед, — сказал Агвилла. — Великий Белый Орел. Тогда он был вождем нашего племени.

Камера запечатлела мирную картину. Возле домов играли ребятишки, по улицам проходили индейцы, в небе плыл воздушный змей с длинным пестрым хвостом.

Агвилла продолжал:

— Кампо Верде, наше родное Зеленое поле, одно из последних убежищ, какие удалось сохранить племени после того, как правительство согнало нас в резервации. Здесь мы чувствовали себя почти как в райском саду. До того, как человек познал зло.

— И это зло, — вырвалось у меня, — явилось в образе нефти.

Как бы в подтверждение моих слов на экране возникла нефтяная вышка, возле нее суетились люди.

— Да, — подтвердил Агвилла. — Именно так. В долине нашли нефть. Исключительно богатое месторож-

дение неглубокого залегания. Мы не успели опомниться, как на наши улицы, участки, даже в дома хлынули бурильщики...

Камера, должно быть из какого-то укрытия, выхватила вышку, потом задержалась на высоком русоволосом человеке в рабочем комбинезоне, который, судя по всему, руководил бурением.

— Эдуардо Мак-Харрис, — бесстрастным голосом произнес Агвилла.

Ни за что на свете не узнал бы я в этом человеке того Мак-Харриса, с каким меня недавно свела судьба! Лишь взглядевшись внимательнее, уловил в его походке ту характерную морскую «развалку», которую президент «Альбатроса» сохранил до сих пор.

Новые кадры. Нефтяные вышки выросли в самом центре поселка. Камера показала группу индейцев, молча наблюдавших за работой. Впереди стоял Великий Белый Орел, рядом с ним Доминго Маяпан с женой. Объектив долго следил за их озабоченными лицами, но вот вождь племени выступил вперед, подошел к Мак-Харрису и стал что-то говорить ему ровно, спокойно, с присущим индейцам достоинством. Мак-Харрис, почти не слушая, продолжал отдавать распоряжения рабочим. И так как Великий Белый Орел не умолкал, в раздражении схватил его за рубаху, что-то крикнул в лицо и оттолкнул. Старик зашатался, споткнулся о железные трубы и упал навзничь.

Агвилла сказал:

— Дед пытался объяснить Мак-Харрису, что Кампо Верде — резервация, и просил, чтобы здесь не бурили скважин.

Со стороны шоссе показались бульдозеры. Огромные машины вытаптывали цветущие сады, валили заборы, с корнями выворачивали деревья, устремлялись на хрупкие стены жилищ. Один за другим оседали дома, рухнула церковь. Индейцы стояли вокруг и все

смотрели, смотрели на жуткую картину разрушения...

Вскоре в долине появились брезентовые палатки, перед ними белье на веревках, костры для приготовления пищи, играющие на траве дети.

Агвилла сказал:

— Около года наше племя тщетно пыталось остановить разрушение Кампо Верде. Великий Белый Орел ездил в Америго-сити, добился приема у правительственных чиновников, получил письменные заверения, что новые скважины бурить не будут. Но кто мог остановить Мак-Харриса? Это железный человек. Кампо Верде сочилось нефтью, и «Альбатрос» становился все богаче, могущественней и беспощадней. Наши люди, покинув разрушенное родное гнездо, строили временные поселения, но вскоре покидали и их в поисках средств к пропитанию, переселялись в окрестные пуэблосы, обойденные нефтяной «благодатью». Многие же оставались работать на скважинах. В том числе и отец.

Камера снова показала знакомый дом. Во дворе Великий Белый Орел беседовал с сыпом, одетым в брезентовый комбинезон. Ева, приунывшая, похудевшая, но по-прежнему красивая, кормила Алехандро. Неожиданно калитка распахнулась, вошел человек в форме и вручил Великому Белому Орлу конверт. Старик вскрыл конверт, прочитал письмо и замахал руками.

Здесь последовательный кинорассказ прерывался. На экране замелькали черные пятна, кусок неба, качающиеся деревья, ползущие бульдозеры, бегущие люди.

Агвилла сказал:

— Люди Мак-Харриса заметили меня и кинулись ловить. Хотели отнять камеру, били, но я вырвался и все-таки успел еще кое-что снять.

«Кое-что»... Он успел снять гибель дома с зелеными дверями и окнами. Хотя изображение порой было не в фокусе, можно было разглядеть бульдозер, ломающий

стены и дымовые трубы, домашнюю утварь и клетки с певчими птицами. Великий Белый Орел в бессильной ярости колотил кулаками по бульдозеру, словно это могло остановить стальную махину, но водитель, ухмыляясь, продолжал свою разрушительную работу. Старик все-таки исхитрился, вскочил в кабину и стащил бульдозериста на землю. Завязалась рукопашная схватка, в борьбу вступил Доминго Маяпан, но побежали люди в форме и быстро справились с двумя непокорными индейцами. Доминго отшвырнули в кусты, а Великий Белый Орел остался лежать среди развалин родного дома. Показался разъяренный Мак-Харрис. Увидав встрепанного водителя и лежащего старика, он вскочил на сиденье, нажал на педаль и проехал по телу поверженного вождя. А затем по развалинам дома...

— Так погиб мой дед, Великий Белый Орел, — с горечью сказал Агвилла. — Последний вождь последнего свободного племени. От горя и ужаса перед увиденным руки у меня тряслись, но я не выпускал камеру и запечатлел его смерть... А позже, той же ночью...

На экране ночное небо и языки пламени над Кампо Верде. Горит нефтяная вышка, суетятся какие-то люди, в них стреляют из ружей и пистолетов.

— Было темно, и мне удалось снять только это... — продолжал Агвилла. — Люди Мак-Харриса стреляли в каждого, кто пытался приблизиться к пожару, и я испугался. Но отец не испугался, он был там, это он поджег нефть. Был там и Мак-Харрис, сражался с огнем голыми руками. Там он и оставил правую руку и изуродовал половину лица. Наутро я переборол страх и снова взял в руки камеру. Спрятался во рву, меня не заметили. Я снимал и снимал до тех пор, пока... Смотрите, сеньор Искров, смотрите внимательно и вспомните эти кадры, когда вновь встретитесь с Мак-Харрисом.

Все, что я увидел вслед за этим, навечно врезалось в мою память.

Белые палатки, кострища перед ними, женщины, готовящие пищу, дети. Со стороны сгоревшей вышки приближаются люди. Лица почернели от копоти, комбинезоны обгорели, у некоторых повязки на голове и руках. Шествие возглавляет Мак-Харрис. Голова у него обмотана бинтами, виден только один глаз. Грудь и правая рука до самого плеча тоже забинтованы. В левой руке у него обсидиановый нож — из тех, что продаются в магазинах сувениров. Когда-то индейские жрецы пользовались ими для жертвоприношений. Все прочие тоже вооружены. Они идут решительно, не останавливаясь, все ближе к белым палаткам. И когда остается шагов десять, открывают стрельбу. Стреляют хладнокровно, тщательно целясь, в женщин, детей, стариков. Те кричат, бегут. Кто-то падает, кто-то корчится в конвульсиях. Из палатки выбегает Ева, видит стреляющих людей и, раскинув руки, загораживает вход, словно защищает кого-то внутри. К ней приближается Мак-Харрис. Взмах левой руки — и обсидиановый нож по самую рукоятку входит в грудь женщины. Она раскрывает рот в предсмертном крике и падает наземь, а Мак-Харрис наклоняется над ней, двумя ударами крест-накрест вспарывает грудь и запускает руку в зияющую рану...

На этом фильм оборвался.

— Дальше я снимать не мог, — почти шепотом произнес Агвилла. — Потерял сознание. Он вырвал сердце у нее из груди.

Анди выключил проектор, зажег свет. Я сидел, боясь шевельнуться, не решался взглянуть на Доминго Маяпана. Перед глазами застыла страшная картина: женщина с рассеченной грудью...

Анди глухо сказал:

— Мама своим телом защитила меня. Ведь это я

был в палатке, у нее за спиной. И только вечером, когда почти никого уже не осталось в живых, пришел Агвилла и отвел меня к отцу — они вместе с Педро прятались на одном из холмов. Тогда-то отец и Педро поклялись — и нас с Агвиллой заставили дать клятву — отомстить Мак-Харрису, отомстить его же собственным оружием. Я в ту пору был еще несмышлепышем и не понимал, что такое месть. А отец тогда и решил изучить химию и сделать химиком старшего сына... Остальное, Тедди, тебе известно. А теперь пора спать.

Я поднялся. Но доктор Маяпан по-прежнему сидел, сжавшись в кресле, и глухо всхлипывал — старый жрец с Двадцать второй улицы плакал, как ребенок...

11. Кампо Верде — земной ад

На утро, когда я проснулся, меня удивила непривычная тишина. Я быстро оделся и вышел. Агвиллу, Анди и Педро я нашел в комнате связи. Они не сводили глаз с экрана первого монитора. Я приоткрыл дверь:

— Можно?

Агвилла кивнул, я вошел и встал сзади. На экране был виден мертвый пес. Он лежал на каменистой земле с разбитой мордой и сломанным хребтом. Рядом с ним на корточках сидел один из здешних караульных. Он докладывал:

— ...Возможно, собака полицейская. Хотя такие же имеются и у кое-кого из апперов — волчья порода. Сверху сообщили, что эти дни по Теоктану разъезжал какой-то американец. Интересовался старинными рукописями. Возможно, собака принадлежала ему.

— Мне нужны точные сведения, — резко сказал Агвилла.

— Я разузнаю.

Агвилла поднялся и вышел из комнаты. Все последовали за ним.

— Не нравится мне это, — задумчиво произнес он. — Собака... Американец... Американцы давно уже не показывались в Теоктানে...

Тогда я решил:

— Агвилла, мне следует вам кое-что сообщить. Может, это и не очень важно, но лучше, чтобы вы знали.

И я рассказал о своей встрече с Дугом Кассиди в отеле, о его беспробудном пьянстве, желании сопровождать меня по антикварным лавкам, о нашей встрече в баре после землетрясения и о том, что он назвал меня «Теодоро», тогда как я путешествовал под другим именем. Агвилла слушал очень внимательно, ничего не сказал, но тут же вернулся в комнату связи. С кем он разговаривал, какие отдал распоряжения — не знаю. Выйдя, он вполголоса посоветовался с братом и Педро, после чего обратился ко мне:

— Сеньор Искров, нам следует поторопиться с осуществлением наших планов. Поэтому вы вернетесь наверх сегодня же. Немедленно. Я немного провожу вас — возможно, до Кампо Верде. Хотите попрощаться с отцом?

— Конечно, — сказал я.

Вот тогда-то я и совершил свой последний рейс в лабораторию. Снова нырнул в туннель, миновал длинные коридоры, поднялся по стертым каменным ступеням и подошел к железной двери. Агвилла приложил руку к левому углу, дверь открылась.

Доктор Маяпан сидел перед пультом, наблюдая за приборами.

— Наш гость должен уехать, — без предисловий сообщил Агвилла.

— Да?

Агвилла кивнул.

— Значит, день приближается?

Агвилла снова кивнул. Доктор Маяпан повернулся ко мне:

— Мы расстаемся, сеньор Искров, но я верю, что ненадолго. Скоро мы увидимся снова. И не здесь, а в Америке-сити. И тогда вы допишете свой репортаж об эмергане.

— Допишу? — улыбнулся я. — До самого конца?

— Да. Потому что конец к тому времени будет известен.

— Так что же все-таки передать Мак-Харрису?

— Агвилла вам сообщит это.

Наступило молчание. Я не мог себя заставить повернуться к двери. Мне казалось, что стоит сделать шаг назад, и все вокруг исчезнет, растает в воздухе, окажется всего лишь сновидением, порожденным стайфли, и я проснусь у себя в комнате на 510-й улице с болью в затылке и горечью во рту.

Доктор Маяпан прищурил свои лукавые глаза:

— Сеньор Искров, я бесконечно вам признателен.

— За что?

— За то, что тогда, второго августа, вы пришли на Двадцать вторую улицу, выполнили мою просьбу, стали моим другом... Ведь мы друзья, правда?

— Да, я ваш друг!

И это было истинной правдой.

— Поэтому, — продолжал он, — я хочу просить вас вот о чем: что бы ни случилось в дальнейшем, дурное или хорошее, радостное или грустное, оставайтесь нашим другом. Я знаю, как вам трудно, полагаю, будет еще труднее, но не сомневаюсь, что вы сумеете не только спасти себя и свою семью, но и сохранить добрые чувства к Эль Темпло. Что касается нас, то не сомневайтесь: мы поддержим вас, где бы мы ни находились — здесь или наверху. Поддержим всеми силами, а их у нас немало. Номер нашего радифона вы помните.

— Еще бы!

Он протянул мне руку, но я не удержался и обнял его.

— До свиданья, милый жрец!

В последний раз обвел взглядом бесчисленные трубы, бассейн, пульт управления, стопку дневников доктора Зингера, поглядел на пернатого дракона на стене и вышел.

На обратном пути меня вдруг пронзила мысль: Белая Стена! Ведь чтобы подняться на плато Теоктана, придется карабкаться по этой крутизне! Я зажмурился. Перед моими глазами всплыл сорвавшийся в пропасть пес, в ушах раздался отчаянный его вой, но, стараясь не подавать виду, я продолжал идти вслед за Агвиллой, объяснявшим мне, что означают иероглифы над главным алтарем.

В столовой мы присели. Агвилла сказал:

— Выпьем на дорожку. Анди, принеси!

Анди принес кукурузный напиток, и я для храбрости осушил два бокала...

Когда я открыл глаза, надо мной сверкало солнце, вокруг высились пики Скалистого массива, а сам я лежал на траве возле старенького оранжевого пикапа. Я поднялся. Голова слегка кружилась.

— Доброе утро, — слышался голос Агвиллы. — Как спалось?

Одетый в пончо, с широкополым сомбреро на голове, он заливал горячее в бак машины.

— Разве я спал? — удивленно спросил я.

— И довольно долго. Анди немного переборщил... — Агвилла рассмеялся. — В этих делах мой геннальный братец не смыслит, ему подавай только старые камни да папирусы. Кроме того, вы хлебнули двойную дозу.

— Так, значит...

Он утвердительно кивнул.

— И по дороге сюда было то же самое?

— Увы... Иначе вам бы не осилить триста километров через джунгли. А так — будто в сказке: засыпаете во мраке дольного мира, просыпаетесь при свете мира горного.

— А я-то воображал, будто знаю о вас чуть ли не все!

— Не обижайтесь, Искров. Элементарные меры предосторожности. И кроме того, мы хотели избавить вас от лишнего беспокойства. Пойдемте-ка лучше перекусим, пора двигаться дальше.

Мы закусили и отправились в путь.

Итак, если не считать воспоминаний о дальних подступах к Эль Темпло со стороны Белой Стены, я по-прежнему понятия не имел, где находится резиденция Второй династии.

— И все-таки, — по дороге рассуждал я вслух, — при современных технических средствах вряд ли так уж трудно обнаружить местонахождение Эль Темпло. Достаточно воспользоваться наблюдениями со спутников, радарам или аэрофотосъемкой... Ультразвук, инфракрасные лучи, лазеры — мало ли теперь всяких средств?

— Потому-то мы так и остерегаемся, — отозвался Агвилла. — Избегаем даже пользоваться стационарными радиопередатчиками и телеаппаратурой, они наиболее уязвимы. Достаточно засечь один наш сигнал — и след взят. Вот почему мы работаем на передвижной аппаратуре. Номер 77 77 22 можно обнаружить по всей стране.

— Знаю по собственному опыту, — сказал я, вспомнив тщетные усилия Командора засечь координаты постов с этим номером.

Где мы находились сейчас, я не знал, а спрашивать

не хотелось. Но вскоре впереди показались знакомые конусообразные очертания вулкана. Мы ехали по широкой дороге — должно быть, раньше она служила магистралью, теперь же была заброшена, завалена камнями, рухнувшими деревьями.

Вдали вырисовывались острые заледеневшие пики Снежной горы. «Там ли еще мои сыновья»? — острой болью пронзило грудь. Равнина внизу едва угадывалась, окутанная плотной грязно-серой пеленой смога. Дорога была пустынна, навстречу не попало ни одной машины, лишь изредка мы обгоняли какого-нибудь индейца с жалкой ношей на плечах — съедобные корни, желуди.

К полудню мы спустились к подножию горы. По обе стороны тянулись округлые холмы — голые, опустошенные пожарами, изъеденные эрозией и смогом. Неожиданно по правой стороне шоссе возник придорожный знак. Табличка потрескалась, была заляпана грязью, буквы почти стерлись, но прочесть все же было можно: КАМПО ВЕРДЕ — 10 км. Этот указатель в свое время вел к земному раю...

Однако чем ближе мы подъезжали, тем больше дорога напоминала подступы к аду. Машина с огромным трудом преодолевала завалы, продиралась сквозь каменную осыпь и поваленные деревья. Некогда цветущие склоны, которые запечатлел Агвилла в своем фильме, теперь были охвачены щупальцами мертвых корней и скрюченных веток, русло реки высохло. Зловонный стайфли проник и сюда.

Вдруг, так же неожиданно, как в фильме, перед нами возникла долина. Теперь это была пустыня, утопающая в белесом смоге и усеянная полуразрушенными нефтяными вышками.

Агвилла вел машину на самом тихом ходу, его неподвижный взгляд был устремлен за горизонт — должно быть, мысленно он возвращался в то утро двадца-

тилетней давности, когда под ножом Мак-Харриса погибла цветущая молодая женщина, его мать...

Вышки, немые свидетели трагического опустошения долины, в сероватой пелене стайфли казались прозрачными. И нигде не видно присутствия человека, ни намек на что-нибудь живое, лишь кое-где возле обвалившейся вышки виднелись обломки стены разрушенного дома.

— Кампо Верде, — шепотом произнес Агвилла.

Голос его прозвучал бесстрастно, но за этой нарочитой холодностью скрывалось столько любви и ненависти! Кампо Верде, «Зеленое поле»!

Что я мог сказать ему в утешение? У меня перед глазами стоял Мак-Харрис с окровавленным ножом в руке.

Агвилла остановил машину посреди небольшой площади — здесь раньше стояла церковь. Вынув из-под сиденья две маски, одну протянул мне:

— Наденьте. Иначе задохнетесь от этой отравы.

И на землю некогда цветущего, а теперь изуродованного уголка земли, среди смрада стайфли и прозрачных контуров полуразрушенных вышек, ступили два уродливых существа с резиновыми хоботами вместо носа и рта, с круглыми стеклами вместо глаз — живое напоминание о том, чем грозит человечеству хищническое пользование благами Земли.

Агвилла заговорил. Приглушенные маской размеренные слова как бы тонули в густом смоге.

— Передайте Мак-Харрису, сеньор Искров, что энерган не продается. Наши требования заключаются в следующем: добровольно, без сопротивления или промедления, в недельный срок передать всю собственность «Альбатроса» — подчеркиваю, всю собственность — индейцам, расселенным на плато Теоктана, в лице их представителя Боско Эль Камино из селения Тьерра Калиенте. Весь этот актив пойдет на

создание условий, необходимых для того, чтобы мой народ вернулся к нормальной человеческой жизни, избавился от нищеты. Это нужно также для того, чтобы вернуть Кампо Верде прежний вид, построить новые селения для уцелевших индейских племен, загнанных в резервации. Это первое. Второе. После того как документы о передаче собственности «Альбатроса» будут подписаны, Мак-Харрис должен по доброй воле предстать перед Верховным судом Америкосити и ответить за совершенные им преступления, в первую очередь за уничтожение Кампо Верде и варварское истребление большинства его жителей. Он виновник гибели вождя племени, Великого Белого Орла, и Евы Маяпан, жены Доминго Маяпана и матери Агвиллы и Алехандро Маяпанов. Мы готовы предъявить суду все доказательства этих преступлений. Если же Мак-Харрис откажется выполнить наши требования, я использую энергию по собственному разумению и не только уничтожу империю «Альбатрос», но и покончу с княжеством Беспуччи, которое эту империю поддерживает. А над самим Эдуардо Мак-Харрисом, куда бы он ни спрятался, сам совершу акт правосудия. Обязую вас, Теодоро Искров, уведомить об этом не только его, но и Командора, Князя, апперов, весь народ Беспуччи. Вам будут предоставлены для этого все необходимые средства и возможности. Вы все запомнили?

— Да.

От слов Агвиллы кровь лихорадочно стучала у меня в висках.

Агвилла достал из-под сиденья плоский коричневый чемоданчик — я оставил его в машине перед тем, как начать спуск по Белой Стене. Сейчас в нем помимо моих вещей лежала коробка с шестнадцатимиллиметровой пленкой и два конверта — черный и голубой.

— В коробке копия фильма, который мы вчера вам показывали. Изыщите способ передать его на телеви-

дение. В конвертах два обращения. Белый предназначен для Мак-Харриса. Вы вручите его только, если вам придется туго. Это вас выручит. По крайней мере на некоторое время. Голубой постарайтесь передать журналистам, в нем изложена правда. И следите, чтобы они у вас не исчезли в дороге, мне будет сложно прислать вам дубликат.

Я осторожно закрыл чемодан, прижал к груди.

— А если возникнут какие-нибудь непредвиденные обстоятельства?

— Дайте мне знать. Кроме того, мои люди будут поддерживать с вами связь.

— Где я их найду?

— Всюду. Даже у Мак-Харриса. Если потребуется, они сами дадут вам знать о себе. Впрочем, на вашей стороне будут многие. — Он задумчиво улыбнулся. — В том числе «Рур Атом» и многие нефтяные магнаты... Я уверен. Энерган не оставит им другого выхода.

Признаться, все эти обещания звучали весьма туманно, но Агвилла не вдавался в подробности, а я не стал допытываться. Я был уверен в одном: Маяпаны меня не бросят.

Часа через два мы подъехали к небольшой железнодорожной станции. Когда-то через нее проходили эшелоны с цистернами «Альбатроса». Теперь тут проходит всего один поезд в сутки. Станция казалась заброшенной. На грязном перроне стояли несколько индейцев с торбой через плечо.

Ударил колокол. Мы молчали: все было сказано.

Когда из-за скал показался локомотив, Агвилла пожал мне руку:

— Я знаю, вам будет нелегко. — Он до последней минуты говорил мне «вы». — Но уверен, вы справитесь! Сделаете все, что нужно. Счастливого пути.

— Спасибо, — поблагодарил я и, не удержавшись, спросил:

— Агвилла, мне все время хочется спросить о том, что не имеет касательства к нашим задачам, относится только к вам лично.

— К вашим услугам.

— Вы крупный химик. Вам принадлежит великое открытие, и, рано или поздно, люди будут вам за него признательны. Но вы подчинили всю свою жизнь, свои устремления и наконец свое открытие жажде мести. Вы стали химиком — по воле отца и в силу обстоятельств... А кем бы вы стали, если бы не трагедия в Кампо Верде?

Агвилла ответил сразу, без колебания:

— Художником. — И, помолчав, добавил: — Или кинооператором. Вы ведь видели, какой фильм я снял в девять лет?

Он улыбнулся. И от этой ребяческой улыбки у меня защемило сердце.

Часть четвертая

Рыжая Хельга

1. Сюрпризы Америкосити

Поезд двигался со скоростью воловьей упряжки. Ему предстояло пересечь южные предгорья Скалистого хребта, пустынные районы западнее Америкосити и у поречья Рио-Анчо повернуть к морю. Он был наполовину пуст, пассажиры — в большинстве индейцы — завтракали, обедали и ужинали, расстелив на коленях домотканые полотенца, а затем дремали на скамьях, подложив под голову свернутые пончо. Я не спускал глаз с чемодана.

Соседи по купе время от времени менялись, но я надеялся, что за мной по распоряжению Агвиллы сле-

дует какой-нибудь ангел-хранитель. Сказал же он о том, что его люди будут поддерживать со мной связь. Всюду. Значит, и в поезде?

Окон не открывали, но каждый час в вагон впускали немного кислорода. С приближением к Америго-сити за окнами все чаще проплывали огромные промышленные комплексы, воздух становился все более насыщенным ядовитыми испарениями, все чаще мелькали люди в масках или с платками у лица.

Почти три недели я был оторван от города, не знал, что творится на белом свете. При первой же возможности накопил газет и, удобно устроившись возле окна, стал просматривать одну за другой. Начал я, естественно, с «Утренней зари» и был поражен, увидев, что энерган почти забыт и я вместе с ним. В литературном приложении печаталась повесть о покорении планеты Омега-001 с упомогачительными подвигами капитана Бима. Прочие крупные газеты также занимали свои страницы чем угодно, только не волнующими проблемами современности. Да, видно Мак-Харрис неплохо позаботился, чтобы заглушить даже далекие отзвуки операции «Энерган».

Под конец я развернул газетку «За чистоту планеты», орган федерации, возглавляемой профессором Моралесом. Как правило, на ее полосах — а их всего четыре — не печатались скандальные истории или сплетни об интимной жизни кино- и телезвезд. Не было там места и для реклам фирмы «Вита-Синтетика». Обычно там публиковались сообщения о митингах протеста в клубе Борцов, статьи об опасности вируса стайфлита, обращения самого Моралеса к правительству с призывом очистить воздух на промышленных предприятиях. Словом, это был скучный, ведомственный бюллетень федерации. Его почти никто не читал, а существовал он на пожертвования, которые собирали на улицах старики и школьники.

Я рассеянно взглянул на первую полосу. И обомлел. Три колонки занимала моя собственная фотография. Крупным планом. Правда, на ней я выглядел моложе, к тому же был без бороды — видимо, снимок взяли из архива. Через всю полосу огромными буквами шел заголовок:

ТЕОДОРО ИСКРОВ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В АМЕРИГОСИТИ С ПОСЛАНИЕМ ОТ «ЭНЕРГАН КОМПАНИ»

Не веря собственным глазам, я стал лихорадочно читать статью.

«Тупаку, 8 сентября. От нашего собственного корреспондента. Вчера поздно вечером в корпункт позвонил незнакомый мужчина, заявивший, что должен передать важное сообщение от имени «Энерган компани». После чего сказал, что журналист Теодоро Искров, автор нашумевшей повести «Энерган-22», бесследно исчезнувший из своего дома три недели назад, провел несколько дней в резиденции «Энерган компани». Сейчас он возвращается в город. О дне и часе его приезда нам сообщат дополнительно. Искров везет послание «Энерган компани» к Князю и правительству Веспуччии, президенту «Альбатроса» Эдуардо Мак-Харрису, нашей федерации, партии апперов и всему населению страны. В нем содержатся предложения, которые могут оказаться решающими для будущего нашей страны и всего цивилизованного мира».

Вслед за этим шло сообщение от редакции:

«Как нам стало известно, две-три недели назад профессор Моралес лично просил Теодоро Искрова вручить «Энерган компани» проект соглашения о сотрудничестве с нашей федерацией. Мы надеемся, что Искров везет положительный ответ. Призываем всех, кому дорог завтрашний день Веспуч-

чин, принять участие во встрече Теодоро Искрова, посланца жизни!»

Не веря своим глазам, я перечитал корреспонденцию раз, другой. В памяти всплыли слова Агвиллы там, в мертвом Кампо Верде: «Вам будут оказывать поддержку многие». Судя по газете, поддержка началась весьма энергично, я бы сказал — чересчур. Интересно, как к этой шумихе отнесется Командор? Запретит готовящуюся встречу или просто-напросто распорядится доставить меня в «Конкисту» прежде, чем я доберусь до Америго-сити? Я еще раз взглянул на фотографию в газете, а затем на свое отражение в окне. Никакого сходства. Из мутного стекла на меня хмуро взирала бородатая физиономия с лохматой головой, в темных очках и спортивной рубашке — ничего общего с элегантным мужчиной на снимке. А в кармане у меня лежало удостоверение на имя Мартино Дикинсева, антиквара... Так что особо опасаться ареста не приходилось. Если только тот забулдыга американец, Дуг Кассиди, не был человеком Командора. Пожалуй, он один из немногих, кто каким-то образом знал, что Мартино Дикинсен и Теодоро Искров — одно и то же лицо.

К счастью, до самого города в вагон никто не заходил и ничего настораживающего не произошло — ни в поезде, ни на попутных станциях. Это меня немного успокоило, и я вновь погрузился в размышления о сложной миссии, которая выпала на мою долю. Ведь, по сути говоря, мне был передан ультиматум, в котором требовалось — ни больше ни меньше! — не только самоуничтожение целой экономической империи, но и физическая гибель главы этой империи! В нем удивительно сочетались расчетливый риск и дерзость с романтическим пафосом, восходящим к пылкой эмоциональной атмосфере первой половины XIX века. На-

сколько я мог уловить, внешностью и духом Агвилла, Белый Орел, полностью соответствовал нормам этики и морали той давней эпохи. Если рассуждать здраво, его ультиматум был порожден скорее страстями, чем трезвым анализом реальной обстановки, и неизбежно содержал в себе ту ограниченность, какой отличается все, что рождено страстью, какой бы благородной ни была цель. Вряд ли Алехандро по доброй воле подписался под ним, хотя, бесспорно, и он считал, что Мак-Харрис заслуживает уготованной участи. Я думаю, будь вождем племени он, а не Агвилла, он, вероятно, принял бы иное решение. Страсти неизбежно вызывают ответные страсти, а это порождает непредсказуемые поступки. Разве согласится Мак-Харрис так просто уйти со сцены? Не толкнет ли могучий инстинкт самосохранения его к ответным действиям, которые могут оказаться куда более пагубными для страны? И, наконец, какова моя роль в этой сложнейшей игре, где материальные интересы, классовые противоречия и расовые конфликты неотделимы от личных столкновений и распаленных страстей?

Поезд въехал под своды огромного вокзала. Я взглянул в окно. По перронам сновали пассажиры в масках, тележки развозили багаж, в привокзальных буфетах торговали минеральной водой «Эль Волкан».

Я тоже надел маску и, крепко держа в руке чемодан, вышел из вагона. Огляделся, двинулся к выходу — все спокойно. Когда же автоматические двери раздвинулись и я ступил на тротуар, моему взору предстала картина, от которой я обомлел.

Вся привокзальная площадь была забита толпой. Люди стояли молча, тесно прижавшись друг к другу. Почти все в масках. Лишь кое-где белели прижатые к лицу платки.

Мимо меня поспешно проходили пассажиры, напуганные таким скоплением народа. А я не мог дви-

путься с места, уверенный, что все смотрят только на меня, что меня узнали.

От переднего ряда отделился высокий худой человек. В отличие от других он не прятал своего лица, и я узнал профессора Луиса Моралеса. Он приблизился ко мне, внимательно оглядел с головы до ног и, обернувшись к толпе, крикнул:

— Человек в синей клетчатой рубашке и маске «Нефертити!» Это он!

Толпа приветственно взревела. Я растерялся, не зная, как себя вести. И в итоге сделал то, чего не следовало: снял маску. В самом деле — «Нефертити», одна из красивейших масок Агвиллы. Мой жест вызвал новый шквал приветствий. А Моралес, тряхнув седой гривой, пожал мне руку и с чувством произнес:

— С приездом, сеньор Искров! Добро пожаловать!

Лишь тут я заметил телекамеры. Позади одной из них, как и следовало ожидать, стоял Джонни Салуд. Он перехватил мой взгляд, замахал руками:

— Салуд, Тедди! Поздравляю!

Я ровным счетом ничего не понимал. Кому я обязан встречей? Что произошло, пока я добирался сюда из Кампо Верде?

Между тем толпа выжидающе смотрела на меня. Ждала, что я скажу в ответ на приветствие Моралеса. И не обращая внимания на то, что зловонный смог забивает легкие, я, заикаясь, пробормотал:

— Я... искренне тронут... Полная неожиданность... Большое спасибо... Я действительно привез предложения, которые, надеюсь, будут иметь важные последствия... способствовать установлению социального мира... Верю, что над нашим отечеством восходит звезда надежды...

Тут до меня дошло, что я говорю затасканные, стандартные фразы, их произносят на всех шумных митингах, но никто не слушает. И я замолчал. Спас поло-

жение элегантно одетый мужчина. Подойдя ко мне, он снял маску, и я увидел Лино Баталли, главного редактора «Утренней зари». Он энергично пожал мне руку и подтолкнул в сторону:

— Тедди, в редакции пресс-конференция, тебя ждут. Едем. Находиться на улице без маски вредно для здоровья. Взгляни на Индикатор: сегодня 86!

С этими словами он повел меня к машине, припаркованной у бокового подъезда вокзала. Я покорно последовал за ним — что мне еще оставалось? Когда так заботятся о моем здоровье!

Открыл дверцу, протиснулся на сиденье и увидел, что в машине сидит Мак-Харрис.

2. Пресс-конференция и ее логическая развязка

Он протянул мне левую руку — ту самую, которая, как я теперь знал, была обагрена кровью Евы Маяпан. Однако мне пришлось пожать ее. Мог ли я поступить иначе? В таком-то окружении?!

— Поздравляю с успехом, Искров.

Мак-Харрис произнес это не свойственным ему безжизненным тоном. Я с удивлением отметил, что на сей раз в его голосе не было властных нот, и внимательно посмотрел на него. Его лицо, прежде резко поделенное на две половины — живую и неподвижную, теперь казалось полностью помертвевшим. Здоровый глаз, полузакрытый веком, смотрел в одну точку.

— У меня для вас важные новости, сеньор Мак-Харрис, — сказал я. — Очень важные.

— Знаю, — безучастно ответил он. — Изложите их журналистам. Пусть о них узнают все. Пусть в эту тяжкую для меня минуту мои соотечественники поймут, какой человек возглавляет экономику страны и на какие жертвы он готов ради их блага.

«Тяжкая минута», «жертвы», «благо» — неслыханные слова в устах Мак-Харриса! Что это — лицемерие или страх, вызванные неведомыми мне причинами? И откуда он знает об ультиматуме Агвиллы?

Мой взгляд упал на грудку газет, лежавших на сиденье рядом с Лино. Я потянулся к ним. Газеты были свежие. На первой полосе каждой из них крупными буквами был помещен один и тот же текст:

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ «АЛЬБАТРОСОМ» И
«ЭНЕРГАН КОМПАНИ»!
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ В ИНТЕРЕСАХ
НАЦИИ!
ТЕОДОРО ИСКРОВУ ПЕРЕДАН ПРОЕКТ МИРНОГО
ДОГОВОРА МЕЖДУ «АЛЬБАТРОСОМ» И
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ УЛИЦЕЙ!
ЭНЕРГАН — ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Все перепечатали корреспонденцию из дневного выпуска газеты «За чистоту планеты».

«Телефонный звонок из «Энерган компани» извещал нас о скором прибытии Теодора Искрова в Америго-сити. Ему поручено вручить проект соглашения между «Энерган компани» и концерном «Альбатрос». Если в недельный срок соглашение будет подписано — а мы на это надеемся, — перед нашим народом откроются беспредельные перспективы благоденствия. К сведению членов федерации: Искров одет в синюю клетчатую рубашу, лицо скрыто под маской «Нефертити».

«Вы найдете поддержку среди многих», — вспомнил я. Любопытно, относилось ли это к газетным публикациям? Или все это очередной ход Доминго Маяпана? Он неплохой психолог, умело расставляет фигуры на шахматной доске, способен сбить с толку самого опытного игрока и принудить его к сдаче.

Я же был не просто пешкой в этой игре, я был союзником тех, кого оставил в Эль Темпло, их другом, их добровольным помощником, взявшим на себя опасную роль. Мог ли я поступить иначе? Ведь меня ни на минуту не покидала мысль о том, что человек, сидевший рядом со мной, не был жертвой. Он убийца. На его совести смерть молодой женщины, все существо которой излучало любовь. И если бы я знал, что мои сыновья вырвались из рук Службы безопасности, если бы жена была укрыта в надежном месте...

Мак-Харрис прервал мои лихорадочные мысли:

— Итак, все обошлось без затруднений?

— Да. Без всяких затруднений.

— Они полностью приняли мои условия?

— Да.

— В самом деле, кто бы отважился не принять их? — Мак-Харрис криво усмехнулся.

— Вы правы, — согласился я. — Кто бы отважился на такое...

— Можно взглянуть? — Он протянул левую руку.

— Прошу.

Я вынул из кармана белый конверт.

Мак-Харрис неторопливо вскрыл письмо. Там оказалось несколько машинописных листков. Мне бросилось в глаза слово «Договор», далее следовали параграфы и клаузулы. И пока машина кружила вокруг редакции, Мак-Харрис внимательно читал текст.

Но вот он перевернул последнюю страницу, сложил листки, сунул их в конверт и жестом победителя спрятал во внутренний карман пиджака.

— Ну, что ж, недурно. Хотя и имеются кое-какие спорные места. — И бросил в спину шофера: — В редакцию!

Взвизгнули тормоза — мы подкатили к подъезду «Утренней зари». На лестнице нас окружили репортеры с камерами и микрофонами в руках, но Лино Ба-

талли бесцеремонно растолкал толпу и провел меня в зал заседаний.

Зал был набит битком, кое-кто из кинооператоров забрался чуть ли не на оконные карнизы. Среди собравшихся я увидел многих коллег, знакомых иностранных корреспондентов, представителей информационных агентств. В глубине зала маячила краснощекая физиономия моего приятеля Панчо. Завидев меня, он широко улыбнулся и приветственно помахал рукой. Само собой, Джонни Салуд тоже был тут как тут. Его камеры были нацелены на длинный стол, за которым уселись Мак-Харрис, Лино Баталли и я.

Вскоре в зал вошел профессор Моралес. Все места были заняты, поэтому ему пришлось встать у стены. И тут произошло поистине невероятное: Мак-Харрис поспешно взял стул из-за стола президиума и жестом предложил профессору сесть. Что же могло произойти в мое отсутствие, если одноглазый ястреб обратился в смиренного агнца?

Лино Баталли представил меня собравшимся, сказал несколько лестных слов о моем вкладе в отечественную журналистику, не преминул остановиться на моей повести. Посетовав на то, что в силу непредвиденных обстоятельств она еще не закончена, он выразил надежду в ближайшие дни узнать о ее завершении. «Мы все ожидаем развязки с огромным нетерпением», — сказал он. И в заключение напомнил, что по поручению всеми уважаемого Эдуардо Мак-Харриса я был направлен к руководителям «Энерган компани». Цель поездки — устранить разногласия между этой организацией и «Альбатросом», которые могли бы обернуться катастрофой для страны. Сказав еще несколько слов о моей миссии и доброй воле сеньора Мак-Харриса, Лино предоставил слово мне.

Я поднялся. Настала минута, которой я ждал, к которой меня готовил Агвилла. Я помнил его слова:

«Вам будет предоставлен случай высказаться» и решил, что лучшего случая, чем сейчас, мне вряд ли дожидаться. Вместе с тем, будучи человеком, которому не раз приходилось присутствовать на пресс-конференциях, я прекрасно понимал, что дотошные журналисты в любой момент могут меня прервать. Поэтому я начал так:

— Уважаемые коллеги, за время моего путешествия я многое испытал, был свидетелем многих событий, общался с самыми разными людьми, обдумал чуть ли не всю свою сознательную жизнь и теперь могу твердо сказать: сегодня перед вами не тот Теодоро Искров, какого вы знали. Мне трудно говорить, я смертельно устал от поездки и, боюсь, не сумею связно изложить все, что мне довелось увидеть и пережить. Поэтому прошу вас облегчить мою задачу: задавайте вопросы.

В зале оживились. Сверкнули вспышки, свет прожекторов ослепил меня, зажужжали кинокамеры. Вопросы посыпались градом. Я отвечал на них быстро и решительно, стараясь не думать о том, что рядом сидит человек, на чьей совести жизни многих людей, что мои дети у него в руках и за один мой неугодный ему ответ они могут поплатиться жизнью. Привожу по памяти вопросы и ответы.

- Как долго продолжалась ваша миссия?
- Четырнадцать дней.
- Где вы находились все это время?
- Девять дней в районе Теоктана, четыре дня в резиденции «Энерган компани», сутки в дороге.
- Что вы делали в Теоктане?
- Разъезжал по селениям.
- Приятное занятие. Цель?
- Знакомство с жизнью местных индейцев.
- И только?
- Этого вполне достаточно.

— Для чего именно?

— Чтобы подготовиться к визиту в резиденцию «Энерган компани».

— Где она находится?

— Не знаю.

— То есть как — не знаете? Вы же там были?

— Верно. Но по дороге туда и обратно меня усыпили.

Смех в зале.

Вопрос не без иронии:

— Как в детективах?

— Почти.

— Что это было: гипноз?

— Нет, обычный наркоз.

Снова взрыв смеха.

— Где помещается «Энерган компани»?

— В бывшей резиденции толтекских правителей.

Долгая пауза. Потом чей-то голос:

— Разве существует такая на свете?

— Я провел там четверо суток. Должен сказать, это изумительное творение древнего зодчества и искусства. К несчастью, оно неумолимо разрушается.

— А золото там есть?

— Нет. И драгоценных камней нет. Зато сохранились скульптуры и резьба, фрески, дворцы и храмы.

— Как же могло случиться, что о таких сокровищах не знают археологи?

— А разве мы знаем все древние памятники? Многие из них скрыты под землей, о многих древних культурах мы даже не подозреваем. Вспомните, совсем недавно на плато Скалистого массива обнаружили целый город, а всего два года назад в джунглях наткнулись на племя людоедов. Эль Темпло находится далеко в джунглях и глубоко под горой...

— Эль Темпло?!

— Так называют это место его обитатели.

— Вы хотите сказать, что там производится энерган?

— Да.

— То есть это подземный завод?

— Да.

— Его масштабы?

— С точки зрения современных представлений об электронной автоматике, завод довольно крупный.

— Сколько человек там работает?

— Один.

Оглушительный смех.

— Кто же этот кустарь-одиночка?

— Химик Доминго Маяпан, бывший руководитель экспериментального отдела при лаборатории «Альбатроса». Тот самый, кто под именем жреца в моей повести продавал энерган на Двадцать второй улице.

— И сколько же он изготавливает энергана? — все тот же насмешливый голос.

— Хватит, чтобы обеспечить горючим не только нашу страну.

Наступило настороженное молчание. После долгой паузы новый вопрос:

— Вы не преувеличиваете?

— Вспомните день, когда энерган впервые поступил в широкую продажу. Так вот: это не более как капля в море.

— Не станете же вы утверждать, что этот ваш пресловутый Маяпан способен производить тысячи тонн в одиночку? Видно, он и впрямь волшебник...

— Ему помогают сыновья и несколько соратников и друзей, которые обеспечивают регулярный подвоз сырья. Почти обо всех я писал в повести, в главе о складе на набережной Кеннеди.

— Что собой представляют сыновья Маяпана?

— Старший пошел по стопам отца, крупный ученый-химик. К тому же опытный кинооператор.

— Любопытно. Какими же выдающимися открытиями он знаменит?

— Открыл формулу энергана.

— А как кинооператор?

В ответ я открыл чемодан и вынул круглую алюминиевую коробку.

— Здесь один из его фильмов. Весьма любопытный. О Кампо Верде... Джонни, это тебе презент от Белого Орла. Держи! — И я кинул ему коробку.

Мак-Харрис сдвинул брови, но было поздно: Джонни поймал коробку и сунул к себе в сумку.

— Спасибо, Тедди! Сегодня же прокрутим по телевидению. При случае поблагодари от меня своего подземного кинооператора. А второй сын? Случайно, не кинорежиссер?

— Не угадал. Младший сын доктора Маяпана археолог, специалист по криптографии. Это он прочитал надписи в Эль Темпло и таким образом узнал, где находится Ясимьенто.

— Что такое Ясимьенто? — спросил английский журналист.

— Месторождение вещества, служащего сырьем для энергана.

— Вы знаете, что означают эти древние надписи?

— Мне было сказано, что это стихи об Ясимьенто.

— Может, ты нам прочтешь их? — крикнул Джонни.

— К сожалению, я их не знаю.

— Держу пари, что Ясимьенто — это какая-нибудь глиняная урна, оставленная инопланетянами сто тысяч лет назад, когда они в последний раз приземлились на своих летающих тарелках.

Смех. Джонни в своем репертуаре — все может обратиться в шутку. Но в интуиции ему не откажешь.

— Насчет урны ты угадал, Джонни! Только оставлена она не инопланетянами, а толтеками.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что они тоже получали бензин из этого вашего энергана?

— Нет, они использовали его для праздничных огней.

— И Ясимьенто — единственный источник сырья для энергана?

— По мнению доктора Маяпана, разновидности этого сырья имеются повсюду в мире, и сейчас он вместе с сыном, Белым Орлом... — Мои слова заглушил насмешливый свист, но я продолжал: — ...разрабатывает технологию использования этого сырья как основы для горючего.

Голос с места:

— Но это положило бы конец энергетическому кризису на планете!

— И навсегда покончило бы с голодом, — убежденно произнес я. — Потому что энерган может служить исходным материалом не только для топлива, но и для синтетического белка.

— Невероятно!

Лино Баталли решил взять бразды правления в свои руки и обратился к залу:

— Как видите, друзья, сеньор Мак-Харрис верно оценил значение энергана для национальной экономики и своевременно обратился к доктору Маяпану с предложением о сотрудничестве.

— Не перебивайте, — выкрикнул кто-то из глубины зала. — Пусть Искров объяснит сначала, почему Маяпан и его люди — эти, с его слов, спасители человечества — прячутся под землей?

Я сказал:

— По очень серьезным причинам: у доктора Маяпана могущественные враги. Но, как вы, верно, уже поняли из моих слов и как сможете убедиться, просмотрев фильм, теперь создатели энергана больше уверены в своих силах.

— А нет ли опасности, что этот пресловутый энерган или хотя бы его формула попадут в руки врагов нации?

— Насколько я понимаю, соглашение, которое я привез, предусматривает меры для устранения такой опасности.

В задних рядах поднял руку пожилой человек. Я узнал его: это был редактор профсоюзной газеты «Голос нефтяника».

— Не думаете ли вы, что враги энергана — а они имеются как внутри страны, так и за ее пределами, достаточно вспомнить «Рур атом», — могут обнаружить Эль Темпло и уничтожить его? Они не остановятся перед применением военной силы из опытных наемников. Вспомните, как это было на Огненной Земле.

— Едва ли им это удастся. Эль Темпло защищен самыми совершенными электронными устройствами. Даже птице не пролететь там незамеченной.

— Надо полагать, туда пошлют не птичек!

— Разрешите вам напомнить, что в этом не будет необходимости, потому что от силы через неделю обитатели Эль Темпло сами расскажут о себе, не прибегая к посредничеству журналистов.

Ответ вызвал одобрение зала. Сквозь шум аплодисментов я не сразу услышал Моралеса:

— Сеньор Искров, — сказал он, — наша федерация первой обратилась к Двадцать второй улице с предложением уступить патент на производство энергана. Такое же предложение мы направили им через вас. Можно узнать ответ?

Мне вспомнился вечер в Эль Темпло, споры относительно символического доллара, отказ Агвиллы принять его. Я вынул из кармана монету и, перегнувшись через стол, протянул ее Моралесу:

— К сожалению, профессор, должен вас разочаровать. Двадцать вторая улица не согласна, во всяком

случае пока, передать вам патент энергана даже за этот доллар, который для них дороже всех сокровищ мира. Они просили меня сказать вам это.

— Но почему, почему? — с нескрываемой горечью воскликнул он.

— Потому что они намерены использовать энерган для иных целей.

— Существует ли цель более высокая, чем спасение людей и среды от вредоносных выхлопных газов, смрада, ядовитого смога?

Совершенно неожиданно вмешался Мак-Харрис. До того он сидел с отрешенным видом, словно все происходящее в зале его не интересовало.

— Профессор Моралес, — сказал он, — от всего этого нас спасет только «Альбатрос». — Голос его звучал глухо, я бы даже сказал — скорбно. — Только я один располагаю возможностями и средствами для осуществления этой великой цели. Что и побудило меня обратиться к «Энерган компани».

Все взгляды обратились к нему — озадаченные, недоуменные: в этом благостном, смиренном человеке трудно было узнать безжалостного хищника, который, не задумываясь, перегрызал глотки не только своим подчиненным, но и финансовым воротилам и целым экономическим империям.

А Мак-Харрис продолжал:

— Сеньор Искров, прошу вас, объясните, в чем именно состоит мое предложение господам из «Энерган компани». Тут нет и не может быть никаких секретов.

Вот она, долгожданная минута. Сейчас или никогда — иного выбора у меня не было, хотя это и могло означать начало конца. Для меня, моей жены, детей... Но пути назад были отрезаны. Я должен был сказать, чем бы это мне ни грозило.

И я решился:

— Сеньор Мак-Харрис предложил Двадцать второй улице двадцать миллиардов долларов за уступку патента на энерган. Он также выразил готовность реорганизовать научные и промышленные базы «Альбатроса» для совместного массового производства нового горючего.

Зал замер. В наступившей тишине слышалось лишь легкое шипенье юпитеров. После томительной паузы — видимо, аудитория не сразу могла проглотить кусок, предложенный мною, — профессор Моралес сказал с презрением и нескрываемой грустью:

— Надо полагать, они ответили согласием? Значит, и эти люди такие же беспринципные и алчные дельцы!

Я медлил. Ведь стоит мне сказать правду, и наступит расплата. Мак-Харрис выжидательно смотрел на меня. От тишины, царившей в зале, заложило уши. И вдруг снова застрекотали камеры, а перед моими глазами всплыл Эль Темпло, библиотека, экран. Я воочию увидел, как сидящий рядом со мной человек расправляется с незащитной женщиной...

— Нет, — шепотом обронил я, но коротенькое слово прозвучало точно выстрел.

Мак-Харрис сдвинул брови. По залу прокатился шорох.

— Как прикажете вас понимать? — спросил Лино Баталли. — Вы же сами только что заявили...

И тут самообладание окончательно оставило меня. С отчаянием осужденного на смерть, спешащего бросить последние слова в лицо палачам прежде, чем петля затянется на его шее, я крикнул:

— Выслушайте меня! Доктор Маяпан и его сыновья категорически отвергли предложение сеньора Мак-Харриса и выдвинули свои контрпредложения. Вот они.

Я вынул голубой конверт и кинул его редактору

профсоюзной газеты. Тот ловко подхватил его, сунул за пазуху и благоразумно стал проталкиваться к выходу.

А я продолжал:

— Двадцать вторая улица предлагает... — тут я остановился, перевел дух и закончил: — В недельный срок, не позднее, Мак-Харрис обязан передать всю, повторяю, всю собственность «Альбатроса» в руки «Энерган компани»...

От волнения я не мог договорить. Горло у меня сжалось, сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Что такое? — тихо, как бы про себя, спросил Мак-Харрис и выхватил из кармана белый конверт.

Это движение подхлестнуло меня, и я торопливо заговорил, почти явственно чувствуя петлю на своей шее.

— Эта собственность будет использована для возмещения урона, который Мак-Харрис причинил индейским племенам в районах Теоктана и Кампо Верде...

Мак-Харрис вскочил:

— Нет! — крикнул он. — Никогда!

А я продолжал все быстрее, смерть уже стояла у меня за спиной:

— Сам Мак-Харрис должен предстать перед Верховным судом и ответить за свои злодеяния и убийство невинных людей, в том числе вождя индейцев по имени Великий Белый Орел и молодой женщины, у которой он собственноручно вырвал сердце из груди!

— Ложь! Ложь! — визгливо кричал Мак-Харрис. Он трясся, на его страшном, обожженном лице было выражение отчаяния. — Наглая ложь! Я никого не убивал!

Зал зашумел. Люди повскакали с мест, камеры нацелились на Мак-Харриса, который что-то иступленно кричал. Потом крики перешли во всхлипывания, из горла с хрипом вырвались слова:

— Ради сына... Умоляю... он болен... Стайфлит... Он погибает...

И, согнувшись над столом, всемогущий хозяин «Альбатроса» беззвучно зарыдал, комкая скатерть пальцами протеза.

С последнего ряда долетел громкий голос Панчо:

— Да объясните, наконец, толком, что все это значит: Кампо Верде, Белый Орел? Кто такой доктор Маяпан и его таинственные сыновья?

Перекрывая глухие рыдания Мак-Харриса и увещевания Лино Баталли, который пытался его успокоить, я громким голосом отчетливо сказал:

— Доктор Доминго Маяпан — сын раздавленного бульдозером вождя индейского племени и муж убитой Мак-Харрисом женщины. Кампо Верде — некогда цветущее селение в семистах пятидесяти километрах от Америго-сити, а ныне — образ загубленной земли...

Больше я ничего не успел сказать. Двери с треском распахнулись, и в зал ворвались полицейские. За ними следовал Командор.

Так закончилась моя пресс-конференция.

3. Обстановка осложняется

Из бездны боли и мрака меня вырвал резкий скрип замка. Я с трудом открыл глаза. Тяжелая дверь открылась, вошел надзиратель Нани с кружкой и ломтем эрзац-хлеба. Пнув меня ногой, он рывкнул:

— На, ешь!

Я приподнялся, привалившись спиной к каменной стене. Все тело, казалось, было сплошной раной. Из ушей сочилась кровь, зубы шатались, голова раскалывалась от боли — ночью меня пытали током, и был позвериному. Нани поставил кружку на пол.

— Ешь! — повторил он. — Тебе нужны силы.

Силы? Для чего? Чтобы продлить кошмары «Конкисты» и дикую невыносимую боль, которая не оставляет меня вот уже пять дней и ночей? Лучше умереть го-

лодной смертью или пусть меня бросят в яму к змеям! Лишь бы кончились эти муки.

Но в планы Командора не входило дать мне умереть. Я нужен был ему измученный, обессиленный, но живой, он хотел, чтобы я говорил, говорил, рассказал обо всем и прежде всего, где находится Эль Темпло.

Пять суток томил он меня, пять суток демонстрировал на мне свое изощренное искусство инквизитора. И я не выдерживал, рассказывал обо всем, что знал: о пуэблосах в Теоктоне, о развалинах, о лаборатории в храме толтеков, о Доминго Маяпане и его сыновьях, о Педро Коломбо, о запасах энергана в пещерах... Но не это интересовало Командора. Он добивался, чтобы я указал местонахождение Эль Темпло и Ясимьенто, сырья, из которого получали энерган, а я этого не знал и проклинал Агвиллу за скрытность. Но вместе с тем радовался этому, ибо в душе был его союзником и другом. И со злорадством думал, что даже если бы и знал, все равно не сказал бы... Ведь умолчал же я о Белой Стене и об Эль Гранде, официанте из отеля «Эль Волкан», о лошадях, груженных мешками. И при мысли о том, что Командору не удалось сломить меня окончательно, я испытывал гордость.

Сквозь толстые стены камеры до меня долетали глухие отзвуки многоголосого рева. В моем воспаленном сознании он звучал день и ночь, и только выстрелы порой его заглушали.

Надзиратель прислушался:

— Никак не угомонятся, — буркнул он.

Нани — индеец, один из тех, кто, не имея возможности подыскать иное занятие, верно служит «Конкисте».

— Что это?

— А ты и не знаешь? — удивился он. Выглянул в коридор, после чего бесшумно затворил за собой

дверь камеры и, наклонившись ко мне, шепнул: — Требуют, чтобы тебя выпустили.

— Кто? — удивился я.

— Да, всякие... Сначала только эти, чокнутые, ну, знаешь, которые все кричат о чистоте планеты, потом рабочие с нефтяных промыслов. Вчера подошли докеры, а сегодня врачи и даже служащие из «Вита-Синтетики».

— Но кто же стреляет? — спросил я.

— Наши, кто же еще. И солдаты. Есть убитые. Профсоюзы объявили забастовку. — Нани помолчал и после паузы доверительно добавил: — Если мы тебя не выпустим.

Эти слова придали мне больше сил, чем тюремная похлебка. Я встал и с трудом добрал до зарешеченного окошка. Здесь крики слышались громче и отчетливей.

Нани тоже прислушался. Видя, что он не уходит, я принялся торопливо заглатывать принесенную пищу — жевать я не мог, к тому же «питательный тюремный рацион», как его называл Командор, был не слишком аппетитным.

Пять дней я был оторван от мира, не знал, что происходит за стенами тюрьмы. Какие последствия имела пресс-конференция? Дошла ли она до населения и в каком виде? Почему-то вспомнился больной сын Мак-Харриса. Надо ли говорить, как, измученный допросами, я ждал дня, когда истечет ультиматум Агвиллы!

С улицы снова долетели крики. Я даже сумел различить отдельные возгласы: «Свободу Искрову!» «Долой Мак-Харриса!» Это придало мне храбрости:

— Сеньор Нани, можно попросить вас кое о чем?

Надзиратель исподлобья бросил на меня подозрительный взгляд:

— Что надо?

— Принесите мне газеты. Я только просмотрю их и тут же верну.

— Запрещено, сеньор, — ответил он, ничуть не удивившись моей просьбе и впервые назвав меня сеньором. — Знаете, что будет, если узнает Командор?

— Нани, не пройдет и двух дней, как Командора больше не будет. Придут другие.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен. Потому что я знаю их...

— Те самые? Из Эль Темпло? Из-под горы?

— Да. Вы знаете, это мои друзья, и когда они будут здесь, я выйду на свободу и смогу замолвить за вас словечко... Обещаю вам! Потому что вы хороший человек. Только помогите мне сейчас.

Нани посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, вероятно, стараясь понять, сдержу ли я свое обещание. Потом, не проронив больше ни слова, вышел из камеры, вопреки обыкновению тихонько притворив дверь.

Два часа спустя меня снова поволокли на допрос. На сей раз в комнате был и Мак-Харрис — впервые с тех пор, как я оказался в «Конкисте». Он сидел перед распятием мрачнее тучи, опершись изуродованной щекой о протез.

От слабости я с трудом стоял на ногах.

— Садитесь! — бросил Командор, увидев, что я покачнулся.

Я сел. Мак-Харрис пристально посмотрел на меня, но не произнес ни слова. Командор подошел ближе — массивный, с квадратной головой, густые пряди волос спадают на лоб.

— Искров, — начал он, — вы человек неглупый и, наверно, понимаете, что стоит мне сказать слово — и вы расстанетесь с жизнью...

Я кивнул. Он продолжал:

— Вы сейчас разыгрываете из себя героя — готовы

отдать жизнь за гуманное дело и все такое прочее. С нравственной точки зрения весьма похвально. Но с точки зрения здравого смысла — глупость чистой воды. Вы забыли, что ваше поведение может стоить жизни не только вам одному. Если угодно, можем устроить вам встречу с вашими детьми. И женой. Потому что, как вы, верно, догадываетесь, они более не на Снежной горе...

У меня потемнело в глазах, на миг я потерял сознание. Сквозь темную пелену пробился голос Командора:

— Скажу вам откровенно, Искров, если вы до сих пор еще живы, то единственно благодаря сеньору Мак-Харрису — это он взял вас под защиту. Пейте, пейте, это не яд, а минеральная вода.

Я отхлебнул глоток и только тогда с трудом выдал из себя:

— Да, да, конечно, понимаю... Только сеньор Мак-Харрис мог взять на себя...

— Вообразите, он даже настаивает, чтобы я отступился от вас. Выпустил на свободу. И ваших детей тоже. И жену.

Я ждал: сейчас будет названа цена этого великодушия.

— Взамен он хочет от вас всего две вещи...

Мак-Харрис по-прежнему хранил молчание, но не сводил с меня пристального взгляда. Командор закончил:

— Вы должны указать местонахождение Эль Темпло. И Ясимьенто.

Усилием воли я вытеснил из сознания страшную картину — мои мальчики в змеиной яме — и, подняв голову, отчетливо произнес:

— Если бы я знал, то сказал бы в самом начале... наших бесед. Вы можете, — я чуть было не сказал «вырвать из груди мое сердце», но благоразумно воз-

держался, — разорвать меня на куски, бросить на съедение к змеям, убить мою жену, детей, истребить весь мой род, это ничего не изменит. Я не знаю! Не знаю! Повторяю: по дороге в Эль Темпло я спал, меня усыпили. И проснулся уже в джунглях. Когда же я возвращался, меня усыпили в Эль Темпло, под землей, а проснулся я на поверхности.

— Где именно?

— Восточнее Скалистого массива, каких-нибудь полдня пути на машине до Кампо Верде по бывшей автостраде.

— Можете точно указать место?

— Вряд ли. Я находился под действием наркоза. Да и стайфли не позволял ориентироваться.

— Больше вы ничего не помните?

— Ничего.

Все это я повторял уже десятки, если не сотни раз, но Командору явно хотелось показать Мак-Харрису, что больше из меня ничего не выжмешь.

С улицы теперь уже совсем близко долетел шум манифестации. Крики «Свободу Искрову!», выстрелы. Мак-Харрис вздрогнул, качнул головой, Командор поспешно нажал кнопку: позади распятия показался телеэкран. Я вспомнил, как за несколько недель перед тем мы наблюдали другую манифестацию и расстрелы на проспекте Дель Принчипе. Но на сей раз прежде, чем включить экран, Командор вытолкнул меня за дверь.

— В камеру! — приказал он.

Пока меня волокли по витым лестницам, в ушах не стихал гул манифестации. В камере я рухнул на пол — без сил, но гордый собой: выдержал, не сдался! Неожиданно рука нащупала под рогожей, в изголовье, газеты. Их была целая пачка, за несколько последних дней. Забившись в угол за дверью, спиной к глазку, я погрузился в чтение.

Мне и в голову не могло прийти, что мое возвращение в Америго-сити повлечет за собой такие последствия, причем не только в столице. Конечно, из путаных, подчас противоречивых сообщений трудно было составить истинную картину происходящего, но одно мне стало совершенно ясно: непрочное спокойствие, установившееся после первого появления энергана, рухнуло, и, кажется, бесповоротно. Джинн выбрался из бутылки, в ход пошли силы, развития которых никто не мог предугадать и проконтролировать. Насколько я мог понять из газет, главные события разбернулись после просмотра фильма Агвиллы. Джонни Салуд не стал дожидаться вечера. Удрав с пресс-конференции, он тут же пустил его в эфир. Будучи человеком неглупым и хитрым, Джонни после моих разоблачений сообразил, что время Мак-Харриса прошло, и поторопился первым бросить камень в поверженного кумира, завоевывая тем самым славу «борца против "Альбатроса"». Сделав свое дело, он исчез, как сквозь землю провалился. Думаю, выжидал, как повернутся события.

«Голос нефтяника» опубликовал проект соглашения с «Альбатросом», включая требование к Мак-Харрису добровольно предстать перед Верховным судом. Все остальные газеты и экстренные выпуски — одни вкратце, другие подробнее — изложили мое выступление. Даже близкая к Мак-Харрису пресса не посмела полностью опровергнуть мои слова и лишь попыталась бросить на них тень, представив меня «орудием мстительных индейцев».

Заго газета Моралеса откровенно ликовала. Наконец-то федерации представилась возможность развернуть по-настоящему массовую кампанию против загрязнения окружающей среды! Этому в немалой степени способствовало еще одно обстоятельство (об этом писали все без исключения газеты): Конрадо Мак-

Харрис, обожаемый сын и единственный наследник президента «Альбатроса», хрупкий юноша, которого я видел однажды в кабинете на сто десятом этаже, стал жертвой стайфлита и находится в клинике для апперов, на попечении лучших медиков Веспуччии и их зарубежных коллег. Прибыла многочисленная группа специалистов из Штатов, ожидался приезд хирургов из Бразилии, Франции, Англии. За астрономическую сумму из Италии специальным самолетом была доставлена единственная в мире антистайфлитная камера. Но оперировать умирающего никто не решался...

Просматривая газеты, я все больше склонялся к мнению, что официальная пресса умышленно сгущает краски, описывая состояние юноши, в надежде смягчить негодование общественности и направить его по другому руслу.

В итоге же все эти сложные обстоятельства вызвали взрыв, прорвавший плотину покорности. Огромные скопления народа выливались в стихийные манифестации. Их не останавливали ни слезоточивые гранаты, ни стрельба. Они требовали одного: свободу Искрову, под суд Мак-Харриса!

День ото дня в шествии принимало участие все больше людей, принадлежащих к разным слоям общества. Раздавались трезвые голоса и в правящей партии — об ответственности каждого за свои действия перед законом, о конституционном праве и прочее, и прочее. Весьма серьезный признак. Видимо, определенные влиятельные круги были уже готовы ради собственного спасения пожертвовать Мак-Харрисом.

Однако Князь хранил молчание, молчало и правительство, молчала армия. И хотя Командор двинул против манифестантов свои испытанные части, его действиям не хватало привычной решительности, он словно не находил в себе сил справиться с накаленной атмосферой в стране.

С каждым днем предприятия «Альбатроса» давали все меньше продукции. Катастрофически падал курс его акций. Видимо, процесс распада зашел слишком далеко, так как никто и не пытался вытащить Мак-Харриса из трясины, в которой он тонул. «Рур Атом» и другие могущественные конкуренты равнодушно следили за крахом своего собрата, обеспокоенные лишь тем, чтобы спасти собственную шкуру. Но и у них под ногами горела земля.

Вспучия пришла в движение, и остановить его было нелегко. Обстановка осложнилась еще более, когда стало известно, что члены Союзнического пакта, давние политические друзья страны, встревожены происходящими событиями.

В прессе появились недвусмысленные намеки на озабоченность союзников внутренним положением в стране. Кое-кто из них даже рекомендовал Мак-Харрису «во имя гуманизма и демократии» проявить мужество и предстать перед судебными властями, дабы тем самым доказать свою невиновность. Почуяли ли они, что час Мак-Харриса пробил, и посему спешили приблизить этот час, пока не истек срок ультиматума?

Как бы то ни было, все — от правящей верхушки и самого Мак-Харриса до простого люда — с возрастающим напряжением ожидали, что произойдет по истечении неотвратимых седьмых суток. Надо ли добавлять, что я не был исключением?

В тюремное окно доносились выстрелы.

Мне они несли свободу. Или смерть.

На шестой день надзиратель Нани вместе с похлебкой принес мне свежие газеты и снова заклинал меня остерегаться Командора.

Я быстро просмотрел газеты. В глаза бросилась необыкновенная новость: Эдуардо Мак-Харрис обра-

тился к профессору Моралесу с просьбой оперировать его сына. Ответа еще не было. Вездесущие журналисты осаждали резиденцию федерации в надежде узнать намерения профессора. Но Моралес молчал. Я же не сомневался, что он согласится. Да и могло ли быть иначе? Ведь он врач. И благородный человек.

И еще одна новость: динамитеросы взорвали комбинат по производству синтетического белка на набережной Боливара.

4. Сделка

В тот же вечер меня вновь привели в часовню к Командору. И вновь перед распятием я увидел Мак-Харриса.

Но как он изменился! Щеки ввалились, нос заострился, и весь он словно истаял. Всем своим обликом он напоминал одного из кошмарных чудовищ, изображенных Гойей в его знаменитых «Капричос».

Мак-Харрис прервал молчание.

— Искров, я обращаюсь к вам с просьбой. Не как президент «Альбатроса», а как человек. Сейчас речь идет не о том, где находятся Эль Темпло или Ясимь-снто, и не о ресурсах доктора Маяпана. Все это меня уже не интересует... Речь идет о жизни моего сына.

Голос его звучал глухо, тон показался мне искренним. Я насторожился: таким я Мак-Харриса прежде не видел.

— Свяжитесь с Маяпаном, вы знаете, как его найти, попросите продлить срок ультиматума... Я... У меня нет ни времени, ни душевных сил вдуматься в его предложения. Вы, верно, слышали, Конрадо очень болен. Все мои помыслы поглощены его спасением... А в принципе, поверьте, я готов вступить в переговоры о передаче моей собственности «Энерган компани»... и о том, чтобы предстать перед судом, доказать свою не-

виновность... Но умоляю, попозже, через неделю-другую. Сейчас я нужен сыну...

Изумлению моему не было границ. Кто этот человек — искусный лицедей, одинаково правдиво играющий роли Тартюфа и короля Лира? Или в нем вообще не осталось ничего человеческого и он не сознает глубины своего падения? Его сын на пороге смерти, а он продолжает цепляться за свою собственность, пытается выиграть время в надежде спасти если не все, то хотя бы часть!

Такой не заслуживает ни сострадания, ни пощады.

— Почему бы вам не обратиться к ним по радио? — спросил я. — В Эль Темпло достаточно приемников, вас услышат и ответят.

При этих словах Командор вздрогнул и быстро взглянул на меня. В его взгляде мне почудились удивление и радость. Да, да — радость. Я же не мог понять, чем она вызвана. Ведь я не сказал ничего такого, о чем ему не было бы известно. Он давно знал, что в Эль Темпло имеется мощная аппаратура, обеспечивающая доктору Маяпану бесперебойную связь со всеми, кто ему нужен. В чем же дело?..

Мои раздумья прервал Мак-Харрис.

— Доктор Маяпан не откликнется на мою просьбу. Бас же он послушает. Объясните ему обстановку. Он умный человек. Крупный ученый. Отец... У него двое сыновей. Он поймет...

Я едва сдержал улыбку: это чудовище, этот бездушный робот пытался придать своему голосу человеческие интонации! Но сейчас я был уже не пешкой на шахматной доске, а игроком и потому отважился на важный ход:

— Сеньор Мак-Харрис, я выполняю вашу просьбу, но при одном условии.

— Говорите.

— Вы освободите мою жену и детей. Немедленно.

И отправите к моей матери в Рио-Альто. Причем гарантируете, что их никто пальцем не тронет...

— Согласен! — поспешно сказал Мак-Харрис, но вмешался Командор:

— Ни за что! Они останутся здесь, пока... — он не закончил.

Мак-Харрис вскочил и угрожающе вскинул левую руку. Лик его был страшен — таким он запомнился мне в Кампо Верде, когда вонзил нож в грудь Евы.

— Молчать! — гаркнул он. — Ни слова!

Командор медленно поднялся. Я почти явственно ощущал, что тело его напряглось для схватки, казалось, еще мгновение — и он бросится на Мак-Харриса, схватит его за хилую шею и прикончит на месте. Их взгляды скрестились. Секунду, показавшуюся мне вечностью, они стояли друг против друга, и в их глазах читалась неприкрытая взаимная ненависть.

Первым отвел взгляд Командор. По его губам скользнула ироническая улыбка, и он тяжело опустился на стул. «Рано или поздно эти хозяева Веспуччи перегрызут друг другу глотку», — подумал я.

Но пока Командор включил интерфон и сухо распорядился:

— Немедленно отпустить жену Искрова и детей. Доставьте их в Рио-Альто.

Я с облегчением перевел дух: это была победа. Огромнейшая победа!

И тогда я сделал еще один ход:

— Я хочу их видеть.

Командор демонстративным жестом широко распахнул готическое окно, выходившее во внутренний двор. Комната сразу наполнилась смрадным смогом. Я выглянул во двор и увидел, как Клара и мальчики в сопровождении человека в штатском подходят к большому черному автомобилю. В густом тумане они были похожи на привидения. Сердце у меня бешено

застучало. Я хотел окликнуть их, помахать рукой на прощанье, но они уже сели в машину, которая тут же тронулась с места и выскочила за ворота. Командор захлопнул окно.

Выждав некоторое время, чтобы дать возможность автомобилю отъехать подальше, я подошел к радиотелефону и набрал номер 77 77 22. Молчание. Я повторил попытку. Снова молчание.

Я обернулся.

— Они не всегда отвечают. Опасаются, что их засекут...

— Ясно, ясно, — буркнул Командор. — Так я и думал.

— Через час позвоните снова, — распорядился Мак-Харрис, вновь став всемогущим хозяином «Альбатроса». — Будете звонить каждый час, если понадобится — ночью. Пока не свяжетесь с ними. Слышишь, Санто?

— Слышу, — глухо обронил Командор.

В камере я снова нашел охапку свежих газет. Мне бросилось в глаза пространное сообщение. Когда же я с ним ознакомился, то долго не мог прийти в себя от удивления. Новый поворот событий, при всей своей логичности, был тем не менее неожиданным и для моих осторожных друзей из Эль Темпло, а уж они-то умели предвидеть чуть ли не все ходы противника! Как следовало из газет, профессор Луис Моралес готов помочь Конрадо Мак-Харрису при условии, что журналист Теодоро Искров будет выпущен из заключения и направлен в Эль Темпло для дополнительных переговоров!

Кто бы мог ожидать столь решительных действий от этого идеалиста чистой воды, приверженца мирных переговоров, уповающего только на разум и сердце людей!

Надзиратель Нани, войдя в камеру, заметил мое радостное состояние.

— Поздравляю, сеньор Искров, — сказал он. — Скоро будете на свободе.

С этими словами он положил на рогожу плиточку синтетического шоколада — высшее проявление симпатии с его стороны. Но, думаю, также и напоминание об обещанной помощи.

Однако наступил вечер, а я все еще сидел в тюрьме. Не выпустили меня и на следующий день. Более того, Нани перестал носить газеты и вообще хранил гробовое молчание. И уж, конечно, шоколадом больше не угощал. Неужели моим надеждам не суждено сбыться?

Между тем меня регулярно, через каждый час, выводили из камеры, чтобы я вызвал нужный номер. Эль Темпло не отвечал. Не отвечал потому — я мог бы в этом поклясться! — что Агвилла и его люди находились наверху, готовясь к последнему удару.

Восьмой день — первый после того, как истек срок ультиматума, — начался необычно. Звонок, будивший арестантов в пять утра, на сей раз не зазвонил. Не слышно было скрежета замков, окриков надзирателей, топота деревянных подошв и коротких команд, которыми сопровождается смена караула. Кругом царил тишина, словно замок ночью неожиданно обезлюдел и в нем никого, кроме меня, не осталось.

Тихо было и в городе. Неумолчный шум последних семи дней затих ровно в полночь, словно в ту минуту, когда срок ультиматума истек, многочисленные манифестанты в ожидании дальнейших событий прятались по домам.

И вдруг тишину прорезал многоголосый рев. Он летел отовсюду — я различил вой заводских сирен, гудки кораблей и клаксонов автомобилей, свистки локомотивов. К ним присоединился колокольный звон. Часам к восьми утра — точнее не скажу, так как в этой

оглушительной какофонии потерял всякое представление о времени, — город пришел в движение. Зарокотали тысячи моторов, казалось, весь транспорт столицы выехал на улицы. Воздух наполнился людским гомоном, вскоре со всех сторон послышались крики вперемежку с пулеметными очередями и взрывами гранат.

Я напряженно вслушивался, пытаюсь понять, что же происходит за стенами «Конкисты»: восстание, налет динамитеросов, вторжение союзников, война? К полудню, когда я уже потерял надежду узнать о происходящем, в камеру вбежал Нани. Его бледное, усталое лицо осунулось после бессонной ночи.

— Что происходит в городе? — нетерпеливо спросил я.

— Энерган! — глухо ответил он, отводя взгляд, и уже на пороге добавил: — Корабли союзников у наших берегов.

Я знал об обязательствах членов пакта в случае необходимости оказывать помощь терпящей бедствие державе. Неужели Князь обратился к союзникам с просьбой о защите? Или же они сами решили, что настало время послать военные корабли, чтобы укротить народ Веспуччий?

Мог ли я оставаться безучастным, когда решалась судьба моего народа? Я заметался по камере, молотил кулаками в дверь, кричал, что было сил. Тщетно. Надзиратели, да и все остальные в «Конкисте», вероятно, помышляли только об одном: как бы спасти собственную шкуру. А когда, совершенно обессиленный, разбив в кровь руки, я рухнул на пол, дверь камеры закрипела и на пороге выросли фигуры Мак-Харриса, Командора и профессора Моралеса. У всех троих был торжественно-мрачный вид, как у вестников предстоящей казни.

— Искров, выходите! — без всяких объяснений приказал Командор.

Я с трудом поднялся и вышел из камеры. Босиком, на распухших ногах, лицо в ссадинах, кровоподтеках. И все-таки я шел, преодолевая боль. Присутствие Моралеса вдохнуло в меня силы: я был уверен, что ведут меня не на казнь.

Мы вышли во двор, где нас ожидал огромный черный автомобиль. Впереди, рядом с шофером, сидели двое в штатском, но с автоматами. Мы разместились на заднем сиденье. Пахнуло хвоей. Я жадно втянул в себя свежий воздух. Машина тут же рванулась с места.

Не успели мы выехать за ворота, как навстречу устремились толпы людей. Казалось, все население города высыпало на улицу. Люди металась из стороны в сторону, кричали, размахивали палками, тростями, охотничьими ружьями... И все держали над головой коробки. Я сразу узнал — это были коробки с энерганом.

Машина промчалась мимо Индикатора стайфли (я успел заметить цифру «85») и нырнула в узкие, закрытые для транспорта аллеи. Здесь было спокойнее. Мы направлялись к северным пригородам Америкосити.

Мне довелось раза два побывать в этих местах, когда я еще слыл известным журналистом. В нарядные, комфортабельные кварталы можно попасть лишь по специальным разрешениям. Они отделены от города массивными стенами с колючей проволокой, по которой, во всяком случае так говорили, пропущен ток. У ворот стоит стража, с высоких башен округа просматривается телеобъективами. В тот день, когда мы прибыли, охрану несли вооруженные армейские части, и даже Командору приходилось чуть ли не каждые сто метров предъявлять особый пропуск.

Бронированные ворота распахнулись перед нами, и машина по аллее подъехала к зданию из стекла и

алюминия. Мы вышли и поднялись по белой мраморной лестнице. У подъезда нас встретил человек в белом халате. На медной табличке сбоку здания виднелась скромная надпись: КЛИНИКА № 1.

Это и была прославленная спецбольница для апперов, расположенная в зеленом массиве; она оборудована новейшей медицинской аппаратурой и обслуживается лучшими врачами страны. В ее распоряжении все лекарства, какие известны в мире, но доступ сюда имеют только апперы и члены их семей, и то лишь для лечения стайфлита. Что касается других заболеваний, то правящая верхушка Веспуччии располагает достаточным количеством лечебных заведений, столь же недоступных для простых смертных.

— Добро пожаловать, профессор, — обращаясь к Моралесу, сказал человек в белом халате. — Рад видеть вас здесь.

— Не будем терять времени, доктор Этторе, — непривычно резко оборвал его Моралес. — Где больно?

— Прошу вас, следуйте за мной.

Мы прошли вперед. Командор сделал было попытку меня остановить, но профессор Моралес метнул на него возмущенный взгляд. В ответ полковник криво усмехнулся, и я пошел вместе со всеми.

Нас ввели в большой мраморный зал, размерами похожий скорее на храм, чем на больничное помещение. Только вместо алтаря в центре зала на мраморном же постаменте стояла прозрачная камера. В ней лежал Конрадо Мак-Харрис. Он был обнажен, тонкое юношеское тело напоминало мумию — бледно-желтое, неподвижное. Вдоль стен тянулись приборы с мерцающими экранами, самописцы вычерчивали замысловатые кривые, мигание красных лампочек повторяло биение пульса.

Профессор Моралес долго наблюдал за больным

через стекло, потом перешел к приборам, внимательно глядя на записи. Доктор Этторе шепотом давал ему объяснения, профессор кивал головой и под конец обернулся к Мак-Харрису:

— Не скрою, состояние больного тяжелое. В благополучном исходе операции у меня уверенности нет, но попытаюсь сделать, что смогу. А этот человек может ехать...

Под «этим человеком» он явно подразумевал меня.

Мне он не сказал ни слова — ни здесь, ни по пути в клинику, только окинул меня взглядом печальных глаз, и это было красноречивей всяких слов.

Доктор Этторе провел меня в свой кабинет. Там мне обработали лицо, залепили ссадины пластырем, прополоскали десны какой-то жидкостью, чтобы укрепить зубы, расшатаанные кулаками Командора, смазали ступни ног и руки обезболивающей мазью и в заключение впрыснули двойную дозу фторсалина, которая чудодейственным образом влила в меня новые силы. А после всех этих манипуляций дали чистую одежду и документы.

У подъезда меня ждала черная машина. Рядом стоял Мак-Харрис.

— Сожалею, Искров, но не могу проводить вас на аэродром. Вы сами видите, что удерживает меня здесь. Счастливого пути. С нетерпением буду ждать вашего возвращения. — Он шагнул ко мне и еле слышно добавил: — Пусть Доминго простит меня, если сможет. Я... я был тогда слишком молод... Слишком горяч. Не отдавал себе отчета в том, что делаю... Забудем прошлое! Мертвых все равно не воскресить...

— Разве вы не передадите со мной договора, сеньор Мак-Харрис? — удивился я.

— Зачем он вам?

— Чтобы доктор Маяпан подписал его.

Он отрицательно мотнул головой.

Итак, этот человек ничего не понял. Не дал себе труда понять.

Мне не оставалось ничего иного, как сесть в машину. Оба сопровождающих были уже там. И Командор также. Черный лимузин с воем рванулся к распахнутым воротам.

Командор до отказа завинтил стекло, отгораживавшее салон от водителя, и по обыкновению без обиняков обратился ко мне:

— Исков, через полчаса вы вылетаете в Тупаку. Вам предстоит установить контакт с Маяпаном.

— Вряд ли я найду его там.

— Явится. У него целая армия агентов среди местных индейцев, они моментально известят его о вашем приезде. А кроме того, мы об этом объявим по радио. Конечно, не сейчас, а когда вы доберетесь до Тьерра Калпенте, к Боско Эль Камино.

— Что же я должен передать Маяпану на сей раз?

— Что сочтете нужным. И в той форме, в какой сочтете нужным. Важно одно: чтобы он отказался от своей новой акции.

— Но я не знаю, о чем идет речь.

Он сунул мне в руки портфель:

— Тут достаточно материалов. Ознакомитесь в дороге. Здесь же лежит мощный приемник, это позволит нам быть в курсе происходящего. Теперь, когда корабли союзников находятся у наших берегов, мы, патриоты Веспуччии, независимо от цвета кожи, политических убеждений и социального положения не вправе заниматься междоусобицами. Конечно, мы не отказываемся от своих обязательств перед пактом, но союзники могут воспользоваться ситуацией и прибрать к рукам страну, завладеть всеми нашими богатствами. Впрочем, полагаю, что Маяпан уразумел эту простейшую истину, а потому он согласится прекратить, хотя бы на время, наступление на Мак-Харриса — сейчас это фак-

тически льет воду на мельницу иностранцев. Вы же сами видите, даже профессор Моралес, человек высокопринципиальный, пошел с нами на мировую. Пусть только корабли уйдут из наших вод, а уж мы сумеем найти выход из разногласий. Ведь мы прежде всего братья! — Он покашлял в свой могучий кулак. — Как вы полагаете?

— Вряд ли мое мнение может что-нибудь значить.

— Ошибаетесь, Искров, ошибаетесь. Это зависит от того, как настойчиво вы будете искать пути к сердцу Маяпана.

Что случилось с Командором: он стал красноречив! Хотел бы я знать, что крылось за его громкими фразами?

— Как вы думаете, Маяпан согласится? — спросил он.

— Не знаю.

— Сумейте убедить его, и вы станете национальным героем, спасителем Веспуччии.

Как мне хотелось ему поверить!

5. Дуг Кассиди

В самолете не оставалось ни одного свободного места. Люди спешили убраться подальше из столицы, где с часу на час ожидалась высадка морской пехоты союзников.

В отличие от прошлого рейса сейчас неуклюжий «Дуглас» вез одних белых. Летели целыми семьями, беззаботные ребятишки бегали по проходу, играя в динамитеросов и полицейских.

Я занял одиночное кресло в последнем ряду и, убедившись, что в салоне нет Боско Эль Камино, вынул из портфеля документы. Среди них были бюллетени «Сентрал Брэйн», полицейские донесения, информация секретных служб, донесения наблюдателей Служ-

бы безопасности. Времени у меня было достаточно, и я решил подробнее ознакомиться с событиями, которые происходили в стране, пока я находился в «Конкисте». А чтобы не пропустить того, что происходило сейчас, приложил к уху транзистор, который Командор предусмотрительно положил в портфель. И вот так, одновременно читая и слушая, я вошел в курс потрясений, которые рушили основы страны, носящей славное имя Америго Веспуччи.

Еще до того, как меня посадили в самолет, я знал, что профессор Моралес согласился оперировать наследника Мак-Харриса при условии, что меня выпустят из заключения и отправят в Эль Темпло. Об этой договоренности я прочитал в газетах, находясь в «Конкисте». Но я не знал другого: в последнюю минуту Мак-Харрис дал понять, что не склонен пока отпускать меня. Он явно надеялся, что в немногие часы, оставшиеся до истечения ультиматума, ему удастся обнаружить и обезвредить Эль Темпло.

А вот что произошло далее (по необходимости излагаю события вкратце).

За день до указанного в ультиматуме срока Командор бросает в Теоктан три дивизии. Каратели разрушают дома, обшаривают подвалы, отводят воду минеральных источников, взрывают развалины Ичена (помнится, там я оставлял свой джип), расстреливают и вешают индейцев, подозреваемых в связях с Маяпаном.

Одновременно с этой акцией из столицы в Кампо Верде перебрасываются армейские части. И там вакханалия разыгрывается с удвоенной силой. Взрывают нефтяные вышки, в поисках подземных пещер пробирают зондами глубокие ямы, проникают в заброшенные соляные шахты. Самолеты-разведчики рыщут над джунглями, радиолокаторы прощупывают пространство между Скалистым массивом и Эль Волканом.

А затем в Кампо Верде прибывает сам Мак-Хар-

рис и лично осматривает развалины домов. С риском для жизни забирается даже в подземные карьеры, где некогда толтеки добывали строительный камень.

На исходе шестого дня члены пакта обращаются к Князю с призывом положить конец бессмысленным беспорядкам.

На седьмой день манифестации и забастовки в стране достигают апогея. Почти совсем прекратилась добыча нефти и каменного угля, производство синтетических пищевых продуктов опускается ниже допустимого минимума. В портах стоят на приколе огромные флотилии танкеров. Акции нефтяных компаний продолжают падать.

Динамитеросы взрывают две радиостанции, редакцию газеты, совершают покушение на главного прокурора Америкосити и председателя профсоюза моряков. Эль Капитан и Рыжая Хельга требуют ухода Мак-Харриса со сцены.

Эль Темпло молчит, хотя все ждут, как Маяпан отнесется к происходящим событиям. Между тем Мак-Харрис развивает бешеную деятельность, продолжая поиски в Кампо Верде. Снедаемый двумя чувствами: тревогой за судьбу сына и собственной алчностью, он не обращает внимания ни на предостережения союзников, ни на акции динамитеросов, ни на робкие увещания Князя.

В полночь Князь получает другой ультиматум, на сей раз от союзников: если в Веспуччии не будет восстановлен порядок и Мак-Харрис не подчинится требованиям Эль Темпло, страны пакта, «руководствуясь интересами демократии и свободы», будут вынуждены вмешаться. А уже наутро — в тот самый день, когда я вылетел в Теоктан, — у входа в залив Америкосити стали на якорь военные корабли.

Жители в панике бросились из города. На легковых машинах и в автобусах, на мотоциклах, поездах и

самолетах, пробиваясь сквозь плотный смог, миллионы горожан устремились в глубь страны, в захолустные городки и деревни, в пустыню и горы.

И вот тут Эль Темпло нанес свой удар.

В восемь утра, когда по дорогам нескончаемым потоком шли машины, люди вдруг увидели на автострадах знакомые коробки. Энерган! Мгновенно образовались огромные пробки, справиться с ними дорожная полиция оказалась бессильной.

Упаковки с зеленоватыми зернами были обнаружены на вокзалах, автобусных станциях, на аэродромах, в гаражах...

В считанные часы вся страна была усыпана энерганом.

Вспыхнули беспорядки на транспорте. Сотни тысяч людей, не сумевших выехать из города, в панике заметались по улицам.

По приказу Командора на важнейших перекрестках установлены пропускные пункты; всех, подозреваемых в распространении энергана, велено расстреливать на месте. Но в пригородах, а затем и в центре городов, во дворах, на площадях и улицах неисповедимыми путями появляются коробки, ящики, сумки, бутылки, банки, мешки, наполненные зернами энергана. Новые столкновения с полицией. Новые убитые и раненые.

Энерган находят в вагонах подземки, на заводских складах, возле электростанций и — верх дерзости! — в порту возле цистерн с бензином.

В полдень с самолета на землю посыпались сотни коробок с эмблемой белого орла: поистине манна небесная.

Где только ни обнаруживались упаковки с энерганом: в кинозалах и барах, ресторанах и магазинах... И всюду их появление ознаменовывалось беспорядками. Полицейские участки были забиты задержанными, но

судебные органы отказывались возбуждать дела против арестованных.

Однако и в такой неразберихе не обошлось без любителей злых шуток; то тут, то там они разбрасывали под видом энергана коробки и банки с песком — в непроглядном стайфли это было нетрудно. Стоило только крикнуть «энерган!», и люди, где бы они ни находились, сломя голову бросались к находкам. Уже никто с уверенностью не мог сказать, в какой коробке зерна энергана, в какой обыкновенная крупа или песок. Разъяренные толпы врывались на склады и в магазины, вспарывали мешки, разбивали бочки и банки, высыпали их содержимое на тротуары, и асфальт покрывался синтетической мукой, зернами эрзац-кофе, синтетического риса и кукурузы...

Энерган вызвал массовую истерию, общенациональный психоз, более сильный, чем страх перед полицией, армией и союзниками. Мало того, он перерастал в своего рода символ, объединявший силы народного сопротивления. Против Командора. Против Мак-Харриса. Против союзников.

Он был Надеждой.

...В ту минуту, когда стюардесса объявила, что мы летим на высоте десять тысяч метров и находимся на полпути к Тупаку, по радио было передано сообщение о крахе Мак-Харриса: акции «Альбатроса» полностью обесценились.

Вслед за «Альбатросом» неудержимо катились в пропасть ценные бумаги и прочих компаний по добыче и переработке нефти, угля, газа, атомного горючего. Биржи лихорадило.

Да, Агвилла стрелял врагу прямо в сердце.

Я не отрывался от транзистора. Столичный комментатор впервые обронил слова «военный переворот». «В военных кругах, — сказал он, — обсуждается возможность вмешательства с целью предотвратить крах

государственной структуры». Кого именно он имел в виду? Какая связь у них с союзниками, с Князем, поддерживает ли их Командор, осталось неясным.

Я был настолько погружен в размышления, что не сразу увидел Дуга Кассиди. Он неожиданно поднялся в проходе впереди меня, низенький, кругленький, с неизменным галстуком-бабочкой. Одной рукой он сжимал гранату и размахивал ею над головой, в другой был пистолет.

— Руки вверх! — крикнул он.

Не помня себя, я вскочил и бросился к нему. Собрав все силы, я в животной ярости схватил его за горло. У Кассиди глаза вылезали из орбит, из посиневших младенчески-пухлых губ вырывался хрип. Закричали женщины и дети, пол самолета уходил у меня из-под ног, но я не отпускал мертвой хватки.

И вдруг передо мной возникло видение: красавица с золотым мундштуком в ослепительно белых зубах. Она сочувственно качала мне головой с шапкой великолепных рыжих волос и улыбалась улыбкой тигрицы. Но в тот миг, когда я понял, что это не видение, а женщина во плоти, она замахнулась внушительных размеров револьвером и ударила меня по голове. Уже теряя сознание, я понял, кто это: Рыжая Хельга.

6. Динамитеросы

Когда я очнулся, моторы снова монотонно урчали, самолет как ни в чем не бывало продолжал полет, а я лежал на одном из кресел возле кабины пилота. Руки закованы, со лба струилась кровь.

Рядом сидел Дуг Кассиди. Он тяжело дышал, то и дело вытирал платком покрасневшую шею и изо всех сил старался делать вид, будто ничего не произошло.

А напротив стояла Рыжая Хельга. В руке она по-

прежнему держала револьвер и, не расставаясь с золотым мундштуком, властным тоном держала речь.

— ... после чего вы будете доставлены в Тупаку, — говорила она пассажирам, — где расскажете о том, что Рыжая Хельга беззащитных людей не трогает. От вас я прошу лишь спокойствия и терпения. Детей сейчас накормят, больным будет оказана помощь. Есть среди присутствующих врач? Есть? Подойдите!

Врачом оказался пожилой мужчина в очках, с трудом унимавший дрожь в руках. Надо полагать, он впервые столкнулся с террористами лицом к лицу. Как бы то ни было, он все же сумел промыть рану у меня на голове и наложить повязку. А Дугу Кассиди протянул таблетку форсалина — видимо, схватка со мной основательно потрепала нервышки этого толстяка.

Рыжая Хельга молча наблюдала за нами, не выпуская из поля зрения салон. Когда врач отошел, она наклонилась к Дугу Кассиди:

— Ну как, братец?

— Порядок, сестричка! — ответил он бодрым фальцетом. — Хотя брат Дикинсен вполне мог меня прикончить. Ну и силен!

— Тогда поднимайся и займи свое место!

Дуг понимающе кивнул, выхватил из-под мышки пистолет и поменялся с Хельгой местами. А она посела ко мне.

— Больно? — В ее голосе звучали и сочувствие и насмешка.

Я пожал плечами, всеми силами стараясь напустить на себя равнодушный вид, что было нелегко рядом с этой необыкновенной женщиной.

— Не первый раз, — ответил я.

— «Конкиста»? — Опять тот же тон.

— Да.

— Да, да, конечно... Но зачем вы вскочили? — Хельга улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зу-

бами, по-прежнему сжимавшими золотой мундштук. — Мы ведь могли прикончить вас, а заодно и всех остальных. Между тем мы не желаем вам зла. Наоборот.

У нее было глубокое, чуть хрипловатое контральто, удивительным образом находившее отклик в моей душе. Да и вся она была словно создана для того, чтобы привлекать мужчин и пробуждать в них мужское начало.

Прежде я не раз видел фотографии Рыжей Хельги. А когда после ареста ее обменяли на военного министра, видел по телевидению. Но никакое изображение не в состоянии передать обаяние, которое излучала эта женщина. Я бы не назвал ее красоту классической. Крупная, статная фигура, высокий пышный бюст, но талия по-девичьи тонкая, подчеркнутая кожаным поясом длинной, до пят, юбки. Движения мягкие, женственные и вместе с тем решительные и сильные; она напоминала тигрицу. Чуть великоватая голова, высокий лоб, полные, чувственные губы и огненно-рыжие волосы до плеч — таков облик женщины, которую все в Веспуччии знали под именем «Рыжая Хельга».

Настоящего ее имени не знает никто, как никто не знает, из какой она семьи, откуда явилась, кто по профессии. Впервые я услышал о ней два года назад, когда она со своей небольшой террористической группой влилась в отряд динамитеросов и стала правой рукой Эль Капитана. До той поры отряд динамитеросов насчитывал всего человек тридцать, и они больше шумели, чем действовали. Хельга ужесточила дисциплину, привлекла и обучила новых людей, внушила им новые цели и в несколько месяцев превратилась в грозу Веспуччии, перед которой оказалась бессильной Служба безопасности.

Суть ее идеологии понять нелегко. Хельга непрерывно металась от крайне левых взглядов к крайне правым и без видимой логики пускала на воздух то

предприятия Мак-Харриса, то конторы профсоюзов, уничтожала и дипломатов с Острова, и офицеров веспучийской полиции. Причем все это «во имя справедливости». Ее лозунгом были «борьба с лицемерием», «установление власти слабых над сильными», «уничтожение плутократии», «свобода для народа». Апперы презирали ее, но пытались прибрать к рукам, левые ее не любили, но побаивались и лишь слегка журили. Молоденькие девушки, подражая Хельге, красили волосы в рыжий цвет, юнцы носили в медальонах ее фотографию. Смелая до дерзости, она самолично принимала участие в прямых вооруженных акциях, не расставаясь с огромным револьвером и с мундштуком в зубах — воплощение вызывающей, хищной и непокорной красоты.

Сейчас она сидела возле меня, улыбаясь огромными зелеными глазами, и говорила своим грудным, хрипловатым контральто:

— Уж вы-то не должны нас бояться. Мы ваши друзья.

От нее дурманяще пахло духами — наверняка не теми, что изготавливаются из отходов нефти и столь усердно рекламируются мадам Эрмозой по телевидению.

— Чьи друзья? — спросил я, стараясь хоть этим вопросом стряхнуть с себя ее чары.

— Эль Темпло, — ответила она как нечто само собой разумеющееся, положила револьвер на колени и, сунув в мундштук сигарету, закурила. Сигарета у нее тоже была явно не синтетическая и выпускала благоуханный голубой дымок. — У нас с вами общие цели и общий враг, хотя методы борьбы разные. Мы предпочитаем прямые средства... — Она улыбнулась. — Более шумные... Впрочем, ваши действия в последнее время тоже приносят неплохие плоды.

— Сеньора Хельга...

— Называйте меня сестрой.

«Брат», «сестра» — до чего же по-христиански звучат обращения среди этих людей, признающих только один язык: грохот динамита!

— Смею вас заверить, что я вовсе не принадлежу к людям Эль Темпло.

— Может, вы случайно принадлежите к людям «Конкисты»? — Хельга отбросила кокетливый тон и прищурила глаза. — Ничего, мы и этот вопрос выясним до конца.

Как жаль, что в ту минуту я не придавал значения ее словам!

А она продолжала:

— Теперь, когда вы удостоверились, что мы не желаем вам зла, разрешите...

И своими длинными, сильными пальцами сняла с меня наручники.

— Минут через десять мы приземлимся. Я отвезу вас в наш лагерь и познакомлю с Эль Капитаном. Надеюсь, там вы поймете, почему нам пришлось пригласить вас к себе таким не совсем приятным образом.

Она взглянула на меня, встала — статная, зеленоглазая, с пылающей копной волос — и вошла в кабину к пилоту.

Самолет пошел на снижение. Внизу, еще скрываемые облаками, проступили острые вершины гор. Они напоминали крепостные башни, ограждавшие глубокие, затянутые тенью ущелья. Наш «Дуглас» едва не задел крыльями склоны узкого дефиле, перерезанного прямой, как стрела, дорогой, которая, постепенно расширяясь, превратилась в бетонированную посадочную полосу. Легкий толчок, и мы коснулись земли, колеса зашуршали по бетону. Самолет замер.

Из кабины пилота вышла Хельга, за ней человек с автоматом в руке и гранатами у пояса. Перед выходом она сделала головой знак Дугу Кассиди. Тот обвел

взглядом салон, шагнул вперед и, стоя у двери, крикнул:

— Все в порядке, ребята, простите за вынужденную посадку. До скорой встречи! Привет!

Едва мы спрыгнули на землю, как самолет помчался по взлетной полосе, взмыл в воздух и исчез за скалистыми хребтами. Внизу остались четверо: Дуг Кассиди, динамитерос с гранатами у пояса, Рыжая Хельга и я.

Озабоченно взглянув на ручные часы, Хельга перевела взгляд на ущелье. Дуг с ухмылкой обратился ко мне:

— Ну, брат Дикинсен, в тот раз вы ускользнули у меня из-под носа, но, как видите, я вас все-таки отыскал. Не удери вы тогда в Тупаку, избавили бы себя от многих неприятностей. В том числе и от «обработки» в «Конкисте».

Он вынул из заднего кармана знакомую мне плоскую флягу, отвинтил колпачок и, сделав несколько глотков, протянул мне.

— Хлебните по случаю приезда в наше братство!

— Брат Кассиди! — предостерегающе произнесла Рыжая Хельга. — Сколько раз повторять? Пить только после работы.

Дуг шутовски вздохнул:

— Видите, брат Дикинсен, каково приходится бедному мужчине, когда им командует женщина, даже такая красивая, как Хельга.

Однако убрал флягу в карман.

С запада приближался вертолет. Дуг замахал руками. Вертолет, сделав круг, сел в тучах пыли.

На сей раз меня не стали усыплять, видно, не было нужды. Я первый залез в кабину, остальные за мной. Где мы находимся и куда летим — я не имел представления. Внизу темнели скалы, овраги, пустынные котловины. Ни деревьев, ни рек, ни озер. Вертолет был

военный, вместительный, наверняка похищенный динамитеросами в один из дерзких налетов на воинские казармы. Пилот уверенно вел его среди беспорядочного нагромождения гор.

Примерно через час мы пошли на снижение и вскоре сели на маленькую, каменистую, отлично укрытую в скалах площадку. К вертолету тут же подъехал тягач, отбуксировавший его в сторону — скорее всего, в какой-нибудь хорошо замаскированный ангар. Динамитеросы явно располагали удобными базами, современной техникой и оружием.

Меня повели вперед по глубокому оврагу. Продираться приходилось сквозь заросли низкорослых кактусов. Возглавлял шествие динамитерос с гранатами, за ним следовала Рыжая Хельга, за ней я. Последним плелся Дуг Кассиди. Дорога давалась ему нелегко — он пыхтел, отдувался и что-то бурчал себе под нос. Я видел перед собой ладную фигуру Хельги, развевавшиеся по ветру рыжие волосы и не без горечи думал о том, что судьба на сей раз щедро одарила меня материалом, и если выскочу из очередной передраги целым и невредимым, то репортаж об энергане приобретет несколько сентиментальную тональность.

Откуда-то сбоку выскочил человек с несколькими гранатами за поясом — видимо, гранаты были здесь своего рода визитной карточкой. Увидев Хельгу, он приветственно взмахнул рукой и пропустил нас.

Я оказался в лагере динамитеросов.

7. Эль Капитан

Здесь стояли самые обычные солдатские палатки, сливающиеся с окружающим ландшафтом. Людей не было видно, только часовые прохаживались вокруг. Издалека эхо доносило человеческие голоса, короткие автоматные очереди, грохот взрывов.

Может, это покажется странным, но предстоящая встреча с легендарным командиром динамитеросов не вызывала во мне никакого волнения. Должно быть, притупилось восприятие — за последнее время на мою нервную систему навалилось столько всего, что теперь она не реагировала даже на то, о чем профессиональный журналист может только мечтать, — я имею в виду впечатление, которым предстояло увенчать мои фантастические приключения, именуемые «Энергано-22».

Я перебирал в памяти все, что знал об Эль Капитане.

Жил-был на свете Вольф Дамяни, молодой проповедник квакерской секты. Закончив факультет социологии в столичном университете, он вскоре становится профессором этого учебного заведения и ученым, популярным в кругах веспучийской интеллигенции. Его перу принадлежат три нашумевшие книги: «Философия насилия», «Путь к власти», «Разум и террор». Вокруг него группируются молодые приверженцы — в основном сынки и дочки апперов, и не без их активного участия университет превращается в гнездо смуты. Сами смутьяны называют себя «волками» — по имени лидера (как известно, «вольф» в переводе с немецкого означает «волк»). Их учение — смесь пуританства, анархизма и современного псевдомарксизма. Когда их поведение переполнило чашу терпения властей, за решетку были посажены профессор Дамяни и несколько ближайших его последователей. В один прекрасный день оставшиеся на свободе «волки» совершили налет на тюрьму, перебили охрану и освободили всех заключенных, в том числе уголовников, а само тюремное здание взорвали с помощью динамита. После этого в столице воцарилось спокойствие. Однако полгода спустя «волки» во главе с Вольфом Дамяни взорвали полицейский участок и на развалинах оставили

манифест, подписанный Эль Капитаном, вождем динамитеросов. В манифесте, полном угроз по адресу апперов, содержался дерзкий призыв к их свержению. Взрыв полицейского участка — только первая ласточка: один за другим последовали взрывы банков, штаб-квартир политических партий. Динамитеросы не щадили ни церкви, ни клубы апперов, ни профсоюзные центры. И хотя особых политических выгод это им не принесло, зато Эль Капитан стяжал славу непобедимого. Упрочению легенды помог взрыв в Национальном банке: динамит взорвался буквально у ног главаря динамитеросов, и его, истекающего кровью, едва успели унести к ожидавшей на улице машине. Все недруги вздохнули с облегчением, полагая, что он не выживет. Но три месяца спустя он снова возглавил очередную террористическую операцию... на костылях! Тогда-то к нему и присоединилась Рыжая Хельга, практически взявшая на себя руководство отрядом.

И вот я — в руках динамитеросов, к тому же как «человек Эль Темпло». Чего они потребуют от меня, а значит, от Маяпанов? Я отлично помнил декларацию, с какой выступил Эль Капитан в тот роковой день, когда в Америго-сити появился энерган:

«Динамитеросы не имеют ни малейшего отношения к этому низкопробному спектаклю. Мы клеймим торгашей за их попытку использовать наше честное имя. Если они и впредь намерены вводить народ в заблуждение, пусть пеняют на себя...»

А теперь, в самолете, Рыжая Хельга называла меня и обитателей Эль Темпло «друзьями» и утверждала, что у нас общие цели и общий враг, хотя методы борьбы разные. Все это было очень подозрительно, и я понял, что мне следует взвешивать каждое свое слово и зорко следить за каждым словом динамитеросов.

Мы подошли к палатке, где высился большой, сколоченный из неструганых досок крест с двумя перекладинами. У входа стоял часовой.

— Спит? — спросила Рыжая Хельга.

Часовой отрицательно мотнул головой. Хельга вошла первая. Дуг и я последовали за ней.

Первое, что я ощутил в полумраке закрытой со всех сторон палатки, был тяжелый запах лекарств. А первое, что бросилось мне в глаза, — складной столик, заставленный пузырьками, коробками, шприцами. Слева стояла походная койка, напротив — портативный телевизор, два радиофона, миниатюрный передатчик.

Эль Капитан сидел в инвалидной коляске, ноги у него были укутаны пледом. На нем был черный свитер с крестом на груди — вышивка в точности повторяла крест над палаткой. Знакомое по старым фотографиям худое, с тонкими чертами лицо вдохновенного мечтателя и фанатика-инквизитора неузнаваемо изменилось: передо мной сидел больной, морщинистый старик на пороге небытия. Лишь черные глаза по-прежнему пылали огнем. При виде Хельги он вмиг преобразился. Протянул к ней руки, она, нагнувшись, коснулась щекой его щеки. Трясущимися пальцами больной с непередаваемой нежностью погладил ее волосы — в эту минуту он был похож на влюбленного юношу, впервые прикасающегося к предмету своей любви.

— Вернулась... — прошептал он.

— С помощью божьей, — с улыбкой ответила она.

— Все прошло без осложнений?

— Как видишь, — словно в подтверждение своих слов Хельга кивком головы указала на меня.

Он рассмеялся и показал рукой на телевизор:

— Санто в бешенстве. Грозится повесить тебя на первом столбе. Луис Моралес тоже неистовствует: он считает, что мы губим его планы.

По обе стороны коляски свисали костыли. Из-под

плета выглядывали два огромных башмака — из тех, что носят только на деревянных протезах.

— Как ты? — спросила Хельга.

— С помощью божьей. Когда ты рядом, мне всегда хорошо... — Он снова негромко рассмеялся, и мне почему-то стало жаль этого калеку, который даже на пороге смерти не переставал любить. — Садитесь! — Он показал на койку. — Тут у нас особых удобств нет, все блага будут в раю.

— Какие новости? — спросила Хельга.

— Много, и самых разных. Энерган продолжает поступать во все уголки страны, даже в пограничные районы, а оттуда — к нашим соседям. Его даже сбрасывают с военных самолетов. Ничего не скажешь, у Маяпана прекрасно организованная сеть единомышленников, главным образом среди индейцев. Командору удалось схватить человек тридцать, как говорится, на месте преступления, когда они развозили энерган; ни один из них не заговорил. Умирают, но молчат. Да, братья и сестры умирают молча! Смерть сильнее Командора...

Он задумался на миг, а потом повторил:

— Смерть сильнее. Всесильная, милосердная смерть... Ваш Белый Орел, брат Искров, весьма умен и проницателен, если сумел сделать ее своим верным союзником. К сожалению, ни он сам, ни его близкие не предвидели всех последствий своей новой акции, недооценили силы и возможности противника, прежде всего Союзнического пакта. Союзники не допустят посягательства на устои существующего политического режима. Вы, верно, знаете, что час назад они открыто пригрозили высадить десант. Генералы совещаются...

Он сморщился от боли и умолк. На лбу выступила испарина. Хельга схватила шприц, набрала в него голубоватой жидкости и вонзила иглу ему в руку. Через

несколько секунд боль отпустила, дыхание выровнялось, но глаза помутнели. Эль Капитан с благодарной нежностью посмотрел на Хельгу и попытался продолжить свой рассказ, но сказывалось действие наркоза — голос звучал уже по-другому.

— Командор спланирует вокруг себя фашиствующих молодчиков, готовится нанести удар. Убежден, что он хочет убрать Мак-Харриса и Князя и, воспользовавшись присутствием союзников, захватить власть в свои руки. Так что Маяпан избрал для своей мести самый неподходящий момент...

Упрек явно адресовался мне. Что я мог на это ответить? Только спросил:

— Оперировал профессор Моралес сына Мак-Харриса?

— Да, и, кажется, успешно. Во всяком случае пока... — Эль Капитан скривил рот в язвительной гримасе, отчего лицо приняло жестокое выражение. — Убежденный гуманист спасает наследника величайшего преступника в стране! Каков парадокс? А спасенный отпрыск станет таким же хищником, как папаша, даже, быть может, почище. И, глазом не моргнув, уничтожит своего спасителя вместе с его пресловутой федерацией... Нет, человечество никогда не поумнеет. Динамит — вот решение! Только динамит и смерть! Единственное, что страшит обыкновенного человека, — это смерть, хотя она сопутствует ему со дня рождения и логически завершает жизнь. Помните мои слова: только страх перед смертью приведет человечество к спасительному берегу свободы! Динамит избавляет общество от больных клеток, он одинаково надежно убирает со сцены полицейских и демагогов-политиков, тупиц-генералов и хвячущих либералов...

Эль Капитан все больше впадал в кликушечий тон, столь характерный для проповедников-квакеров, из чьих рядов он вышел.

— Но саму систему одним динамитом не уничтожишь, — вяло возразил я.

— Систему? — Он хмыкнул. — Система — это организм, состоящий из отдельных клеток. Уничтожь клетки — и погибнет весь организм...

Признаться, столь дешевые философские сентенции в устах бывшего университетского профессора и проповедника меня удивили, но я, заинтригованный, слушал, не спуская с него глаз.

— Но смерть, однажды осознанная как необходимость, перестает страшить — напротив, она превращается в мощнейшее оружие. Оно, как ни одно другое, способно воздействовать на массы. Нет человека сильнее, чем тот, кто воспринимает смерть как неизбежность и готов в любую минуту кинуться ей навстречу. Этим *Homo sapiens* главным образом и отличается от животного... Впрочем, скоро вы получите возможность убедиться в этом собственными глазами.

В течение всей этой проповеди Хельга тихонько гладила его руки, что, по-видимому, благотворно действовало на калеку. Но меня не оставляло чувство, что насколько он искренен в своей любви, настолько она фальшива, и ласки ее притворны.

— Пробил наконец час, когда с помощью божьей в игру следует вступить и нам, — подытожил Эль Капитан.

— Но при чем здесь я? Чем я могу быть вам полезен? — спросил я.

— Скоро поймете. Но времени для объяснений нет, дорога каждая минута, поэтому я предпочитаю сразу показать вам, чем мы занимаемся. Сестра Хельга, будь добра...

Она послушно выкатила коляску из палатки. Дуг Кассиди и я пошли следом. Дуг, не переставая мне улыбаться, по пути осторожно извлек из кармана не-

изменную флягу, основательно к ней приложился и протянул мне. Я решительно отказался.

Мы шли извилистой, утопанной тропой, вероятно, специально проложенной для инвалидной коляски Эль Капитана. По обеим сторонам теснились поросшие мхом скалы. Все громче и громче доносились до нас чьи-то голоса, выстрелы, взрывы. Мы остановились на узкой, каменистой террасе, откуда открывался вид на небольшую котловину. Здесь тоже возвышался огромный, грубо сколоченный крест с двумя перекладинами, видный на всю округу. У подножия креста стоял динамитерос. На нем были грубые башмаки, брюки гольф и черный свитер, на груди слева вышит крест с двумя перекладинами. Никаких нашивок или знаков различия, но по тому, как он наблюдал за проходившими внизу учениями и время от времени бросал в микрофон короткие команды, я понял, что это офицер. Не прерывая наблюдений, он поздоровался с нами кивком головы.

Котловина, очевидно, представляла собой учебный плац со сложной системой естественных и искусственных преград. В учениях принимали участие человек сто. Они ползком пробирались по переброшенным через ямы бревнам, карабкались по отвесным скалам, спускались по канатам, прыгали через рвы, прокладывали дорогу сквозь колючую проволоку, стреляли в чучела, метали гранаты. Особенно впечатляла деревянная парашютная вышка, откуда люди прыгали в пропасть.

Эль Капитан приложил к глазам бинокль и долго наблюдал за ходом учений. Потом с довольным видом протянул бинокль мне. Я взглянул.

Динамитеросы, в большинстве мужчины, были все, как на подбор, молодые. Они действовали с усердием и отвагой, по лицам ручейками стекал пот, а всмотревшись внимательнее в тех, кто находился поближе, я

заметил у них в глазах лихорадочный блеск: возможно, следствие внутренней экзальтации, а возможно, алкоголя или наркотиков. У каждого за поясом по четыре гранаты, грудь крест-накрест перехвачена, как патронташами, продолговатыми, плотно набитыми мешочками.

— Заметьте, — сказал Эль Капитан, — они тренируются в полном боевом снаряжении.

— А что это у них на груди? — спросил я.

Он вскинул брови:

— Разве вы не знаете, как мы называем себя?

— Неужели динамит?!

Дружный взрыв хохота был мне ответом.

— Динамитом мы пользовались несколько лет назад, когда только начинали свою деятельность. И хотя мы по-прежнему называемся динамитеросами, взрывчатка в наших мешках куда мощнее, чем добрый старый динамит, изобретенный некогда Нобелем. Ее изготавливают наши друзья на военных заводах Князя.

— Но ведь при взрыве погибнут люди!

— Раз нет иного выхода... — невозмутимо проговорил Эль Капитан.

Я похолодел: выходит, люди там, внизу, были смертниками, добровольными самоубийцами. Мне вспомнились японские летчики-камикадзе времен второй мировой войны, которые, как я читал, таранили вражеские военные корабли и взлетали на воздух вместе с ними. Неужели еще существуют на свете подобные безумцы?

— Правильно ли я вас понял: по вашему приказу они беспрекословно идут на смерть?

Эль Капитан улыбнулся безумной улыбкой фанатика, потянулся к микрофону, видимо, собираясь отдать распоряжение, но передумал и передал микрофон Хельге.

— Покажи нашему гостю, сестра, как мы умеем умирать!

Она понимающе кивнула, поднесла микрофон к губам и, не вынимая мундштука изо рта, негромко сказала:

— Брат Сорок семь!

Динамики многократно усилили ее слова и разнесли по котловине.

На парашютной вышке появился человек. Я направил на него бинокль. На площадке замер юноша, почти мальчик, с нежным, по-девичьи красивым лицом. Четыре гранаты за поясом, мешки со взрывчаткой крест-накрест на груди. Он повернулся к нам, ожидая приказаний. Рыжая Хельга снова поднесла микрофон к губам:

— Брат Сорок семь! С помощью божьей прямым ударом в сердце деспота!

Юноша пристегнул к плечам ремни парашюта, что-то негромко крикнул и прыгнул в пропасть. Парашют раскрылся, и вскоре юноша оказался на дне, мгновенно скинул ремни и устремился к скалам. Залег неподалеку и одну за другой швырнул гранаты. Раздался взрыв, не причинивший, однако, больших повреждений. Тогда юноша выпрямился, осенил себя крестом и с тем же воинственным кличем, что и прежде, бросился на скалу. От гранитной стены полетели камни, а когда осела поднятая взрывом пыль, я увидел разбросанные по сторонам куски человеческого тела — все, что осталось от юноши.

В глазах у меня потемнело, к горлу подступила тошнота. Мне стало дурно. Рыжая Хельга насмешливо смотрела на меня.

— Вернемся! — сказала она. — У нашего гостя слабые нервы.

Когда мы вернулись в палатку Эль Капитана, она презрительно сунула мне в рот таблетку фторсалина.

Только Дуг Кассиди сочувственно смотрел на меня. Видимо, страшная картина, свидетелями которой мы стали, была не для его слабых нервов. Чтобы подкрепить свой дух, он прибег к испытанному средству и отпил из заветной фляги.

8. Наведение мостов

Стемнело. В палатке стало еще мрачнее. Я молчал, подавленный смертью молодого динамитероса. В своем углу Эль Капитан негромко стонал от боли.

Дуг зажег слабую электрическую лампочку.

— Пользуемся энерганом, — не без иронии сказала Хельга и включила телевизор. — Любопытно, что о нас говорят в мире.

А мир, казалось, только о нас и говорил. На все лады обсуждалось мое похищение. Эта новость на какое-то время заслонила даже угрозу союзников. Интерес к моей персоне подогревался еще и тем, что после удачной операции, которую Моралес сделал Конрадо Мак-Харрису, профессор рассказал журналистам, с какой миссией меня послали в Эль Темпло. Он особенно подчеркивал, что речь идет об использовании энергана в мирных целях. В свою очередь Командор вещал направо и налево о «преступной», как он выразился, акции динамитеросов, которая помешала нормализации положения в стране и тем самым уходу союзнического флота.

Весь экран заполнил гигантский авианосец с готовыми к вылету бомбардировщиками. Новый кадр — и вот уже перед нами демонстрация грозных военных кораблей, способных в считанные часы превратить Веспуччию в пепелище. Вслед за тем заявление главнокомандующего: флот и самолеты союзников находятся здесь лишь для устрашения врагов пакта, стремящихся под прикрытием энергана вызвать в стране смуту.

Хельга выключила телевизор. Эль Капитан сказал:
— Да, пора вмешаться... пока не поздно!

Лицо его перекосила гримаса боли. Хельга поспешила сделать ему укол наркотика. Вероятно, только это поддерживало силы больного. Минуту спустя он снова был в состоянии говорить, но, как и после первого укола, глаза у него помутнели, а голос потерял выразительность:

— Необходимо... необходимо как можно скорее встретиться с главой Эль Темпло... Договориться о совместной стратегии и тактике... Надо объединить наши силы против тирании иностранных завоевателей... А проводите нас в Эль Темпло вы, брат Искров. С помощью божьей.

Чтобы не расхохотаться, я до крови прикусил губу. Они выжидательно смотрели на меня. А я мысленно спрашивал себя: за что судьба взвалила на мои плечи такую непосильную ношу? В зеленых глазах Хельги читалась откровенная насмешка. Точно так она смотрела на меня после взрыва. И эти фанатики вообразили, будто сотня самоубийц-динамитеров способна нанести удар союзническому флоту! Глупцы! Или сумасшедшие. Если не провокаторы... Таких людей нельзя подпускать к Эль Темпло. И уж кто-кто, а я не возьму на себя такую ответственность.

— Послушайте, — сказал я, — семь суток меня держали в «Конкисте», и все это время Командор добивался, чтобы я указал ему дорогу в Эль Темпло. Взгляните на меня, на моем лице еще не стерлись следы «любезного» обращения Командора... Я не знаю, в самом деле не знаю, где находится Эль Темпло. Поверьте, я говорю правду.

— Мы верим вам, — быстро ответил Эль Капитан, — но вы можете устроить нам встречу с ними.

— Вы можете сделать это и сами. Вызовите Эль Темпло по радио. Вас услышат.

— Нас услышат не только они, но и наши враги! — возразил он.

Резонный ответ. Рыжая Хельга поднесла огонь к мундштуку, глубоко затянулась и как бы невзначай обронила:

— А почему бы вам их не вызвать? По номеру 77 77 22? Прямо отсюда?

Я, как замороженный, следил за голубыми кольцами душистого дыма.

— Так вы знаете этот номер?

Мои слова прозвучали скорее констатацией, чем вопросом.

— У нас везде свои люди. В «Конкисте» тоже.

И она повернула диск радиодфона.

Ответ, усиленный динамиком, прозвучал почти мгновенно.

— «Энерган компани» слушает.

У меня бешено застучало сердце: я узнал голос Агвиллы, прерываемый плеском волн.

— Говорит штаб динамитеросов. У радиодфона Рыжая Хельга.

— Какая честь! — долетело к нам веселое восклицание.

— А с кем я говорю? — не без кокетства спросила Хельга.

— С Агвиллой Маяпаном.

— С тем очаровательным мальчуганом из Кампо Берде? — в голосе Хельги появилась томная хрипотца.

— Так вам удалось посмотреть мой фильм?

Агвилла был явно польщен: самолюбие кинооператора взяло верх над осторожностью.

— У нас есть видеозапись, мы уже трижды показывали ее всем братьям. Необыкновенный фильм. По нашему мнению, вы слишком либеральны к Мак-Харрису, он заслуживает более сурового возмездия.

Ответом Хельге было молчание. К плеску волн до-

бавилось урчание мотора. Когда же Агвилла снова заговорил, в его голосе уже не было шутливых интонаций.

— Сеньорита Хельга...

— Называйте меня сестрой.

— Сестра Хельга, Теодоро Искров у вас?

— Да. Рядом со мной. Где же ему еще быть? Он хочет сообщить вам нечто очень важное.

С этими словами она передала мне трубку. Что оставалось делать?

— Здравствуйте, Агвилла, — с замиранием сердца прошептал я.

— Привет, Тедди! — Впервые он обратился ко мне по имени. — Давно ждем от вас весточки. Как дела?

— Пока держусь.

— Вы здоровы?

— Здоров.

— Мы ждали вас в Тупаку,

— Так и предполагалось. Но меня привезли сюда. Против моей воли. Хотя здешние хозяева проявляют ко мне похвальную заботливость.

— Это в порядке вещей. Тедди, прежде всего разрешите вас поблагодарить за все, что вы для нас делаете. Мы следили за пресс-конференцией. Вы были выше всяких похвал. Вы более не марионетка в чужих руках. Скорее вас можно назвать кукловодом.

Меня захлестнула горячая волна радости. Большой похвалы я еще никогда не получал.

— Кажется, немного научился отличать людей от кукол, — сказал я и добавил: — Благодаря вам.

Он негромко засмеялся:

— В таком случае расскажите, что собой представляют люди, среди которых вы сейчас находитесь. Эль Капитан, рыжая сеньорита, кто еще?

Я ответил не сразу. Взглянул на измученное, испитое, но по-своему вдохновенное лицо Эль Капитана, на

толстощекого Дуга Кассиди, на улыбающуюся красавицу с сигаретой во рту. В самом деле, кто они такие? Фанатики? Сумасшедшие? Провокаторы? Или передо мной действительно какая-то новая порода людей, «солдаты свободы», как они себя называют? Они тоже молчали, ожидая, что я отвечу.

— Трудно однозначно сказать, Агвилла, — наконец, произнес я, и это было правдой. — Но, по-моему, в некоторых отношениях вы с ними схожи.

И это тоже было верно, особенно в отношении Агвиллы и Эль Капитана. Не имея ничего общего ни во внешнем облике, ни в характере, ни в интеллекте, они вместе с тем обладали чертами, которые их роднили: фанатизмом пророков, железной волей лидеров, способностью страстно любить и столь же страстно ненавидеть.

— С какой целью вас похитили? — немного помолчав, спросил Агвилла.

— Чтобы я помог им встретиться с вами.

— Что это им даст?

— Хотят выработать общие меры борьбы против Мак-Харриса, Командора и союзников.

— Весьма соблазнительная перспектива. А если, невзирая на соблазн, мы все же не согласимся на встречу?

Рыжая Хельга вырвала трубку у меня из рук.

— Агвилла, брат, не тревожьтесь за своего друга. Мы не собираемся причинять ему неприятности. Мы расправляемся только с тиранами... Прошу вас, согласитесь на встречу. Кстати, тогда-то мы и передадим вам Теодоро Искрова. Из рук в руки. Живого и невредимого.

Я представил себе, как Агвилла, прежде чем ответить на этот замаскированный шантаж, советуется с огцом и братом. Я почти явственно видел, как доктор Маяпан скептически качает головой, а Анди пытается

его уговорить. Я даже мог бы поклясться, что слышу его слова: «Почему бы не выяснить толком, чего хотят эти сумасшедшие? К тому же Тедди их заложник. Вы же слышали: они передадут его нам только при встрече. Неужели оставить его в руках террористов?»

Мои мысли прервал голос Агвиллы.

— Будь по-вашему, Рыжая Хельга. Тедди, вы слышите меня?

— Слышу.

— Можете вы завтра на заре быть на том шоссе, по которому вы ехали прошлый раз после встречи с Эль Гранде? Вы понимаете, о чем идет речь?

— Конечно. — Он имел в виду дорогу, что вела к пуэбло Эль Сол. — Где именно?

— Наверху.

Я обернулся к Эль Капитану. Тот в свою очередь вопросительно взглянул на Хельгу. Она кивнула.

— Договорились, — сказал я.

— Кто будет с вами?

Эль Капитан кивком головы показал на Хельгу. Я ответил:

— Рыжая Хельга.

— Только без динамита, — засмеялся Агвилла.

— Она опаснее динамита!

— Как-нибудь справимся! Не забудьте: у нас есть энерган. До встречи.

Что-то щелкнуло, в трубке замолчали.

— Вот и прекрасно! — сказал Эль Капитан. — Благодарю вас, Искров. А теперь — ужинать. Насколько я понимаю, по милости брата Кассиди вам в самолете пообедать не удалось. Хельга, милая, распорядись!

За ужином Хельга сидела рядом со мной и была само обаяние. Ее присутствие помешало мне толком есть и следить за философскими разглагольствованиями Эль Капитана по поводу диктатуры, терроризма и страха в современном обществе.

Я долго не мог заснуть. В три утра Дуг Кассиди вырвал меня из кошмарных сновидений. В кромешной тьме мы побрели к площадке, где уже урчал вертолет.

Там нас ждала Рыжая Хельга. Узкие черные брюки и черный свитер с вышитым крестом на левой стороне груди выгодно подчеркивали статность ее фигуры. В тусклом свете звезд она казалась такой таинственно-прекрасной, что у меня перехватило дыхание.

Мы поднялись в воздух.

Часть пятая

„Песня“

1. Встреча на восходе солнца

Вертолет высадил нас на поляне возле шоссе и тут же взмыл в воздух.

Первые предвестники зари уже осветили горизонт, и я понемногу стал узнавать местность, несмотря на туман, наползавший из леса: мы находились неподалеку от плато Теоктан. Несколько недель назад я проезжал здесь, направляясь в пуэбло Эль Сол.

Тихо. Лишь на дне высохшей речушки глухо стретотали насекомые.

Хельга чиркнула спичкой.

— Погасите, — сказал я. — Огонек сигареты виден издалека.

— Да, да, конечно, я не сообразила, — шепнула она, сминая сигарету. — Может быть, лучше надеть маски?

Мы так и сделали, после чего медленно двинулись вверх по дороге, не произнося ни слова. Сквозь завесу стайфли розовело небо.

Идти пришлось недолго, вскоре со стороны плато показались огни. Навстречу на небольшой скорости двигалась машина. Мы спрятались за разбитым молнией деревом. Машина приближалась. Я узнал оранжевый пикап Агвиллы, вышел на дорогу и вскинул руки. Машина остановилась. За рулем сидел Агвилла в вязаном пончо, на голове сомбреро, без маски.

— Не подвезете? — шутливо спросил я.

— Смотря сколько заплатите, — в тон мне ответил он.

— Символический доллар, — сказал я, сняв маску.

Он засмеялся:

— Маловато. Вот если бы миллиардов двадцать... Ну, да так и быть, не оставлять же вас посреди дороги. Садитесь.

Я подал знак Хельге. Она вынырнула из темноты. Фигура, как у античной статуи, но на лице уродливый резиновый хобот — символ современной цивилизации.

— Доброе утро, — она протянула руку.

— Доброе утро, Рыжеволосая, — отозвался Агвилла и втащил ее в машину, усадив рядом с собой.

Не выпуская его руки, Хельга сквозь круглые стекла маски внимательно вглядывалась в лицо Агвиллы.

— А вы совсем на него не похожи, — чуть погодя сказала она.

— На кого?

— На того мальчика, которого я знаю по фильму.

— А-а...

— Ребенком вы были интереснее.

Он улыбнулся.

Я сел сзади. Агвилла тут же включил зажигание. На коленях у него лежал автомат.

— Наденьте маску, Тедди, — сказал он.

— А как же вы?

— Не выношу масок. Задыхаюсь.

Он резким движением свернул налево, и машина въехала на узкую горную дорогу. Сухие ветки застучали по крыше, рессоры под нами стонали, стайфли становился все гуще, от едкого воздуха першило в горле. Пришлось надеть маску. Некоторое время мы ехали молча, потом Агвилла задумчиво произнес:

— Дети всегда привлекательнее взрослых. Чище душой...

Он был явно задет замечанием Хельги.

Из-под маски долетел негромкий смешок:

— Ну, не скажите... Впрочем, не знаю, может, вы и правы, мне трудно судить — у меня никогда не было детей.

Мне показалось, что при этих словах голос ее дрогнул и вся она как-то сникла.

Снова наступило молчание.

По крайней мере минут тридцать мы убийственно медленно ползли по лесу, пока не оказались на западном краю плато. Лес кончился, туман рассеялся, и мы увидели впереди невысокий холм. Агвилла остановил машину на опушке и повел нас на вершину, где среди беспорядочного нагромождения камней виднелась неглубокая яма. Перед нами раскинулась величественная панорама: с востока ее обрамляли суровые, белые Скалистые горы, на западе — монументальная махина Эль Волкана. Небо розовело. Сняв шляпу, Агвилла привалился спиной к отвесной скале. На его лице заиграли пурпурные отблески, и от этого оно стало красивым какой-то неземной красотой.

— Люблю встречать здесь восход, — сказал он.

Неожиданно вершины гор запылали. Из-за них выплыл солнечный диск и, точно расколовшийся на куски бриллиант, взметнул к небосводу мириады искр. Я снял маску и вздохнул полной грудью.

Моему примеру последовала и Хельга. И, как в сказке, из-под безобразной резиновой морды выглянуло прекрасное женское лицо. Осыпанные золотом солнечных лучей, рыжие волосы сверкали, зеленые глаза стали бездонными, полураскрытые губы трепетно вдыхали горный воздух.

Я не мог отвести от нее глаз, а когда перевел взгляд на Агвиллу, то увидел, что он стоит потрясенный, не способный проронить слово. Так, наверно, стоял сказочный принц перед прекрасной царевной, освободившейся от власти злых чар.

Любовь с первого взгляда? Нет! Скорее извечная победа Женщины над Мужчиной.

В моей памяти всплыли слова, сказанные Агвиллой в пещере Эль Темпло: «Женщины меня не интересуют... А про любовь я читал в романах. Удивительно смешная штука...» Сейчас это уже вряд ли казалось ему смешным. И женщина, видимо, отлично понимала его смятение, потому что не меняла позы под ласковыми лучами солнца и позволяла ветру играть огненными волосами.

Когда напряженное молчание стало невыносимым, она чуть потянулась, затем вынула из кармана золотой мундштук и невинным голосом спросила:

— У вас нет огонька? Забыла зажигалку в лагере.

Этот прозаический вопрос вывел Агвиллу из оцепенения. Он принялся шарить в карманах, вынул спичечный коробок, но сумел справиться лишь с четвертой по счету спичкой. Когда он подносил огонь, руки его дрожали.

— Агвилла, — улыбаясь сказала Хельга, — хотите чисто женский совет? — Он кивнул. — Не носите сомbrero. У вас такая красивая голова...

И слегка провела рукой по его волосам. Ее прикосновение подействовало на него, как удар тока. Он вздрогнул, покраснел, не нашелся, что сказать.

А я спрашивал себя — что это? Банальный прием многоопытной кокетки или неудержимый порыв, влечение, которое Агвилла вызывал в каждом?

— Хотите закурить? — предложила она. — Табак настоящий.

— Спасибо. Я не курю, — заикаясь, ответил он.

Она глубоко затянулась, потом с улыбкой, обнажившей красивые крупные зубы, сказала:

— Отшельник! И, наверно, не пьете тоже. Но хоть любите?

Он поспешно прервал ее:

— Нам не следует задерживаться здесь дольше. Вскоре прилетят самолеты-разведчики.

— Да, да, я тоже тороплюсь, — сказала она. — Время дорого. Морская пехота союзников в любой момент может высадиться. Да и Эль Капитан с нетерпением ждет моего возвращения.

— Сейчас, сейчас... — засуетился Агвилла, явно не зная, как поступить.

Я не верил своим глазам: неужели передо мной бесстрашный Белый Орел, последний вождь племени толтеков, человек, который дал миру энергию, сумел разрушить империю «Альбатроса» и потрясти устои современного мира? Сейчас он был похож на молодого человека, знавшего о любви только понаслышке. Каким счастливым он выглядел! Точно школьник, впервые осмелившийся поцеловать свою избранницу. А «избранница» курила и нетерпеливо постукивала стройной ножкой.

Агвилла побежал к оставленной в лесу машине, вынул из кабины автомат, вернулся, снова сбегал вниз, принес портативный передатчик и зашептал в микрофон:

— Анди?... Да, это я... Мы спускаемся. Нет, не по стене, нашей гостье это не по силам. Прямо... Хорошо, хорошо, я понял!

Рыжая Хельга внимательно прислушивалась к разговору. Стараясь не упустить ни слова, она даже забыла о сигарете.

— Отец?.. Пустяки, успокой его, ведь не все такие... — Агвилла осекся, стрельнул взглядом в Хельгу. Виногато улыбнулся ей и решительно произнес: — Анди, не учи меня, я знаю, что делаю... Да, да, не волнуйся, приму все необходимые меры...

Когда он отошел от передатчика, вид у него был озабоченный и раздраженный. Он еще раз побежал к машине, вынул что-то из-под сиденья и вернулся с пластмассовой фляжкой и пузырьком с таблетками.

— Сожалею, но вам придется согласиться на небольшую процедуру. Искров уже с ней знаком. — Он высыпал на ладонь две коричневые таблетки и со смущенным видом протянул Хельге. — Проглотите, пожалуйста.

— Снотворное? — насмешливо спросила она.

— Совершенно безвредное. — Агвилла еще больше смутился. — Через полчаса вы снова будете бодрой и свежей.

— Не доверяете, — Хельга сокрушенно покачала головой. — А я готова пожертвовать жизнью ради вас...

— Умоляю вас, сеньорита!

Агвилла был просто жалок. Меня так и подмывало схватить его за плечи и встряхнуть хорошенько, чтобы привести в чувство! А Хельгу отправить обратно к этим сумасшедшим, которые, точно бараны, бросаются на каменную стену с взрывчаткой на груди.

Однако я не сделал ни того, ни другого, а Хельга, напустив на себя смиренный вид, сказала:

— Хорошо. Будь по-вашему. Но помните: только из чувства доверия и симпатии к вам.

И проглотила таблетки, запив их водой из фляги. Потом села на землю, прислонилась к камню и почти тут же заснула.

— Помогите перенести ее, — обратился ко мне Агвилла.

Но когда я хотел взять ее за плечи, он отстранил меня, сунул мне передатчик, автомат, флягу, а сам поднял на руки Хельгу. Он ступал осторожно, не сводя глаз с ее застывшего лица. Не более десятка шагов отделяли нас от неглубокой ямы на вершине холма. Там он опустил наземь свою драгоценную ношу, поправил ее рассыпавшиеся волосы и обернулся ко мне:

— Теперь ваша очередь, Тедди. Надеюсь, вы-то хоть не в обиде?

— Нет, я же понимаю, что нельзя иначе. Сейчас не до обид — слишком велика ставка в начатой игре.

Я проглотил таблетки, запив их минеральной водой «Эль Волкан». Голова мгновенно пошла кругом, веки налились свинцом. Я опустился на землю рядом с Хельгой. Но прежде, чем исчез над головой дневной свет, я успел заметить — а может, это только померещилось? — как Агвилла наклоняется к спящей женщине, проводит руками по ее телу и робко целует...

Затем наступила полная тьма.

Я проснулся первым. Хельга со мной рядом еще спала. Мы находились в одной из пещер Эль Темпло. Она была почти пуста, только в глубине виднелось несколько знакомых ящиков с энерганом.

Агвилла брызнул в лицо Хельге водой. Она открыла глаза, испуганно вздрогнула, машинально ощупала карманы брюк и вскочила на ноги. Агвилла нежно взял ее руку в свою:

— Не бойтесь, я здесь.

Она потерла виски, поправила волосы и кокетливо улыбнулась:

— Я, наверно, выгляжу настоящей страхолюдиной. — Ну, и самообладание было у этой женщины! —

Надо привести себя в порядок, нельзя же в таком виде показываться новым друзьям. Где мы находимся?

— Еще немного, и мы придем на место, — уклончиво ответил Агвилла.

Она привычным жестом вынула из кармана мундштук. Агвилла остановил ее:

— Здесь не курят.

Она скользнула взглядом по ящикам.

— Ах да, понимаю...

— Вы в состоянии идти?

— Думаю, что да. Какое удивительное у вас сноворное... После сна оно действует возбуждающе.

Агвилла коснулся ладонью левого угла железной двери, она отворилась, и мы пошли по уже знакомому мне подземному ходу: над головами низкие своды, под ногами — мутные ручьи.

Возле пирамиды нас ожидали Доминго Маяпан и Анди. Они стояли внизу у лестницы, холодно рассматривая приближающуюся женщину.

2. Отец, сыновья и гости

— Отец, — сказал Агвилла, — это Хельга, посол динамитеросов, наша союзница и... — он колебался, но добавил: — ... и друг.

Доктор Маяпан сердечно, по-отцовски обнял меня и только затем пожал руку гостю. Анди хлопнул меня по плечу, что было красноречивей любого дружеского приветствия, и несколько растерянно уставился на Хельгу — очевидно, ни один мужчина не мог остаться равнодушным к ее красоте.

— Вы, наверно, чертовски проголодались! — воскликнул он, думаю, скорее для того, чтобы скрыть свое замешательство. — Я приготовил завтрак толтекских

властителей: крутая маисовая каша с маслом. Ну, и натуральный кофе!

— Мне бы хотелось помыться, — капризным тоном сказала Хельга.

— Сию минуту, сеньорита! Я покажу вам вашу комнату. Конечно, особого уюта вы не найдете — увь, здесь еще ни разу не ступала нога женщины.

Анди галантно подал ей руку и провел к жилым помещениям, после чего вернулся, и мы вчетвером направились в столовую. Здесь от любезного тона, каким Анди говорил с Хельгой, не осталось и следа.

— Зачем ты ее приволок сюда? — резко спросил он. На моей памяти он впервые обращался к брату так агрессивно.

— Затем, что не намерен раскатывать по Теоктану на машине, — не менее резко ответил Агвилла. — Ищейки Командора рыщут по всей округе.

— У нас достаточно тайников наверху.

— По-твоему, следовало возить ее по нашим базам?

— А привозить сюда — разумно?

— Здесь у нас самое надежное убежище. Кроме того, я принял все меры предосторожности.

— Разве дело только в этом? — возмутился Анди. — Нам вообще сейчас не до нее. Два десятка лет ждали мы этих минут! Мы обязаны сосредоточить все внимание на них и только на них. Разве есть у нас возможность караулить или нянчиться с этой рыжеволосой фурией!

Был ли Агвилла задет его словами? Вероятно, потому что ответ его прозвучал язвительно:

— Эта, как ты изволил выразиться «фурия», не нуждается в караульных. А нянькой она сама может быть при тебе и таких молокососах, как ты!

Анди усмехнулся:

— Не отказался бы от такой нянюшки... Глядишь, побаякала бы на коленях, приласкала бы...

Агвилла бросил на него сердитый взгляд. Братья сидели друг против друга, готовые схватиться. Наконец, старший процедил сквозь зубы:

— Разреши напомнить, что именно ты настаивал на ее приглашении. «Лидер влиятельного общественного течения» — так, кажется, ты говорил?

Младший презрительно отмахнулся:

— Ладно, оставим этот бесплодный спор. Она здесь — и точка. Ты хоть обыскал ее?

Агвилла вспыхнул.

— Обыскал. — Голос у него предательски сел. — У нее нет с собой пулемета, она не прячет ни динамита, ни ножа, ни даже пилочки для ногтей.

Значит, я не ошибся: там, возле подъемника, доставившего нас в подземелье, он обыскал ее с головы до ног, но о поцелуе умолчал.

Во время резкого, неприятного диалога братьев доктор Маяпан не сводил с Агвиллы глаз. Заметив предательский румянец и дрожь в голосе, он помрачнел.

— Агвилла, сын мой, — сказал он, — вот что мы сделаем: выслушаем нашу гостью и немедленно вернем наверх.

Лицо Агвиллы побагровело, краска залила шею и уши. В эту минуту он был смешон. И жалок.

— Как она рассудит сама, — пробормотал он. — Возможно, ей надо отдохнуть. Всю ночь в дороге... Верно, Искров? — Он искал у меня поддержки! — Все-таки женщина...

— ...которая взрывает танкеры с сотнями людей на борту! — со злостью докончил Анди.

— Она не убийца, — горячо возразил Агвилла. — А рука Немезиды. Как и мы.

Младший брат покровительственным жестом положил руку на его плечо и заглянул в глаза:

— Уж не влюбился ли Белый Орел в рыжеволосую красавицу?

Агвилла грубо стряхнул его руку:

— Оставь меня в покое!

— Ты обязан ответить!

— Нет! Это касается только меня.

— Нет, Агвилла, не только тебя. Во всяком случае — пока. И здесь. Ты помнишь нашу клятву? «Все силы — энергану, всю жизнь — отмщению». Вот когда мы добьемся своего, я первый с удовольствием спляшу на твоей свадьбе. Мне уже давно хочется стать дядюшкой.

Последние слова и вовсе вывели Агвиллу из равновесия.

— Ты разве не понимаешь, — вскричал он, — что она явилась предложить нам сотрудничество? Динамитеросы — мощная организация, их поддержка может оказаться решающей! Тедди, ты был у них... — В запальчивости он обратился ко мне на «ты», впервые за время нашего знакомства. — Ты же был там, кое-что видел, разговаривал с Эль Капитаном, рассказывай!

И я рассказал обо всем: о тайных аэродромах, о лагере в горах, об Эль Капитане — калеке и наркомане. Не забыл и учения в котловине, прыжки с парашютом, несчастного юношу, который по первому же приказу без колебаний расстался с жизнью. Припомнил слова Эль Капитана о том, что динамитеросы готовятся к крупной операции против союзников.

— Но какую, собственно, цель они сейчас преследуют? — спросил Анди.

— Об этом лучше спросить Рыжую Хельгу. Она ведь для того и приехала. Насколько я понял, они хотят воспользоваться создавшейся политической ситуацией, чтобы свергнуть Князя и уничтожить Мак-Харриса.

— А Мак-Харрис просит у нас отсрочки, не так ли? — мрачно спросил доктор Маяпан.

— Да, — подтвердил я.

— Мы этого ожидали.

— Он предлагает временно приостановить распространение энергана. До ухода союзников. По его мнению, они боятся, что энерган поднимет народные массы на восстание, в итоге Веспуччия выйдет из пакта и присоединится к Острову. Во всяком случае, переймет его политическую систему.

Анди вскочил.

— Вздор, чистейший вздор! — воскликнул он. — У энергана беспредельные перспективы, но он не может поднять народ на восстание. Для этого нужны иные источники энергии. А союзники сделали энерган поводом для вторжения, в этом Мак-Харрис прав.

Он замолчал, словно желая хорошенько вдуматься в собственные слова, и немного погодя добавил:

— И этот повод следует убраться. Причем как можно скорее.

— Что ты имеешь в виду? — не веря своим ушам, глухо спросил Агвилла.

— Я считаю, что следует принять предложение Мак-Харриса и на время приостановить распространение энергана. Пока союзнический флот не уберется восвояси.

— Подумай, что ты говоришь, Анди! — с силой проговорил Агвилла. — Прекратить борьбу именно сейчас, когда Мак-Харрис поставлен на колени, когда достаточно последнего усилия с нашей стороны, чтобы он приполз сюда и заплатил за все свои преступления?!

— Это уже невыполнимо, — сказал Анди.

— Но почему?

— Потому что присутствие оккупационных сил парализует наши действия. Оно уже парализовало нас. Разве ты согласишься продолжить акцию против Мак-Харриса, если будешь знать, что в ответ союзники сотрут с лица земли Америго-сити?

— Они не посмеют!

— Посмеют! Не забывай, что за спиной армии стоят нефтяные и атомные концерны!

— Вот потому-то нам и нужна помощь динамитеросов. Они способны помешать такому развитию событий!

Я почувствовал, что пора вмешаться в спор.

— Агвилла, если позволите, я бы тоже хотел высказать свою точку зрения.

— Говори!

Я понимал, что мое мнение о динамитеросах расходится с общепринятым, но сдерживаться дальше было выше моих сил.

— На вашем месте я бы не слишком полагался на динамитеросов.

— Почему? — Агвилла с трудом подавил досаду.

— Видите ли, у меня сложилось впечатление, что они, мягко выражаясь, несерьезны... политически незрелы, идеологически неграмотны... Вероятно, Анди понимает, что я имею в виду...

— В силу своей подкованности? — усмехнулся Агвилла.

Я пропустил эту реплику мимо ушей.

— Идеология динамитеросов — это смесь анархизма, нигилизма, индивидуализма и не знаю чего еще, и все это подается под религиозным, мистическим соусом. Да и в нравственном отношении они неустойчивы, хотя и готовы умереть по приказу своих главарей. Именно в этом их главная слабость. Рядовые динамитеросы, по-моему, автоматы, послушные роботы, которых можно двинуть против кого угодно. Вспомните убийство председателя профсоюза моряков. Или бесконечные взрывы. Многие из них спились, стали наркоманами. Мне они представляются скорее бандой фанатиков фашистского толка, чем революционным отрядом. Все они находятся под влиянием Эль Капитана и Рыжей Хельги, других сильных личностей сре-

ди них нет. Впрочем, фактически руководство перешло к Хельге, Эль Капитан уже дышит на ладан. Знаете, я не удивлюсь, если окажется, что они — орудие в руках какой-нибудь иностранной секретной службы.

— Хватили через край, Тедди! — бросил Агвилла.

— А разве история не преподносила нам таких примеров? Вспомните хотя бы убийство президента...

Стук в дверь прервал наш спор. На пороге появилась улыбающаяся Хельга. Признаться, ее вид никого не оставил бы равнодушным. Лицо освежено водой и искусным гримом, непокорная прядь еще влажных волос зачесана на лоб. Грудь обтянута черным свитером.

— Простите, что задержалась, — сказала она, придав своему низкому голосу волнующие интонации. — Но женщина, даже если она и террористка, не может предстать взорам мужчин похожей на ведьму. Добрый день, сеньоры!

Агвилла шагнул ей навстречу, пододвинул стул. Я еще раз убедился в гипнотической силе этой женщины: она стояла перед ним с видом королевы, жалующей милостью своего пажла. Я просто зашелся от злости, готов был совершить нечто непоправимое. Но Анди, очевидно, угадав мое состояние, воскликнул:

— Немного терпения, и вы увидите, какой я кули-нар!

И кинулся из комнаты.

Блюдо действительно удалось на славу, и гостя попросила добавки, что польстило самолюбию Анди. Но доктор Маяпан к еде не притронулся. Он молча наблюдал за тем, как суетятся сыновья и щебечет Хельга. И только когда Анди подал кофе, он нарушил свое молчание.

— Сеньорита, вы похитили нашего друга Искрова с единственной целью — установить с нами связь...

— Совершенно верно, — подтвердила она. — И вер-

нула его вам в целости и сохранности. С помощью божьей.

— Поскольку вы тоже здесь, хотелось бы знать, в чем состоят ваши требования.

— О, у нас нет требований! — воскликнула она. — Только предложения. Вернее, даже просьба. Чудесный кофе! Мы себе такого не позволяем, хотя проникнуть на склады апперов для нас не представляет трудности. Скажите, у вас здесь есть телевизор? Или радио? События развиваются с такой быстротой, что нельзя ни на миг выпускать их из поля зрения. От этого зависит и суть моей просьбы. Ничего, если я закурю? Спасибо. Больше никто не курит? О да, сеньор Искров, пожалуйста! А то мне просто неловко быть здесь единственной курильщицей.

Я ни секунды не сомневался, что она старается выиграть время. Анди принес и включил портативный телевизор.

Из обзора новостей мы узнали, что флот союзников по-прежнему стоит в заливе Америгосити в состоянии боевой готовности. Концерн «Альбатрос» перестал существовать. Мак-Харрис исчез. Поиски пока оказались безрезультатными. Почти все нефтедобывающие центры получили партию энергана — в качестве предупреждения. По мнению обозревателей, предстоит масштабная атака Эль Темпло на нефтяные компании страны.

Неожиданно в столовую вошел Педро Коломбо и что-то шепнул на ухо Анди. Тот мгновенно выключил телевизор.

— Снова самолеты-разведчики, — объяснил он. — Могут засечь даже самую слабую электронную аппаратуру. Сеньорита Хельга, время не ждет. Будьте добры, изложите ваши предложения, желательно конкретнее.

Однако, как я уже заметил, она не спешила. Долго

чистила и протирала мундштук и все время прислушивалась к далекому шуму самолетов. Внезапно громкий подземный гул заглушил все другие звуки. Раздался треск, лампа под потолком закачалась, как маятник.

Хельга побледнела.

Но толчки длились недолго, через некоторое время все успокоилось.

— Не бойтесь, Хельга, — сказал Агвилла. — Это неопасно.

— Мы... мы находимся недалеко от Эль Волкана? — боязливо спросила она.

— Нет, нет, достаточно далеко, — поспешил объяснить Анди.

— Мне совестно, но, признаться, я боюсь двух вещей, — Хельга уже оправилась от смущения. — Мышей и землетрясений.... А еще террористка, да?

Она засмеялась.

— Что я, собственно, хотела сказать? Ах да! Наши предложения... Прежде всего разрешите передать вам братский привет от Эль Капитана. К сожалению, он не мог лично прибыть сюда и поручил ведение переговоров мне. Эль Капитан выражает свое восхищение обеими вашими акциями против Мак-Харриса. Он считает их организацию безупречной. Поверьте, это не пустой комплимент, кто-кто, а Эль Капитан знает толк в конспирации... Он просил также передать, что преклоняется перед вашим творческим гением, создавшим энерган — мощнейшее оружие против тирании. Но, по его мнению, вы совершили роковую ошибку, не сочетав это оружие с другим, еще более эффективным, которое поражает живую силу противника, иными словами — с динамитом и пулей. Вы оставили незащищенными ваш тыл и фланги, и в результате против вас поднялись не только деспот Веспуччи, но и мощные силы союзников...

— В чем же состоят ваши предложения? — перебил

Анди, которому словоизлияния Хельги явно стали действовать на нервы.

Она снова прислушалась к шуму самолетов.

— Не нравится мне это, — сказала она.

— Ничего страшного... Побыстрее, сеньорита, прошу вас!

Тон у Анди был весьма нелюбезный.

— Как вы нетерпеливы, юноша! — Хельга улыбнулась, кокетливо взмахнув ресницами.

— Не стоит обращать на него внимания, Хельга, — вмешался Агвилла. — Он у нас всегда такой.

Хельга одарила его благодарной улыбкой.

— Эль Капитан предлагает, чтобы мы скоординировали наши действия против Князя, Командора и союзников, — сказала она. — С помощью божьей мы готовы нанести удар по союзническому флоту.

— Каким оружием? — спросил доктор Маяпан. — Не забывайте, что флот союзников — это не только бронированные корабли, но и авианосцы и ракеты.

— А у нас живые торпеды. Они безошибочно поражают любую цель. Сеньор Искров имел возможность наблюдать за действиями одной такой торпеды. А у нас их сотни... И если уж быть до конца откровенной, скажу: мы располагаем также атомными зарядами...

Разговор вновь прервал Педро Коломбо.

На сей раз он буквально ворвался в столовую. Вид у него был крайне встревоженный. Он подбежал к Анди и что-то шепнул ему. Анди побелел и вскочил, и оба выбежали из комнаты. Хельга проводила их недоуменным взглядом и умолкла.

Минуту спустя Анди вернулся.

— Вынужден прервать нашу беседу, — дрожащим голосом сказал он. — Отец, Агвилла — идемте! Тедди, останешься тут, составишь компанию сеньорите. Надеюсь, мы ненадолго. Можешь пока показать нашей гостье сокровища Эль Темпло...

— Какая-то неприятность? — встревожилась Хельга.

— Что вы, напротив, — разуверил ее Анди. Но губы у него по-прежнему предательски дрожали.

Чуть позже я увидел в окно, как братья вскочили на коней и поскакали по направлению к Белой Стене. За спинами у них висели автоматы.

Педро Коломбо скрылся в джунглях.

Доктор Маяпан заперся в комнате связи.

Я остался в столовой. В качестве охраны рыжеволосой красавицы.

Был полдень. Вернулись же братья под вечер.

С ними был... Мак-Харрис!

3. Встреча

Но не буду забегать вперед. В промежутке между отъездом и возвращением братьев я, следуя пожеланиям Анди, показал Хельге Эль Темпло. Признаюсь, без особого удовольствия. Мы осмотрели дворец, пирамиду, я обратил ее внимание на барельефы, скульптуры, орнамент на стенах. В библиотеке мы задержались у вазы с письменами.

— Где же сокровища, о которых упомянул этот милый юноша Алехандро? — спросила Хельга.

— Вы их видели — это замечательные произведения древнего искусства.

— А я-то вообразила драгоценности, золото, серебро...

— Ничего такого здесь нет. Покидая эти края, толтеки все ценное унесли с собой. Я же говорил об этом на пресс-конференции, если вы помните.

— Я вам тогда не поверила. Сочла ловким маневром... Но, может, здесь все же есть золото? Зарытое глубоко в земле или на дне озер? В других местах так

бывало. Это очень помогло бы нашему движению. — Хельга вынула из кармана золотой мундштук. — Лично я особого пристрастия к золоту не питаю. Кроме этого мундштука. Подарок Эль Капитана.

— Золота здесь нет, — повторил я. — Но обнаружено нечто более драгоценное.

— Вы имеете в виду энерган?

— Вот именно.

Она провела длинными наманикюренными пальцами по письменам, выгравированным на вазе.

— Это и есть пресловутая «Песня», о которой вы говорили на пресс-конференции?

— Да.

— Что же в ней воспевается?

— Понятия не имею.

— О-о, и вы не доверяете мне, брат Искров. Нехорошо. Чем я заслужила такую неприязнь? Признайтесь, вы не любите меня. Обидно. Женщинам всегда приятно, когда их любят... — И она одарила меня самой обольстительной из своих улыбок.

Что верно, то верно: я не доверял ей, она внушала мне не любовь, а неприязнь. И чем больше я с ней сталкивался, тем больше отталкивало меня ее жестокое красивое лицо, хищный рот, воркующий смех. Мне было невыносимо равнодушие, с каким она говорила о «живых торпедах», холод в ее зеленых глазах, когда она рассматривала рисунки на камне, изображавшие, как у живого человека вырывают из груди сердце, раздражало, что она непрерывно поглаживает свой золотой мундштук, раздражала ее болтовня: «Убеждена, что здесь есть золото. Энерган энерганом, а золото — это золото! Оно нетленно». Вернутся братья, думал я, поделюсь с ними мыслями, которые меня смущают, и посоветую немедленно отправить ее назад, к своим. И Агвилла тогда освободится от ее чар. Тяжелое предчувствие теснило сердце, предчувствие не-

поправимой беды, которая случится из-за этой рыжей красавицы.

Я еле дождался их возвращения.

Услышав топот коней, поспешил навстречу приехавшим. И стал свидетелем зрелища, ради которого стоило пережить все злоключения, какие выпали на мою долю.

Первым на дорожку из-за кустов вынырнул Анди. В одной руке он держал поводья, в другой — автомат. Следом показались... Мак-Харрис и Дуг Кассиди — вдвоем на одной лошади. Мак-Харрис был привязан к седлу, Дуг поддерживал его сзади. За ними шагал великан Эль Гранде, мой давний знакомец из ресторана «Эль Волкан». Замыкал шествие Агвилла, тоже с автоматом в руке.

Мак-Харриса развязали, сняли с лошади. Что с ним стало! Перед нами стоял худой как скелет человек с потухшим взором, безразличный ко всему на свете.

— Сюда!

Анди показал на вход под аркой.

Мак-Харрис не шевельнулся.

— А ну, шагай! — гаркнул Дуг Кассиди и подтолкнул его.

Мак-Харрис качнулся вперед и поплелся, еле волоча по траве ноги. Он прошел мимо нас, сломленный, полуживой, по колено забрызганный грязью, от него исходило зловоние — видимо, пробирался сюда по болотам. Со мной он не поздоровался. Может, не узнал?

За ним следовал Дуг Кассиди. Увидев меня, он подмигнул.

— Привет! Вот и опять встретились! Но только... — шепнул мне в самое ухо, — у меня отняли подкрепляющее. Безобразие, а? Усыпили и вытащили из кармана флягу. Они что тут — трезвенники, совсем не пьют? Знать бы, что оно так обернется, ни за что бы не впутался в это дело!

Анди дружески кивнул мне, а ему крикнул, чтобы он не отставал. Эль Гранде же от всего сердца стиснул мою руку своей огромной лапицей.

Я взглянул на Агвиллу и поразился его виду: он был бледен до желтизны, глаза пылали. Пальцы с такой силой сжимали автомат, что побелели суставы.

Когда мы вошли в столовую, Хельга курила, сидя на подоконнике. Появление Мак-Харриса оставило ее безучастной. Как будто это не было для нее неожиданностью. Педро Коломбо, засунув руки глубоко в карманы, забился в дальний угол.

А посреди комнаты стоял Доминго Маяпан. Его била дрожь, на лбу выступила испарина, он тяжело дышал: казалось, у него вот-вот разорвется сердце. «Неужели он умрет именно теперь, когда наступил наконец его звездный час?» — со страхом подумал я.

Мак-Харрис остановился перед ним, потупив взор, уронив руки вдоль туловища, по-прежнему безучастный ко всему. Но вот он поднял голову, их взгляды встретились. Губы Доминго Маяпана раскрылись — он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Стекла очков вспотели, он не догадывался протереть их. Еще раз попытался что-то сказать — из пересохшего горла вырвался лишь невнятный хрип. Двадцать два года ожидал он этой минуты, а теперь, когда она наконец наступила, не знал, что делать дальше.

Все молчали. Даже Хельга перестала курить. Агвилла еще крепче сжал автомат. Только Дуг Кассиди как ни в чем не бывало почесывал свой лысый череп.

Но вот Мак-Харрис нарушил молчание:

— Конни скончался... — глухо сказал он. В его голосе слышалось такое отчаяние, такая отцовская боль, что все замерли.

— Уведите его! — наконец выдавил из себя доктор Маяпан.

Эль Гранде схватил Мак-Харриса за плечо и вытолкал за дверь. И в ту же минуту силы окончательно оставили Доминго Маяпана, и он рухнул на пол.

Анди бросился к нему, помог подняться, усадил на стул. Потом дал воды, таблетку форсалина. Старик, беспомощно улыбаясь, проглотил ее, невидящим взглядом посмотрел на сыновей. Улыбка сменилась нервным смехом, а смех перешел в рыдания. К счастью, форсалин подействовал, и вскоре Доминго Маяпан пришел в себя. Отерев платком мокрое от слез лицо, он глубоко вздохнул:

— Слабое существо — человек... Не волнуйтесь, мне уже лучше. Ну, рассказывайте, как все произошло.

Агвилла обернулся к Дугу Кассиди, и тот не стал дожидаться, пока его попросят еще раз:

— Ну что ж, сеньоры. Я расскажу все как было, хотя особенно рассказывать нечего. Значит, так, после отъезда сестры Хельги и сеньора Искрова меня вызвал к себе Эль Капитан. «Брат Дуг, бандит Мак-Харрис прячется в пуэбло Юкота, неподалеку от Кампо Верде. Вытащи-ка его оттуда и презентуй нашим друзьям из Эль Темпло. Они давно его ищут, хотят рассчитаться по справедливости. Ты ведь видел их фильм по телевидению?» «Ладно, босс, — отвечаю, — с помощью божьей все будет сделано в лучшем виде. Брат Кассиди еще ни разу не позорился, бог даст, не опозорится и сейчас». Беру это я с собой трех братьев, пакет взрывчатки и отправляюсь в путь. А в этом самом пуэбло Юкота, доложу я вам, идет такая кутерьма, что никто в нашу сторону и не смотрит. За день до нас воинские части искали там дорогу в Эль Темпло, потеха! Взрывали дома, обшаривали подвалы, сами понимаете, как это делается. Ну, находим мы нужный дом, подкладываем под стену два заряда, пробиваем внутрь дома проход и хватаем Мак-Харриса в одном

исподнем. А у него, между прочим, возле кровати пулемет, ящик с патронами, гранаты, целый арсенал на случай осады, ха-ха! Но брат Кассиди — стреляный воробей: перед тем как убраться восвояси, всадил еще один заряд, и такой получился фейерверк, что весь народ высыпал поглядеть! А мы тем временем преспокойно отправляемся в указанное вами место, где нас ожидает ваш верзила Эль Гранде. И вот мы здесь, живы и невредимы, и передаем вам привет от Эль Капитана. Кстати, пока не забыл: он велел сказать, что эта наша акция совершена в знак уважения к вам и в доказательство чистосердечного желания динамитеросов сотрудничать с вами в борьбе против деспота. Аминь! Верно я говорю, сестра?

Что-то в его вопросе насторожило меня, но Хельга ответила как нельзя серьезнее:

— Верно, брат Кассиди. Мы прекрасно сознаем, сеньоры, что вы тут в Эль Темпло не простачки и без проверки не примете ни меня, ни мои предложения, а потребуете доказательств нашей искренности и доброй воли... Я ведь не ошибаюсь, сеньор Искров?

— Возможно, — с вызовом ответил я, хотя понимал, что не вправе говорить с ней таким тоном. Эта женщина сокрушила мои сомнения относительно благих намерений динамитеросов. Она, казалось бы, сделала все, чтобы заглушить мое недоверие к ней. И все же меня не покидало смутное чувство неприязни.

— Итак, доказательство налицо, — продолжала она. — Могут ли быть более убедительные доказательства? Что вы на это скажете, сеньор Искров?

Я промолчал. Но в ту минуту просто возненавидел ее. Готов был броситься к ней, схватить за волосы и бить, бить до потери сознания. Впрочем, может, во мне говорила самая заурядная ревность?

— Надеюсь, сеньоры, теперь вы простите мою болтовню за столом и легкомысленное поведение. Что де-

лать, мне обязательно надо было выиграть время, дожидаться результата операции, порученной брату Кассиди. А вы, сеньор Искров, вы не будете больше презирать меня за все глупости, которые я молчала во время нашей прогулки по Эль Темпло? Нервы мои были так напряжены, что, право, я сама не понимала, что несу. Мир, сеньор Искров?

Меня чуть не затрясло от злости. Никто не позволял себе так надо мной издеваться!

Анди, видимо, заметив мое состояние, поспешил вмешаться:

— Друзья, мы очень устали, весь день в дороге. А наш гость, сеньор Кассиди, к тому же и голоден.

— Нет, нет, сеньоры! — запротестовал Кассиди. — Вы меня не знаете. Я совершенно не хочу есть. Только пить. Умоляю, верните мою фляжку. Я сразу воспряну духом.

Анди вынул из кармана плоскую флягу, Дуг с жадностью прильнул к ней. Потом вздохнул с облегчением:

— Вот теперь можно и закусить и вздремнуть.

— Но сначала я хотел бы отблагодарить вас за услугу, которую вы нам оказали, — сказал Анди. — Вы рисковали жизнью...

— Ерунда! — заскромничал Дуг.

Анди вышел и вскоре вернулся с обсидиановым ножом в руке.

— Сеньор Кассиди, этот нож — большая драгоценность. Ему почти три тысячи лет. Он принадлежал нашим далеким предкам, толтекским вождям. Примите его в дар от нас. Пусть он служит лишь для того, чтобы резать хлеб и сыр.

— С помощью божьей! — усмехнулся Дуг, рассматривая красивый, сверкающий, гладкий нож. Таким же длинным и острым ножом Мак-Харрис убил Еву Маяпан.

4. Любовь и Ясимьенто

Основательно выпив и закусив, Дуг Кассиди удалился в отведенную ему комнату и с чувством хорошо исполненного долга безмятежно захрапел. Доминго Маяпан последовал его примеру. Встреча с заклятым врагом так подействовала на старика, что Анди пришлось дать ему снотворное и уложить в постель.

Эль Гранде тоже покинул нас. Постелил соломенный тюфяк перед дверью в склад, где был заперт Мак-Харрис, и лег, не выпуская автомата из рук. Надо полагать, он всю ночь не сомкнул глаз.

Вскоре опять послышался гул самолетов-разведчиков, прочесывавших джунгли. Поэтому Анди отключил в радиокабине всю аппаратуру и всюду погасил свет. Смолкнул даже равномерный гул генераторов, питавших приборы и машины в Эль Темпло.

Над бывшей резиденцией толтекских властителей воцарилась тишина, нарушаемая только глухими звуками ночи. Над плато всплыла яркая луна, залившая призрачным светом руины под аркой. Ее лучи проникли и в столовую, осветив прекрасное лицо Хельги.

— Друзья, — сказал Анди, — отложим наш разговор до завтра, когда отец успокоится. Мак-Харрис все равно уже здесь. Что до меня, то я ложусь спать.

Да, Мак-Харрис был здесь. Для Агвиллы и его отца это, вероятно, означало конец битвы, но не для Анди, Эль Капитана и Рыжей Хельги! У них были иные, далеко идущие планы, и выполнение этих планов зависело от множества обстоятельств.

А как обстояло дело со мной?

Похищение Мак-Харриса и передача его в руки Маяпанов, осуществленные по приказу Эль Капитана, в принципе должны были бы усыпить мои смутные подозрения и тревогу, вселить доверие к динамитеро-

сам вообще и к Рыжей Хельге в частности. Но почему-то присутствие Мак-Харриса в Эль Темпло не принесло мне желанного спокойствия. Возможно, причиной тому служили грозный гул самолетов и утреннее землетрясение. А может, слова Хельги относительно золота. Но ведь она сама призналась, что молола всякий вздор?

Так или иначе, делать мне в столовой тоже было нечего, и, попрощавшись, я направился к себе и лег спать. Но мне не спалось. Луна светила так ярко, из джунглей доносилось такое благоухание, тишина была такой звонкой! Я долго ворочался в постели, в голове беспорядочно теснились всевозможные образы, и в каждом из них мне виделась рыжеволосая голова Хельги.

И вдруг я услышал ее голос.

В первый момент мне показалось, что он звучит только в моем полусонном мозгу, но нет, он был отчетлив, вполне реален и проникал в окно со двора — этот глубокий, чуть хрипловатый голос.

— Удивительно, что такой умный и сильный мужчина, как вы, Агвилла, согласился провести столько лет отшельником, вдали от мира, радостей жизни, людей... Не ведая любви. Вы обокрали собственную молодость...

— Я так не думаю, — шепотом отвечал Агвилла. — Все эти годы я жил полнокровной, очень интенсивной жизнью. У меня была великая цель, была борьба. И, кроме того, меня удерживала здесь клятва, данная отцу.

— Никакая клятва не может заставить человека пожертвовать собой ради чего-то, что давно кануло в вечность!

— А вы, Хельга, разве вы не жертвуете собой ради своих идеалов?

— Я — дело другое. — Готов поклясться, в голосе Хельги звучали нотки печали! — Я веду борьбу за со-

вершенно конкретные цели, во имя справедливости. За свержение тиранов.

— Я тоже ненавижу тиранию.

— В таком случае вы должны вступить в наше братство. — Она засмеялась. — Ведь своей цели вы уже достигли.

— Да.

— А что дальше?

— Дальше? Не знаю... Надо жить.

— Без ненависти? Без жажды мести? Без новой цели?

— Наверно, это будет нелегко. Двадцать с лишним лет я жил и работал, подхлестываемый одним-единственным желанием. Двадцать с лишним лет я не занимался ничем, кроме энергана. Но сейчас мне предстоит другая работа, причем трудная. Располагая богатствами «Альбатроса», мы должны возродить Кампо Верде и Теоктан, превратить пустыни в сады. Да, работы предстоит много... — Он помолчал. — Знаете, Хельга, Искров однажды спросил меня, кем бы я хотел стать, если бы не был химиком. Я ответил: «Художником или кинооператором». Это была шутка, конечно, но, поверьте, будь у меня такая возможность, я бы завтра же бросил химию, гремучий песок, энерган... И посвятил себя какому-нибудь скромному занятию. Пахал бы землю, например, как мой дед, поселился бы в возрожденном Кампо Верде, взращивал бы какао, кукурузу, цветы...

— Один?

— Почему один? Женился бы, завел детей. Я уж не так молод...

— Завидую той, кто станет твоей женой.

Агвилла промолчал. Я почти воочию видел зеленые глаза женщины, обволакивавшие его своим гипнотическим сиянием. Паутина опутывала его все крепче, но он не чувствовал этого, не понимал...

— Хельга... — прошептал он.

— Да?

Агвилла снова затих.

— Хельга, быть может, в Кампо Верде найдется местечко и для тебя? — немного погодя, сказал он. — В белом домике с зелеными дверями и окнами, с колодцем во дворе?

— Как в твоём фильме?

— Да... Тебе это покажется странным, но такой дом и красивая любящая женщина в нём — для меня цель даже более высокая, чем победа над «Альбатросом». Об этом я мечтал всю жизнь.

Она печально засмеялась.

— Поздно, Агвилла.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мне не позволят.

— Кто может тебе помешать?

— Командор, Князь, союзники... Ты забываешь, что я Рыжая Хельга, что я тоже связана клятвой. До тех пор, пока они не исчезнут с лица земли, обыкновенная человеческая жизнь для меня невозможна...

— Справимся и с ними! Мы ведь союзники, правда? А энерган всемогущ. Не чета вашему динамиту или какому там ещё у вас оружию. Справимся!

— Славный, милый... — прошептала она. — Почему я не встретила тебя раньше?

До меня донёсся звук поцелуя.

— Тебе хорошо? — немного погодя спросила Хельга.

— Да. Потому что ты со мной.

Снова тишина, полная томления.

— Неужели ты никогда не любил? Никогда?

Пели птицы, луна серебрила джунгли, упоительно благоухали цветы. Агвилла Бланка, Белый Орел, последний вождь толтеков, впервые открывал для себя, что такое любовь к женщине.

— Люблю, люблю... — твердил он, и в его словах таилась нежность тысячелетий.

— Я тоже, дурачок ты мой... — отвечала она, и я мысленно видел, как она взмахивает ресницами, как ее волосы рассыпаются по его лицу. — Я тоже...

«Лжет она, лжет!» — подумал я. А может, во мне и впрямь говорила ревность?

Снова послышалось гудение самолета.

— Ищут... — шепнула она. — Никак не уймутся. Ищут нас.

— Не нас. Они ищут Ясимьенто.

— Ясимьенто? Ах да, месторождение, о котором говорится в надписи на вазе. Искров сегодня показал мне ее. Какая прелесть!

— «Песня» еще лучше.

— Прочти мне ее!

— Не могу, не имею права.

— Прошу тебя!

Эта просьба была сильнее приказа, вряд ли перед ней устоял бы хоть один мужчина. Мне хотелось вскочить, крикнуть в открытое окно: «Остановись, Агвилла! Не делай этого!» Но я не вскочил и не крикнул. Ибо все происходящее казалось мне нереальным. И еще потому, что сам жаждал услышать «Песню».

— Будь по-твоему, — снова долетел ко мне шепот Агвиллы. — Все равно незачем дольше хранить эту тайну, через несколько дней мы оповестим об Ясимьенто весь мир... Слушай, любовь моя!

Я песок, что гремит,

и горит,

и летит.

Я там, где я есть,

где испокон веков

сплю под Эль Волканом.

У истоков голубой реки,

за высоким камнем,

поставленным богом Кетцалькоатлем.

Вступи в ночную темь земли,
пройди без отдыха
тысячу двести два шага,
взгляни перед собой:
я — там, я черный песок,
что гремит,
и горит,
и летит.
Разбуди меня и возьми!

Луна на небе застыла. Птицы смолкли. Джунгли затаили дыхание...

— Какая прелесть! Как поэтично, — проговорила Хельга. — Изумительно.

— Это всего лишь скверный, буквальный перевод. Оригинал гораздо лучше...

— «У истоков голубой реки, за высоким камнем...» — нараспев повторила она. — И что же? Вы нашли этот камень и обнаружили Ясимьенто?

— Представь себе! Проникли под землю, отсчитали положенные тысячу двести два шага и наткнулись на залежи гремучего песка.

— «Разбуди меня и возьми!» Невероятно!

— Не так уже невероятно. Конечно, гремучий песок — редко встречающееся образование, но все же оно существует в природе и может быть найдено и в других вулканических областях. Видишь ли, на процессы образования и скопления углеводородных соединений в земной коре огромное влияние оказывает вулканическая деятельность. Химические реакции, в результате которых образуются углеводороды, многократно ускоряются под воздействием тепла и вибрационных процессов — я имею в виду тепло земных недр во время извержения вулканов и землетрясений.

— Ничего в этом не смыслию. Всегда была тупицей в химии.

Агвилла рассмеялся.

— Не так уж все это и сложно. Ясимьенто — мес-

торожение гремучего песка — можно обнаружить почти всюду поблизости от действующих вулканов.

— Как бы мне хотелось хоть краешком глаза взглянуть на это ваше пресловутое Ясимьенто!

Я не успел крикнуть: «Агвилла, остановись!», как услышал его голос:

— Ты умеешь ездить верхом?

— Немножко.

...Через несколько минут топот двух лошадей потонул в густой листве.

Возбужденное воображение рисовало мне, как они продираются сквозь лианы, как подъезжают к реке, отыскивают «высокий камень», погружаются в «ночную темь земли», зажигают фонарь и оказываются у вагонетки над черным провалом. Вот Хельга наклоняется, берет в руки черный порошок, смеется и произносит нараспев:

Я песок, что гремит,
и горит,
и летит...

Наконец сон сморил меня.

Проснулся я от негромкого жужжания. За окном было светло.

Непонятное жужжание проникло сквозь толстые каменные стены, и от этого оконные стекла неприятно дребезжали. Послышались чьи-то торопливые шаги, возбужденные голоса, захлопали двери.

Я вскочил с кровати и кинулся в комнату связи, где уже находились Анди и Педро Коломбо. У двери топтался Дуг Кассиди, еще не совсем оправившийся от вечерних возлияний. Не обращая на него внимания и не постучавшись, я вошел в комнату.

— Что случилось? Почему шум?

— Тревога! — отозвался Анди.

— Какая тревога? — по-дурацки воскликнул я и мгновенно вспомнил ночную любовную сцену под моими окнами. — Где Агвилла?

— Должно быть, на прогулке с рыжеволосой красавицей, — язвительно сказал Анди и включил мониторы.

На Белой Стене все было совершенно спокойно.

В лаборатории, в шахте подъемника и на складах тоже не было ничего подозрительного.

Но пятый экран — тот, что вел наблюдение за черным провалом Ясимьенто, — пульсировал. Педро прибавил звук: раздался оглушительный писк.

— Передатчик! — шепнул он и принялся шарить объективом по всем уголкам галереи.

Только я собрался рассказать им о ночной экскурсии Агвиллы и Хельги, как резко зазвенел радиотелефон. Анди взял трубку. Из усилителя донесся отчаянный вопль.

— Эль Темпло? Эль Темпло?

— Да, это Эль Темпло, — сказал Анди. — Кто говорит?

— Эль Капитан! — Визгливый голос главара динамитеросов был полон ужаса. — Предупреждаю: Хельга провокатор! Вы меня слышите? Отряд номер семь обнаружил секретные архивы «Конкисты»... Слышите? Рыжая Хельга — агент Командора! Приказываю брату Кассиди ее каз...

Его крики были заглушены выстрелами. Эль Капитан захрипел, но сквозь шум нам все же удалось слышать слабый голос:

— Они здесь... Касси...

Снова выстрел. Все смолкло.

— Капитан! — закричал Анди. — Капитан!

Ответом ему была мертвая тишина.

В кабину ворвался Дуг Кассиди, от его сонного вида не осталось и следа, он разом протрезвел.

— Я все слышал! — сказал он. — Недаром я давно слежу за этой красоткой. Теперь-то ей от меня не уйти. Дайте мне динамит.

Разумеется, динамита ему никто не дал. В этот момент снаружи послышалось лошадиное ржание, затем гортанный смех Хельги, а вскоре и она сама появилась во дворе. За ней следовал Агвилла. Хельга лучилась счастьем.

Дуг рванулся было ей навстречу, но Анди удержал его:

— Обожди! Сначала надо выяснить, что она успела натворить!

Писк, доносившийся с экрана пятого монитора, не стихал. Объектив продолжал осмотр шероховатых стен галереи, вагонетки, рельсов. И внезапно наткнулся на узкий, продолговатый желтый предмет. Педро увеличил и приблизил изображение. В залежах гремучего песка древних толтеков лежал золотой мундштук. Писк резал уши.

— Вот он, передатчик! — сказал Анди. — Какие же мы идиоты! Надо убрать его оттуда! Немедленно! Пока не засекали приборы самолетов.

Педро схватил автомат и бросился к выходу. В дверях он столкнулся с Хельгой, но даже не взглянул на нее, выбежал во двор и вскочил в седло. Вскоре он уже скакал на запад, к Ясимьенто.

5. Самоубийцы

С этой минуты события стали разворачиваться с такой головокружительной быстротой, что я не успевал следить ни за их развитием, ни за деталями. В памяти остались лишь отдельные обрывки — точно ночные сцены, выхваченные из тьмы вспышками молнии.

Началось с того, что с востока, скорее всего со сто-

роны Белой Стены, появился огромный вертолет. Едва он приблизился к арке, как из его брюха посыпались парашютисты. Все в черных свитерах динамитеросов, у всех на груди крест с двумя перекладинами.

Кто-то сунул мне в руки автомат. Я кинулся во двор и увидел Эль Гранде. Он стрелял по плавно спускавшимся на деревья людям. Пуля попала в одного из них. Он взорвался в воздухе. Вспыхнувшее пламя перекинулось на два парашюта рядом, и те словно растаяли в небе. Эль Гранде без устали стрелял из автомата. Еще один динамитерос взорвался. Остальные исчезли среди лиан, стропы парашютов запутались в густых ветвях деревьев. А с вертолета прыгали все новые парашютисты.

Внезапно над аркой плеснула тонкая, яркая молния, она «ужалила» вертолет, тот покачнулся, и тут же раздался взрыв. Вертолет развалился на куски. От раскаленного металла посыпались искры, заливая деревья огненным дождем. Еще три взрыва один за другим всколыхнули землю.

Из огня выскакивали динамитеросы и, не обращая внимания на автоматные очереди, бежали вперед. Я выстрелил, но это их не остановило. Они продолжали бежать, держа в руках небольшие детекторы. Эль Гранде кинулся наперерез динамитеросу, который бежал впереди. Тот не сумел увернуться и попал в объятия великана. Мгновением позже оба превратились в огненный гейзер, вырывший в земле глубокую яму. Задетый взрывной волной, взорвался еще один динамитерос. Однако ни пули, ни огонь не могли остановить фанатиков. Самоубийцы с готовностью бросались в преисподнюю.

Я вдруг увидел Агвиллу. Он стоял в стороне, с потерянным видом, загораживая Хельгу. Откуда-то выскочил Дуг Кассиди. В руке он держал длинный нож. Подбежав к ним, вырвал Хельгу из рук Агвиллы, что-

то крикнул ей в лицо. Она взвизгнула, кинулась прочь, он — за ней. Секунду-другую Агвилла стоял, точно окаменев, потом бросился вслед за Дугом. Но опоздал. Бывший учитель испанского языка в Нью-Йорке, любитель спиртного, примкнувший к динамитеросам, сбил Хельгу с ног и вонзил нож в крест с двумя перекладами — в самое сердце. Так расправлялись динамитеросы с изменниками.

Агвилла, не веря своим глазам, смотрел то на мертвую возлюбленную, то на нож, с которого стекала кровь. И вдруг с диким криком схватил Дуга за горло и мертвой хваткой впился в него пальцами. Кассиди даже не успел поднять в ответ нож и без единого слова, без стоны рухнул рядом с бывшей соратницей, устремив неподвижный взгляд в небо — словно спрашивая себя, к чему все это было...

Появился доктор Маяпан. Он, казалось, вдруг сразу постарел и стал беспомощным, как дитя. Прихрамывая, подошел к сыну, немощными руками обнял его и повлек назад, во двор. А динамитеросы находились всего в полусотне шагов от нас. Троиц из них удалось обойти нашу малочисленную группку. Они продвигались на запад — туда, где передатчик издавал свой предательский писк. Успеет ли Педро Коломбо заставить его замолчать прежде, чем туда доберется вооруженная тройка?

В Ясимьенто Педро уже не было. Он скакал назад, изо всех сил прищипывая коня. Наверное, услышав выстрелы, решил вернуться, чтобы погибнуть вместе со всеми. Увидел черные фигуры, бежавшие ему навстречу, и на всем скаку налетел на них, поливая очередь из автомата. Двое динамитеросов превратились в огненный смерч и вовлекли с собой Педро. Третий исчез за деревьями.

Динамитеросы уже достигли Эль Темпло. Я открыл огонь. Один из них, сраженный пулей, упал. Раздался

взрыв. Деревья пылали, все вокруг превратилось в огненный ад.

— Тедди! — вдруг услышал я за спиной голос Анди. — Отходи!

Я попытался бежать, но споткнулся, упал, кто-то поднял меня и поволок за собой. Перед тем как нырнуть под арку, я успел заметить, что какой-то динамитерос бросился — в точности как там, на учебном плацу у Эль Капитана, — к складу, где находился Мак-Харрис. Еще один взрыв: это фанатик-самоубийца подорвал себя и склад.

Анди вбежал в помещение, на миг задержался перед распахнутой дверью комнаты связи и прошел мониторы двумя автоматными очередями. Все пять экранов разлетелись вдребезги. Эль Темпло лишился зрения и слуха.

Мы отступили к библиотеке.

Там, среди груды книг, уронив голову на грудь, с отрешенным видом сидел Агвилла. Возле него, что-то шепча ему, сидел отец. Анди торопливо выхватил из шкафа какие-то книги, рукописи и сунул в мешок. Взрывы по-прежнему сотрясали развалины Эль Темпло.

Анди поднял брата, я помог встать старику жрецу, и мы двинулись к лаборатории. Мучительным был этот мой последний путь туда. Даже в тот, уже далекий день, когда я впервые шел по длинным коридорам, сгибаясь под тяжестью мешка с гремучим песком, мне не было так тяжело. Старик Маяпан, навалившись всем телом на мои плечи, с трудом передвигал ноги. Братья следовали за ним. Агвилла все время стонал.

По подземельям прокатывался грохот взрывов.

Эль Темпло превращался в руины. То, чего не сумели сделать тысячелетия, теперь совершала горстка самоубийц с взрывчаткой на груди...

Но вот наконец мы подошли к железной двери, Ан-

ди приложил руку к левому углу, дверь отворилась, мы вошли. Лаборатория тонула во мраке: генератор бездействовал. Анди посветил фонарем, подошел к пульта управления, порывлся, нашел стопку тетрадей — записи Доминго Маяпана и Бруно Зингера с формулой энеггана — и тоже сунул их в мешок.

Быстрелы приближались.

— Пошли! — скомандовал Анди. — Больше нам тут делать нечего.

Он выпустил автоматную очередь по компьютеру и пульта, подбежал к углу, сдвинул перегородку. За нею оказался небольшой подъемник.

— Сюда!

Все безропотно подчинились властному приказу. Да и как было не подчиниться? Перед нами был уже не прежний юноша-мечтатель, а человек, который знает, чего хочет и как этого достичь.

Длинная шахта над нами терялась во мраке.

— Анди, но ведь тока нет! — испуганно сказал я.

— Придется вручную, — отозвался он.

Только тут я заметил металлическую рукоять, и мы принялись вдвоем крутить ее.

Подъемник медленно пополз вверх.

6. Эль Волкан гневается

Сколько времени длился подъем? Мне показалось — вечность. Мы вертели рукоять, клеть негромко поскрипывала, прикасаясь к выступам каменной стены. В темноте слышалось прерывистое дыхание старого жреца, стоны Агвиллы. Мне даже казалось, что я слышу бие-ние собственного сердца. Но все мои мысли были заняты рукоятью, которую мы вертели, вертели, почти до потери сознания.

Легкий толчок. Подъемник остановился.

Снизу донесся глухой взрыв.

— Тедди, подними руки! — приказал Анди.

Я послушно поднял руки и нащупал что-то вроде металлической крышки.

— Сдвинь ее влево!

Я так и сделал. Неожиданно в глаза ударил яркий солнечный свет. На голову посыпались комья сухой земли.

— Всем выходить! — приказал Анди. — Быстро!

Мы вышли, щуря глаза, и оказались на поверхности — где именно, я не мог определить, так как дневной свет все еще слепил глаза.

— Помоги мне закрыть вход! — сказал Анди.

Вдвоем мы задвинули шахту металлической крышкой, сверху засыпали камнями и землей, после чего, совершенно обессиленный, я рухнул наземь рядом с Агвиллой и старым Доминго. Лишь через минуту-другую, когда дыхание выровнялось, я приподнялся на локтях, пытаюсь определить, где мы находимся. И вдруг понял, что это то самое место, куда меня, усыпленного, доставили из Эль Темпло. Позади высились вершины Скалистого массива, впереди — конусообразная шапка Эль Волкана.

Пока доктор Маяпан, Агвилла и я лежали без сил, неутомимый Анди успел сбегать вниз, к рощице, и раскидать груды веток. Под ними, накрытый куском брезента, стоял знакомый мне старенький джип. Анди завел мотор, подогнал машину к нам.

Внезапно из глубины земли донесся мощный гул. Гора под нами содрогнулась, словно какой-то неведомый исполин в ярости ударил ее кулаком.

— Ясимьенто! — прошептал Анди.

— Ясимьенто... — вяло повторил Агвилла. — Все кончено...

Увы, он не ошибся.

Подземный гул смешался с адским грохотом — это

трещала, обваливалась земля, сыпались камни. Деревья вырывало с корнем...

Проснулся Эль Волкан.

Из его кратера к небу взметнулся огромный огненный столб. Достигнув облаков, он превратился в гигантский гриб, накрывший вулкан, и, оседая, окутал предгорья и смешался со стайфли, превратив его в плотную раскаленную пелену. Вместе с огнем извергались вихри пепла, газов, камни. По склонам стекали широкие потоки лавы, заливая поля индейцев, сжигая их хижины, сметая редкие деревца и траву. Спасаясь от ярости вулкана, люди в панике устремились в долину.

Вихри жаркого пепла долетели и к нам. Это вывело нас из оцепенения. Агвилла помог отцу влезть в машину, я сел рядом. Анди сунул мешок с книгами под сиденье, и мы помчались через лес вниз к шоссе, едва видневшемуся в густом тумане. Сухая рощица позади вспыхнула как спичка, огонь преследовал нас по пятам. Анди гнал машину как одержимый, проявляя чудеса водительского искусства. Но, невзирая на его старания, раскаленные облака настигали нас. Я поднял откидной верх, нашел бидон и стал поливать брезент водой — наивная попытка защититься от огня. Воздух наполнился испарениями. Старый Доминго Маяпан полулежал на заднем сиденье, судорожно глотая ртом воздух, дыхание его становилось все более прерывистым.

Чем ниже к долине, тем больше людей попадалось нам на дороге — с узлами на плечах, плачущими младенцами на руках. Одни толкали перед собой двухколесные повозки, другие везли скарб на тачках для песка. Мы обгоняли подводы, полуразбитые машины, грузовички. С каждой минутой человеческий поток становился все гуще. Кое-кто пытался остановить нашу машину, забраться внутрь, но мы молча отталкивали их, и вслед неслись проклятья и брань.

В долине, которая вела в Кампо Верде, дорога оказалась забитой настолько, что ни одна машина не могла пробиться сквозь расплзшийся человеческий муравейник. Тогда Анди свернул вправо и, взобравшись на разрытый склон, поехал параллельно шоссе с риском перевернуть машину.

Минут за десять мы опередили поток беженцев и вновь съехали на шоссе. Здесь лава уже не угрожала нам, зато смог, пропитанный раскаленной вулканической пылью, стал невыносимым. Каждый вдох приносил страдания, особенно трудно приходилось старику. Это словно бы вывело Агвиллу из оцепенения, в котором он находился после смерти Хельги. Достав из-под сиденья три маски, он протянул их отцу, Анди и мне. Однако старик оттолкнул его руку.

— Оставь, — прошептал он. — Мне уже не надо... — Мучительная гримаса исказила его лицо. — Я... ты же видишь, я умираю... Возьми себе... Ты должен жить. Должен... Я...

Но Агвилла, не слушая, старательно застегивал маску под подбородком отца. Тот выпрямился, сдернул с себя маску и, собрав последние силы, с гневом, в котором, однако, слышалась отцовская любовь, воскликнул:

— Ты слышишь, что я сказал? Надень маску!

Измученный непривычной вспышкой, Агвилла почти машинальным движением натянул маску. Отец буркнул:

— Так-то лучше...

Некоторое время мы ехали молча. Потом он сказал:

— Мне хотелось бы повидать Кампо Верде... Сможете платок!

Платок не помогал, старику становилось все труднее дышать. Вулкан остался далеко позади, но было видно, что он по-прежнему извергает потоки лавы, неся смерть Теоктану и Тупаку.

Впереди сквозь пелену тумана показалось Кампо Верде.

Я уже трижды видел его. Первый раз в фильме Агвиллы. Тогда перед моими глазами был цветущий сад, уютные домики, безмятежные жители. Видел я его и в развалинах и запустении несколько недель назад, когда проезжал мимо, направляясь в Америго-сити.

И вот оно вновь передо мной. Моим глазам представало разрытое кладбище: жилища превратились в могилы, остатки нефтяных вышек — в надгробные памятники. Бульдозеры перекопали, перерыли, искромсали землю, зонды пробурили глубокие отверстия, разворотили подвалы: Мак-Харрис искал здесь дорогу в Эль Темпло!

— Останови... — еле слышно произнес Доминго

— Здесь...

Анди послушно остановил машину там, где когда-то стоял бело-зеленый домик. Сейчас от него осталась только полуразрушенная стена да помятая железная бочка.

— Помогите мне выйти... — прошептал старик.

Мы вынесли его из машины, положили на землю. Агвилла поднес к его рту флягу с водой, но он отказался:

— Напрасно, сын... Сам видишь... Я останусь здесь, рядом с моей Евой...

Он с трудом выглаткивал из себя каждое слово, не хватало воздуха.

Подземные толчки прекратились. Стало тихо-тихо. Слышалось только свистящее дыхание умирающего.

Он повернул ко мне голову. Губы у него посинели.

— Сеньор Искров, — с трудом различил я. — Простите... что вовлек вас в эту... борьбу... Она была... только нашей...

— Она стала и моей, доктор Маяпан, — возразил я. На глаза у меня навернулись слезы.

По его лицу прошла слабая тень улыбки:

— Тогда... я... рад...

Он поднял руку и привычным жестом попытался поправить очки. Внимательно посмотрел на сыновей и трясущимися пальцами взял их руки, притянул к своей груди.

— Агвилла... Алехандро... дорогие мои мальчики... Помните, борьба не окончена... Мы свергли Мак-Харриса, но только его одного... И в этом наша ошибка... Мак-Харрис не одинок. В мире столько ему подобных... — Голос его прервался, он замолчал, перевел дух и шепотом закончил: — А энерган — это могущественная сила. Она может свалить и остальных... Если только мы не будем сражаться в одиночку... Найдите Моралеса... Найдите Моралеса...

Тело его свело судорогой. Из горла вырвался стон.

Агвилла сдернул с себя маску, приложил к его лицу. Струя кислорода подействовала на старика подобно удару. Он вздрогнул, напрягся, почти привстал, в последний раз глубоко вздохнул, потом откинулся назад и застыл. Навсегда.

Мы похоронили Доминго Маяпана, приветливого маленького жреца с Двадцать второй улицы и большого ученого, перед домом, где он когда-то жил. Рядом с любимой женой.

7. Разлука

Агвилла, казалось немного пришедший в себя, теперь снова впал в отчаяние. Всю дорогу из Кампо Верде он, как ребенок, безутешно рыдал, не обращая ни на кого внимания, забыв даже о кислородной маске, хотя от ядовитого стайфли щипало глаза и першило в горле.

Мы приближались к побережью. Анди избегал оживленных магистралей, предпочитая заброшенные, почти

безлюдное шоссе. То тут, то там мы проезжали мимо разрушенных землетрясениями безлюдных деревень. Кое-где навстречу тянулись беженцы.

Под вечер, несмотря на мощные фары, освещавшие дорогу, уже в десяти метрах впереди ничего не было видно. Мы свернули на площадку у дороги. Анди включил свет, вынул из-под аккумулятора металлический ящик. Это был радифон. Я заметил номер, который он набрал: 77 77 22. В трубке тут же прозвучал тихий голос:

— «Энерган компани» слушает.

— Хайме, ты? Говорит Алехандро... Да, с Агвиллой. И еще с одним другом... Мы живы, живы, успокойся, ты ведь меня слышишь. Сейчас не до разговоров. Расскажу, когда увидимся. Как у тебя дела?

— Все в порядке.

— Где находишься?

— На базе номер шестнадцать.

— Хорошо. Мы едем. Готовься в путь! Отбой!

Анди спрятал радифон на прежнее место и включил приемник — впервые с той минуты, как мы покинули Теоктан. Передавали вечерний выпуск новостей. Диктор сообщал:

«...вызвало необычайные опустошения. Потоки горячей лавы заливают огромные площади. Как полагают, среди населения имеются значительные жертвы, но число их пока неизвестно. Крова лишились не меньше трехсот тысяч человек...»

Анди повернул рычажок. В тишине раздались позывные Острова — знакомая мелодия, за слушание которой люди попадали прямоком в «Конкисту». Вслед за позывными зазвучал не менее знакомый голос диктора:

«Передаем последние сообщения из Веспуччии. Сегодня после опустошительного землетрясения,

обрушившегося на обширную часть страны, в Америго-сити произошел военный переворот. Новую хунту возглавляет полковник Санто де Гонсалес, известный под именем Командора. Судьба Князя неизвестна. Силы союзников, патрулирующих залив Америго-сити, оказали мятежникам прямую поддержку, направив в главные административные и промышленные центры Веспуччии свои ударные части. Сведения об исходе террористической операции динамитеросов, напавших на базу «Энерган компани», не поступали. Что касается судьбы руководителей «Энерган компани» или, как их еще называют, «людей с Двадцать второй улицы», то они весьма противоречивы. Нет никаких известий и о судьбе журналиста Теодоро Искрова, который также находился в Эль Темпло. По мнению иностранных корреспондентов, хунта встречает мощное противодействие народных масс. В данную минуту на улицы столицы вышла демонстрация в несколько сотен тысяч человек. Командор направил против них танки и вертолеты».

Анди выключил приемник.

Никто не проронил ни слова. Агвилла, видимо, успокоился, из-под маски доносилось мерное дыхание — может быть, уснул? Или мысленно повторяет предсмертные слова отца?

Мои мысли были заняты Кларой, детьми, матерью. Что с ними? Где они? Пощадила ли их хунта? Или же Командор так же беспощадно расправился с ними, как и с другими неугодными лицами? И что мне делать в оккупированной «союзниками» стране?

К полуночи мы добрались до побережья. За плотным стайфли океан не был виден, только слышался шум прибоя. Кругом ни души, темень, хоть глаз выколи. Должно быть, мы находились вдалеке от жилья —

думаю, к северу от Америго-сити, в неприступных заливах, где когда-то жили одни чайки, а теперь их нет. Но, как я заметил, Анди и Агвилла хорошо знали местность. Во всяком случае, оставив машину наверху, они без труда отыскивали вырубленную в камнях тропинку и стали спускаться. Анди нес на спине мешок с книгами и записями.

Вскоре я почувствовал под ногами мягкий песок, потом воду.

— Кто? — раздался из темноты мужской голос.

— Двадцать два на двадцать два, — ответил Анди. — Хайме, это мы.

Кто-то зашлепал по воде, и перед нами выросла высокая фигура.

— Наконец-то! — обрадованно сказал тот, кого Анди называл Хайме. — С самого утра жду от вас весточки...

Заметив меня, он умолк.

— Это Теодоро Искров, — сказал Анди. — Наш друг.

— Да, да, знаю... А где Доминго?

— Его нет... — тихо ответил Анди.

— Что значит — нет? — почти сердито сказал Хайме. — Где же он?

— Остался в Кампо Верде... Возле мамы...

— Вот оно что... — сокрушенно пробормотал Хайме. — Значит, не видать мне больше старого друга...

Издаലെка долетел гудок теплохода. Хайме встрепелся:

— Надо идти. Без промедлений.

— Постой! — сказал Анди. Он поднял мешок и подал Агвилле. — Держи, Белый Орел!

— Что это? — глухо спросил тот.

— Все, что нужно, чтобы ты начал заново... Вернее, продолжил начатое.

— Куда мы направляемся?

— На Остров.

— Куда?! — вскричал Агвилла.

— Ты же слышал — на Остров. Там у меня друзья, они вас встретят, помогут. Там все будут тебе помогать... Энерган не пропал бесследно, он здесь, в этих книгах и записях... И когда ты снова получишь его, ты отдашь его им. Чтобы никогда больше на Земле не было ни Мак-Харрисов, ни войн, ни стайфли. Чтобы планета стала чистой! Слышишь, Агвилла?

— Слышу, — глухо отозвался Агвилла. — А ты? Что будет с тобой?

— Я остаюсь здесь.

— Нет!

— Да! — твердо произнес младший брат, и мы почувствовали, что спорить бесполезно. — Теперь я знаю свою дорогу... Я нужен им здесь. Ты слышал радио? На улицы Америкосити вышли люди, их тысячи, сотни тысяч. До свидания, Белый Орел! Я уверен, что мы встретимся. Но тогда, когда наша страна избавится от Командора, стайфли и иностранных танков...

Братья обнялись. Жизнь разлучала их. Младшему предстоял путь борьбы за свободу отечества, он шел навстречу опасностям и, кто знает, может быть, навстречу своей гибели. А старшего брата, последнего вождя толтекского племени, ждали мучительные годы внутренней перестройки и творческого подвига во имя энергана. Энерган должен возродиться!

Анди хлопнул меня по плечу:

— До свиданья, Тедди! Желаю удачи!

— Я остаюсь с тобой.

— Нет, дружище, нет! Ты тоже поедешь на Остров. В Веспуччий тебе не место... Во всяком случае — пока... К тому же ты обязан закончить свою повесть. Хотя бы ради памяти нашего отца. Пусть мир узнает о докторе Доминго Маяпане...

— ...и Белом Орле и Алехандро Маяпане, — добавил я, сдаваясь.

Он засмеялся:

— Согласен! Я не прочь попасть в книгу! Только, смотри, не слишком меня приукрашивай!

Мы обнялись.

Я заплепал по воде, поднялся на борт суденышка. Взял мешок, потом втянул на борт Агвиллу.

Анди остался на берегу один.

— Все готовы? — спросил Хайме.

— Готовы! — глухо ответил Агвилла.

Заскрипела цепь — Хайме выбирал якорь. Суденышко дрогнуло и заскользило вперед.

Компас показывал ост-норд-ост: мы держали путь на Остров.

Несколько слов об авторе

Хайм Оливер родился в 1918 году в одном из красивейших городов Болгарии — Кюстендиле, который по праву называют фруктовым садом страны. Он изучал экономику и музыку, позже — журналистику в Софии и Вене. Однако Венский университет ему закончить не удалось: в 1938 году Австрия была оккупирована войсками немецких нацистов. Здесь Оливер впервые стал свидетелем фашистских зверств. В Вене же началась его революционная и антифашистская деятельность, которую он продолжил по возвращении в Болгарию. В 1941 году Оливер был заточен в тюрьму, а затем отправлен в трудовой лагерь, откуда ему удалось бежать и присоединиться к партизанскому отряду. В этом отряде он сражался вплоть до 9 сентября 1944 года — дня победы социалистической революции в Болгарии. В годы монархии за активную революционную деятельность Хайм Оливер был дважды судим военным судом и приговорен к смертной казни.

После войны Оливер работал корреспондентом на радио и в газетах, а затем на протяжении четверти века — редактором и главным редактором киностудии. Ему принадлежит ряд сценариев научно-популярных, документальных и мультипликационных фильмов, а также художественных лент и телевизионных сериалов. Последний сериал под названием «Рыцарь Белой дамы» создан им в начале 1983 года. Сейчас по сценарию Оливера в Болгарии снимается музыкальная комедия. За сценарий «Наша земля» Хайм Оливер удостоен Димитровской премии.

Помимо создания кино- и телефильмов в творческом активе писателя 14 романов, шесть из них предназначены детям и юношеству. Тематика его книг самая разнообразная: здесь и повести об антифашистском сопротивлении и революционной борьбе, и современный детектив, и рассказы о достижениях научно-технической революции. Горячий приверженец научной фантастики, поклонник Ж. Верна, Г. Уэллса, Р. Брэбери, советских писателей-фантастов, Оливер почти во все свои произведения в той или иной степени включает элементы фантастики, а две его книги — «Гелиполис» и «Энерган-22» — целиком принадлежат к этому жанру.

Как мог убедиться читатель, сюжет романа «Энерган-22» разработан Оливером в остром, приключенческом стиле, а юмор писателя часто граничит с сарказмом. В такой же тональности написан и выходящий в скором времени новый роман «Как я стал кинозвездой», где автор рассказывает о различных перипетиях, пережитых им за долгие годы работы в кинематографе.

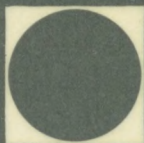
Советский читатель не впервые встречается с творчеством болгарского писателя. Ранее на русском языке была опубликована его книга «Великий поход дин-астронавтов», вызвавшая широкий отклик. Автор получил множество писем от читателей из различных уголков Советского Союза. Надеюсь, что и «Энерган-22» будет с интересом встречен любителями фантастики.

*Д-р Димитр Пеев, заслуженный деятель
культуры, главный редактор еженедельни-
ка «Орбита»*

Содержание

<i>Дм. Биленкин.</i>		
	Безумие демонов	5
Часть первая.		
	Жрец	16
Часть вторая.		
	Эдуардо Мак-Харрис	83
Часть третья.		
	Белый Орел и Алехандро Маяпан	149
Часть четвертая.		
	Рыжая Хельга	247
Часть пятая.		
	«Песня»	312
<i>Димитр Пеев.</i>		
	Несколько слов об авторе	359

Зарубежная

фантастика

1 р. 70 коп.

Издательство «Мир» Москва